ПОДВИГ НАРОДА

Политическое руководство фронтом и тылом

Один из главных источников силы СССР, продемонстрированной во время войны, заключался в высокой степени централизма и организованности государственной системы. Максимальная централизация всех ветвей власти, а также активное сотрудничество с ней всего общества позволяли советскому руководству направлять основные ресурсы страны на самые важные, решающие участки борьбы с врагом. Даже при относительной ограниченности этих ресурсов возможность осуществлять «принцип ударности» сыграл в годы войны чрезвычайно важную роль. Призыв «Все для фронта, все для победы!» не оставался декларацией, лозунгом, а реально претворялся в жизнь. Это и стало важным фактором достижения победы.

Вся жизнедеятельность Советского государства и общества в условиях войны определялась в основном решениями чрезвычайного органа — Государственного Комитета Обороны (ГКО), образованного постановлением Президиума Верховного Совета СССР, ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 30 июня 1941 г. Это произошло через неделю после начала войны, когда партийно-государственное руководство глубоко осознало угрожающие масштабы постигшей страну катастрофы и необходимость принятия неотложных кардинальных мер. В принятом постановлении говорилось, что в руках ГКО сосредоточивается вся полнота власти в государстве и все граждане, все партийные, советские, комсомольские и военные органы обязаны беспрекословно выполнять решения и распоряжения Государственного Комитета Обороны[1].

На основе общих политических целей и задач, определявшихся Политбюро ЦК ВКП(б), ГКО осуществлял реорганизацию государственного аппарата и центральных органов военного управления в связи с особенностями военного времени; определял задачи военной экономики и концентрировал усилия государственных, партийных и хозяйственных органов на их выполнении; принимал меры к восстановлению разрушенного войной народного хозяйства; определял общую численность Вооруженных сил СССР, соотношение видов вооруженных сил и родов войск; принимал решения об изменении их организационной структуры, штатов, формировании новых частей, соединений, объединений, назначении высшего командного состава; регулировал отдельные вопросы прохождения военной службы личным составом; определял объем и сроки призывов и мобилизаций; утверждал новые образцы, планы производства оружия, боеприпасов, боевой техники, военного имущества и другой продукции оборонной промышленности; принимал меры к укреплению дисциплины в вооруженных силах, правопорядка в стране; устанавливал ответственность за отдельные правонарушения, совершенные в условиях войны; участвовал в организации социалистического соревнования в оборонной промышленности; решал некоторые вопросы межгосударственных отношений (о создании на территории СССР иностранных военных формирований, закупке техники,

вооружения и другого имущества за рубежом); определял правовой статус различных советских органов, созданных за границей в период войны, а также правовое положение советских войск на территории освобождаемых от фашизма государств, порядок их взаимоотношений с местными властями и многое другое[2]. Созданный чрезвычайный высший орган власти состоял первоначально (позже его состав претерпевал некоторые изменения) из пяти человек: И. В. Сталин (председатель), В. М. Молотов (заместитель), Л. П. Берия, К. Е. Ворошилов, Г. М. Маленков.

Представляя собой вершину пирамиды власти, Государственный Комитет Обороны руководил страной через аппарат ЦК ВКП(б), СНК СССР и центральные органы общественных организаций. Некоторые вопросы он решал напрямую через местные партийные и советские органы, различные наркоматы и ведомства, городские комитеты обороны, создаваемые преимущественно в прифронтовых городах. Принятые решения в зависимости от их содержания оформлялись в виде постановлений ГКО, СНК СССР, директив ЦК ВКП(б), указов Президиума Верховного Совета СССР, а по вопросам вооруженной борьбы и военного строительства — директив Ставки ВГК, созданной постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 23 июня 1941 г., приказов народного комиссара обороны.

Военно-стратегическое руководство вооруженной борьбой ГКО осуществлял через Ставку Верховного главнокомандования. За исключением первых дней войны, Ставка ВГК непрерывно держала в своих руках все нити руководства вооруженными силами и их военными действиями. Она решала огромное количество задач: оценивала стратегическую обстановку и в соответствии с ее характером вносила на рассмотрение ГКО предложения о перспективах и целях вооруженной борьбы; разрабатывала планы военных кампаний и важнейших операций; изыскивала резервы для создания необходимых группировок войск; ставила задачи фронтам и флотам, объединениям ВВС и войск ПВО, организовывала взаимодействие между ними, направляла их действия; осуществляла всестороннее материально-техническое обеспечение операций; на основе обобщения опыта войны устанавливала наиболее целесообразные способы ведения боя и операции; согласовывала усилия Красной армии с действиями союзных войск.

В центре внимания и практической деятельности Ставки, как и ГКО, находились также многие военно-политические, военно-экономические и военно-технические вопросы. Она участвовала в расстановке командно-политических кадров, совершенствовании организационной структуры войск и их материально-техническом обеспечении, определяла тактико-технические требования к видам и образцам вооружения и боевой техники, изыскивала конкретных исполнителей, намечала необходимые сроки их производства и поставки в войска. Решала и другие проблемы, относящиеся к превращению страны в единый военный лагерь.

Пройдя трудный путь от растерянности, тяжелых поражений и неудач к постепенному формированию и освоению достаточно четкой, стройной и гибкой системы управления армией и флотом, Ставка ВГК стала эффективным органом стратегического руководства вооруженной борьбой. В ходе войны она проделала колоссальную по объему, масштабам и значимости работу. Под ее руководством были решены проблемы, связанные с восстановлением нарушенного стратегического фронта, проведено восемь военных кампаний, свыше 50 стратегических операций и операций групп фронтов. Она контролировала и направляла проведение более 250 фронтовых операций, ряда воздушных, противовоздушных и морских десантных операций, а также трех централизованных операций партизанских сил[3].

Главным рабочим органом Ставки ВГК был Генеральный штаб, который в своей деятельности тесно взаимодействовал с управлениями Наркомата обороны, Главным морским штабом, Главным штабом партизанского движения, наркоматами народного хозяйства, предприятиями оборонной промышленности, научно-исследовательскими центрами, конструкторскими бюро, испытательными полигонами и другими организациями и военными структурами.

Принятые ГКО постановления, имеющие силу закона, немедленно принимались к исполнению аппаратами ЦК ВКП(б), СНК СССР, наркоматов, прежде всего наркоматов обо-

роны и ВМФ, а также уполномоченными ГКО. Отдельные задания поручались секретарям компартий союзных республик, крайкомов и обкомов партии, наркомам и их заместителям, видным ученым, руководителям местных органов власти. Масштабы, сроки деятельности уполномоченных ГКО определялись характером выполняемого задания. Наделенные чрезвычайными полномочиями, они имели большие возможности для успешного выполнения поставленных ГКО задач, выезжали в действующую армию для оказания помощи в организации и обеспечении боевых действий. Для лучшего руководства оперативной работой при уполномоченных ГКО иногда создавались небольшие группы помощников для особых поручений. В них включались крупнейшие деятели науки и техники, которые занимались разработкой и апробацией научных работ, связанных с обороной страны.

При ГКО действовали комитеты: транспортный, трофейный, по радиолокации, особый комитет занимался репарациями, трофейным промышленным оборудованием и прочим. Задания ГКО выполняли другие органы управления, некоторые из них создавались по мере необходимости: это были временные советы, комитеты, комиссии, бюро, которые после выполнения конкретных задач распускались. К числу органов, существовавших более продолжительное время, относилось, в частности, Оперативное бюро ГКО, образованное 8 декабря 1942 г. в составе Л. П. Берии (председатель), Г. М. Маленкова, А. И. Микояна, Н. А. Вознесенского, Н. А. Булганина. На это бюро возлагалась обязанность осуществлять контроль за текущей работой всех наркоматов оборонной промышленности, наркоматов путей сообщения, черной и цветной металлургии, электростанций, угольной, нефтяной, химической промышленности, а также «за делами составления и исполнения планов производства и снабжения указанных отраслей промышленности и транспорта всем необходимым». Весной 1944 г. к ведению Оперативного бюро ГКО дополнительно были отнесены наркоматы резиновой, бумажно-целлюлозной и электротехнической промышленности. 22 августа 1944 г. ГКО отнес к компетенции Оперативного бюро также вопросы, связанные со снабжением Красной армии и предприятий оборонной промышленности продовольственными и промышленными товарами. Для подготовки к рассмотрению Оперативным бюро ГКО вопросов снабжения, а также для проверки потребности в продовольственных и промышленных товарах и выявления дополнительных товарных ресурсов было признано необходимым создать комиссию при Оперативном бюро в составе А. И. Микояна, Н. А. Вознесенского, А. В. Любимова[4].

Большое внимание ГКО уделял руководству борьбой советского народа в тылу врага. С этой целью в мае 1942 г. по решению ГКО при Ставке Верховного главнокомандования были созданы Центральный штаб партизанского движения и местные штабы партизанского движения.

Подавляющую часть постановлений и распоряжений ГКО подписывал И. В. Сталин. Само собой разумеется, он не мог детально вникать в содержание каждого из них, хотя проекты наиболее важных решений всегда рассматривал лично. Невидимая работа по подготовке постановлений ГКО ложилась на плечи работников Госплана, СНК, ЦК ВКП(б), Генерального штаба, наркоматов, советских и хозяйственных органов разных уровней. В большинстве случаев постановления ГКО принимались оперативно. Однако нередко рассмотрение сложных вопросов занимало и несколько дней, если требовались глубокая проработка проблемы, уточнение исходных данных или анализ альтернативных вариантов в целях выбора наиболее оптимального из них.

Деятельность чрезвычайного высшего органа власти свидетельствовала, что вначале импульсивно, неровно, но затем все более уверенно шел процесс его становления, определения главных направлений и стиля работы. О масштабах деятельности ГКО можно судить хотя бы по тому, что за 1626 дней своего существования (с 30 июня 1941 по 3 сентября 1945 г.) он принял 9971 постановление и распоряжение. Около двух третей из них в той или иной степени относились к вопросам экономики и организации военного производства[5].

В целях повышения ответственности и эффективности работы членов ГКО были приняты, хотя и не сразу, некоторые меры. В частности, постановлением от 4 февраля 1942 г.

четко распределялись обязанности членов Комитета. В конце 1941 — начале 1942 г. при каждом члене ГКО были созданы рабочие группы из квалифицированных специалистов, руководителей отраслей, представителей НКО и Госплана.

На высших органах государственной власти лежали задачи выработки не только военной, но и экономической стратегии на период войны. Неудачное ее начало перечеркнуло предвоенные планы и разработки. Перестройка потребовалась гораздо более глубокая и во многом в непредвиденных ранее направлениях. Высшему руководству государства пришлось оперативно вносить соответствующие изменения в военно-политическую стратегию — систему основополагающих взглядов на способы ведения войны, учитывать международную военно-политическую обстановку, материальные возможности страны, состояние средств вооруженной борьбы, наличие людских ресурсов и другие факторы.

В центре внимания ГКО постоянно находилась кардинальная задача по увязке возрастающих потребностей фронта с возможностями экономики страны, планированию и безотлагательному налаживанию производства всех видов вооружения, боеприпасов, их распределения и создания резервов. При этом учитывались требования, заявки и предложения, которые представлялись фронтами, Генеральным штабом, главными управлениями НКО.

К 1942 г. выработался определенный порядок деятельности ГКО по планированию военного производства. Строилось оно на основе квартальных и годовых общих народно-хозяйственных планов. В большей своей части это были месячные планы выпуска боевой техники, отдельных видов вооружения, боеприпасов в целом по отрасли. Это, однако, не исключало заданий и на более длительные сроки.

Круг решавшихся в ГКО вопросов и принятых по ним постановлений на всем протяжении войны был весьма обширен и разнообразен. Из всех связанных с войной постановлений около 350 были посвящены проблемам непосредственно военного строительства в наиболее напряженный период войны. Они несут особенно отчетливый отпечаток складывавшейся обстановки на фронте, характера боевых действий.

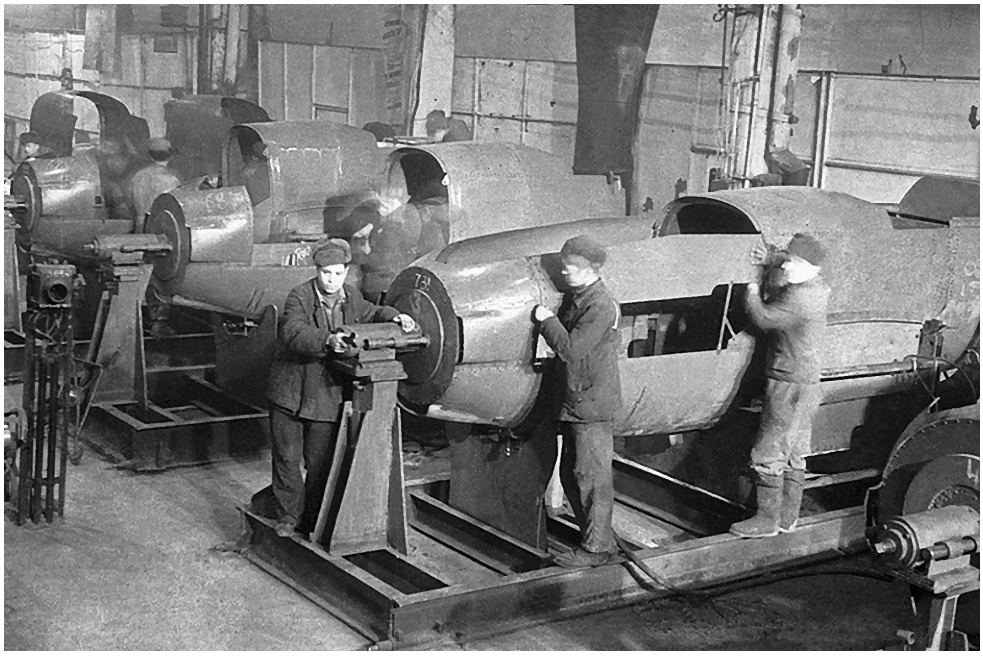
Крайне неблагоприятное для Красной армии начало войны чрезвычайно усложнило задачу организации и комплектования войск. В связи с начавшейся 23 июня 1941 г. мобилизацией численность вооруженных сил к 1 июля возросла на 5,3 млн человек[6]. Уже к концу года было сформировано 286 стрелковых дивизий. Развернулось формирование танковых бригад и батальонов, кавалерийских дивизий, противотанковых полков, других частей и соединений.

Решениями ГКО создавались новые государственные структуры, изменялась и уточнялась компетенция правоохранительных и судебных органов. На этой основе, например, все дела о преступлениях, совершаемых в исправительно-трудовых лагерях, которые находились в местностях, объявленных на военном положении, были переданы на рассмотрение военных трибуналов.

Значительное место в деятельности ГКО занимали вопросы тылового обеспечения Красной армии. В конце июля — начале августа 1941 г. постановлением ГКО была реорганизована вся система тыла Красной армии[7].

В ходе войны механизм подготовки решений и распоряжений ГКО совершенствовался, претерпевал изменения и его персональный состав. Однако процедура принятия решений и контроля их исполнения оставалась неизменной.

По аналогии с Государственным Комитетом Обороны в экстремальных условиях военного времени создавались чрезвычайные органы власти более низкого уровня. Так, постановлениями ГКО от 22 и 23 октября, 3 и 18 ноября 1941 г. в прифронтовых городах и областях были образованы комитеты обороны, объединявшие под своим руководством всю гражданскую и военную власть на местах[8]. В них входили председатели исполкомов советов депутатов трудящихся, начальники гарнизонов и управлений НКВД. Председателями их назначались первые секретари горкомов и обкомов партии. В ходе войны такие комитеты были созданы более чем в 60 городах прифронтовой полосы, в том числе в Ленинграде, Севастополе, Туле, Ростове-на-Дону, Сталинграде, Курске. «Создание комитетов обороны не отменяло существовавших органов руководства и управления на местах. В своей работе комитеты



Сборочный цех боевых самолетов

Инженеры и конструкторы на эвакуированных заводах продолжали работу над созданием новых самолетов

Девушки освоили мужские профессии

Женщины вяжут варежки для бойцов Красной армии

не подменяли их, а опирались во всей деятельности на партийные, советские, хозяйственные органы и общественные организации. Штатных работников комитеты не имели, а обычно выделяли из числа руководящего состава указанных органов уполномоченных, которые действовали от имени комитетов на наиболее ответственных участках... Большинство комитетов действовало до лета 1943 г., а в Сталинграде, Мурманске, Орджоникидзе — вплоть до 1944 г.»[9] Комитеты обороны занимались вопросами военно-мобилизационной работы, организацией народного ополчения и других добровольческих формирований, строительством оборонительных рубежей, укреплением МПВО, вопросами, связанными с боевой техникой и вооружением, эвакуацией и прочим. Эти органы сыграли положительную роль в деле мобилизации сил трудящихся городов и областей на отпор врагу.

Были реорганизованы и тыловые органы. В целях повышения их оперативности, необходимой централизации планирования и организации тылового обеспечения вооруженных сил 28 июля 1941 г. постановлением ГКО были созданы Главное управление тыла Красной армии и управления тыла во фронтах и армиях, а также учреждены должности начальника тыла Красной армии и начальников тыла фронтов и армий.

После окончания Второй мировой войны указом Президиума Верховного Совета СССР от 4 сентября 1945 г. ГКО был упразднен. Несмотря на субъективизм, имевший место в ряде случаев при анализе и оценке военно-политической обстановки, излишнюю централизацию при решении многих вопросов, деятельность ГКО в условиях войны способствовала максимальной мобилизации усилий советского народа на достижение победы над врагом.

Таким образом, в годы войны был не только создан необходимый в военное время чрезвычайный высший орган руководства страной, но и осуществлена полная и абсолютная централизация власти в руках его председателя И. В. Сталина. Единовластие его получило окончательное завершение и законодательное оформление, но это отнюдь не означало диктатуры вождя: И. В. Сталин находился на переднем плане борьбы, был в курсе всех дел и на фронте, и в тылу, умело держал руль управления страной. Он так же, как и весь народ, переживал неудачи первых месяцев войны, вынужденное отступление Красной армии воспринимал как трагедию, а победам радовался. Несомненно, личность И. В. Сталина — его сильная политическая воля, целеустремленность, умение организовать и дисциплинировать людей, ясно и понятно говорить с народом — сыграла положительную роль. Не менее важная роль принадлежала И. В. Сталину как символу и гаранту незыблемости государственной власти, единства народов СССР и уверенности в победе.

Приведем два, на наш взгляд, дополняющих друг друга оценочных положения о роли И. В. Сталина в руководстве фронтом и тылом, содержащихся в двух весьма взвешенных исторических исследованиях последнего пятилетия.

«В тяжелый для страны момент лета — осени 1941 г. и лета — осени 1942 г. именно воля И. Сталина заставила многих людей на передовой призвать свое личное мужество, одолеть малодушие под страхом смерти. Таким путем, а именно методом принуждения и репрессий, вождь компенсировал свои стратегические просчеты, допущенные им в начале войны в политической и военной областях»[10].

«На Сталине лежит личная вина за тяжелые поражения и огромные потери начала войны. Почему? Просто потому, что де-факто он единолично стоял у руля... В политической системе, которую он создал в СССР, на нем лежала личная ответственность за все. В июле 1941-го в теории надо было расстрелять не командующего Западным фронтом Павлова, а главнокомандующего Сталина. В мае 1945-го генералиссимуса Сталина надо было наградить... Но чем? Еще не придумано такой награды, которая была бы достойна Победы в той войне»[11].

Особое место в тотально централизованной государственной системе управления принадлежало разветвленному и громоздкому аппарату исполнительной и распорядительной власти, охватывавшему своим влиянием все сферы жизнедеятельности страны. Высшим его органом являлся Совет народных комиссаров (СНК) СССР. В него входили наркомы союзных и союзно-республиканских наркоматов, председатели Госплана СССР, ВЦСПС, действовавших при СНК комитетов, правления Государственного банка СССР. Возглавлял Совнарком

И. В. Сталин, назначенный председателем СНК СССР 6 мая 1941 г. и остававшийся им на протяжении всей войны. Совнарком и наркоматы разрабатывали и проводили в жизнь постановления ГКО. СНК занимался вопросами эвакуации промышленных предприятий и восстановления их на новых местах, координировал и направлял работу наркоматов, ведавших производством невоенной продукции. Он решал вопросы капитального и жилищного строительства, сельского хозяйства, осуществлял общее руководство внешней политикой, ведал социально-культурной сферой, статистикой, кредитной и денежной системами.

Хотя структура исполнительной власти с началом войны не претерпела больших изменений, обстановка военного времени диктовала необходимость расширения прав наркоматов в решении ряда вопросов. Постановление СНК СССР от 1 июля «О расширении прав народных комиссаров СССР в условиях военного времени» дало наркомам большие полномочия в распределении и перераспределении ресурсов между отдельными предприятиями и стройками. 18 июля это постановление было распространено на наркоматы РСФСР и УССР. Значительные коррективы были внесены в стиль, формы и методы работы наркоматов: в большинстве из них перестали созываться заседания коллегий, деятельность которых возобновилась только в 1942 г. Практиковались лишь оперативные совещания при наркоме.

Сложившаяся в годы войны система планирования была весьма жесткой: она определяла не только задания каждому наркомату по количеству и номенклатуре выпускаемой продукции на квартал, но и скрупулезно предусматривала выделение каждой отрасли необходимых для этого топлива, электроэнергии, металла, оборудования, материалов, вагонов для перевозок, определяла финансовое обеспечение. Причем все фонды строго лимитировались. Такой подход был жестокой необходимостью военного времени.

В период войны выделились следующие направления планомерного сосредоточения основных экономических усилий страны: удовлетворение потребностей действующей армии, повышение объемов и качества ее вооружения; кооперирование и обеспечение всем необходимым отраслей, связанных с военным производством; материальная поддержка населения в целях активизации его труда для нужд фронта. По ходу войны на каждом из этих направлений накапливался опыт, на основе которого складывался и утверждался порядок военно-хозяйственного планирования.

Производство всех видов военной техники, вооружения, боеприпасов — сложный процесс, в котором участвуют десятки предприятий. И если ГКО определял и контролировал общее количество выпуска конечного продукта, то СНК СССР направлял организацию и обеспечение производств всем необходимым для полной их комплектации.

Дальнейшее наращивание выпуска военной продукции было невозможно без восстановления потерянных мощностей в тяжелой промышленности, в первую очередь в черной и цветной металлургии, топливной, электроэнергетике и ряде других отраслей. С эвакуацией промышленных предприятий на Урал, в Сибирь, Среднюю Азию потребность этих районов в электроэнергии значительно возросла. Ее уже невозможно было удовлетворить за счет действовавших там электростанций. Требовалось широким фронтом осуществлять возведение новых электростанций. На решение этой задачи нацеливало, в частности, постановление СНК СССР от 25 апреля 1942 г. «О строительстве электростанций на Урале».

На положении дел в народном хозяйстве негативно сказывался все нараставший отток рабочей силы в армию. Для успешного налаживания военного производства, обеспечения бесперебойной работы предприятий оборонной промышленности и нового строительства развернулась подготовка крупных резервов дополнительной квалифицированной рабочей силы. Решать эту проблему приходилось также СНК СССР. В годы войны основным методом обеспечения промышленности рабочей силой стала принудительная мобилизация. Так, 29 декабря 1941 г. и повторно 13 марта 1942 г. Совнарком принял постановление «О призыве (мобилизации) городской, колхозной и другой сельской молодежи в школы ФЗО».

Для скорейшего удовлетворения нужд промышленности был разработан план краткосрочной подготовки рабочих массовых профессий на первый квартал 1942 г. 13 февраля 1942 г. Президиум Верховного Совета СССР издал указ «О мобилизации на период военного

времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве». В тот же день было утверждено специальное постановление СНК СССР о порядке реализации этого указа.

Важным резервом пополнения работниками сельскохозяйственного производства было использование граждан, эвакуированных из угрожаемых районов. Так, на 8 августа 1941 г. в одну только Горьковскую область прибыли более 130 тыс. человек, в том числе примерно 65 тыс. детей. Около 40 тыс. трудоспособных эвакуированных были устроены на работу в колхозах, совхозах, лесных хозяйствах, а также частично на предприятиях и в учреждениях. Все прибывшие размещались на имеющейся жилой площади[12]. Реализовывался и такой резерв: замена женщинами ушедших на фронт мужей-механизаторов. «Мой муж уходит в РККА защищать Родину, — заявила на митинге 26 июня 1941 г. жена комбайнера Никитенко. — Я занимаю его место на комбайне и буду высококачественно работать. Призываю всех женщин последовать моему примеру»[13]. И таких фактов освоения женщинами, а также подростками сельскохозяйственной техники было множество.

В целях более массового восполнения дефицита рабочей силы в сельском хозяйстве и интенсификации труда колхозников 13 апреля 1942 г. СНК СССР принял постановления «О порядке мобилизации на сельскохозяйственные работы в колхозы, совхозы и МТС трудоспособного населения городов и сельских местностей» и «О повышении для колхозников обязательного минимума трудодней». Для обеспечения максимально эффективной реализации этих постановлений были предусмотрены меры административного, принудительного, в том числе судебного воздействия. Они предусматривались в принятых 15 апреля 1942 г. указах Президиума Верховного Совета СССР «Об ответственности колхозников за невыработку обязательного минимума трудодней» и «Об ответственности за уклонение от мобилизации на сельскохозяйственные работы или за самовольный уход мобилизованных с работы».

К сожалению, руководство сельским хозяйством со стороны правительства страдало серьезными недостатками: оно часто запаздывало с принятием постановлений, не всегда объективно учитывало, что на их реализацию необходимо соответствующее время.

Еще одним важным направлением в деятельности СНК СССР с конца 1941 г. стало руководство восстановлением народного хозяйства на освобожденной территории. Данные районы являлись ближайшим тылом действующей армии, и в связи с этим первостепенное значение имело восстановление и поддержание в порядке проходивших через них транспортных артерий. От них во многом зависел успех проводимых операций. К тому же без них было невозможно проведение и самих восстановительных работ. Программа восстановления всех областей народного хозяйства разрабатывалась непосредственно Госпланом под руководством СНК СССР. Ею определялись ключевые отрасли и даже отдельные предприятия, подлежавшие восстановлению в первую очередь, выделялись на эти цели финансовые ассигнования, оборудование, материалы и сырье, определялись объемы работ и их сроки.

Постепенно в деятельности СНК СССР в военные годы накапливался соответствующий опыт. Одной из основных форм его работы стали заседания Бюро или расширенные заседания с вызовом наркомов, председателей комитетов и начальников управлений, действовавших при нем. На этих заседаниях обсуждались наиболее значимые и актуальные вопросы, принимались соответствующие постановления.

Разумеется, война потребовала внести определенные изменения в сложившуюся ранее структуру СНК и наркоматов. Образовались новые органы руководства военным производством: наркоматы боеприпасов, вооружения, танковой промышленности, минометного вооружения. Изменялась структура действовавших наркоматов, во многих из них были созданы военизированные управления и отделы для обслуживания вооруженных сил: Управление военно-дорожного строительства, Отдел эвакогоспиталей, Главвоенторг и другие. Нужды военной экономики и задачи восстановления хозяйства освобожденных районов обусловили создание новых управлений и комитетов, среди них: главные управления по снабжению народного хозяйства нефтепродуктами, лесоматериалами, топливом, Управление по трудоустройству инвалидов войны, главные управления ПВО и Всевобуча.

Такая работа в той или иной степени проводилась во всех наркоматах. В Наркомате обороны она была направлена на улучшение руководства видами вооруженных сил и родами войск, улучшение обеспечения фронта всем необходимым. 24 января 1942 г. ГКО принял постановление, в котором ставилась задача по усилению органов продовольственного снабжения во всех звеньях тыла Красной армии. В НКО было организовано Главное управление продовольственного снабжения Красной армии, начальником которого стал Д. В. Павлов. В первой половине 1942 г. была проведена реорганизация Управления начальника инженерных войск Красной армии. Серьезная перестройка была произведена и в ряде других наркоматов. После реэвакуации наркоматов в Москву их общая структура в основном стабилизировалась и существовала до конца войны с небольшими изменениями.

Наркоматы, руководившие сельским хозяйством, направляли свою деятельность на решение продовольственной проблемы и на фронте, и в тылу. Это было чрезвычайно трудно: сельское хозяйство пострадало от войны даже больше, чем промышленность. Перелом к лучшему здесь произошел лишь в начале 1944 г.

Большой объем работы выполняли центральные органы управления социально-культурным строительством: наркоматы просвещения, здравоохранения, социального обеспечения, а также Управление по делам искусств при СНК РСФСР.

Перевод деятельности и структуры народного хозяйства и высших государственных органов страны на военный лад был осуществлен в сравнительно короткий срок и организованно. Была создана наиболее отвечающая создавшейся обстановке система управления военными действиями и экономикой страны, в последующие годы войны уже не требовавшая больших изменений.

Сегодня нередко подчеркивается, что в Великой Отечественной войне победили не И. В. Сталин и Г. К. Жуков, а народ. Однако при этом упускается из виду, что народ ведь нужно было организовать, направить: лишенный единой воли, единой цели и общего порыва, он просто не смог бы победить. Эффективность государственной политики в решающей степени была обеспечена целенаправленной деятельностью ВКП(б). Единая, массовая, хорошо организованная, дисциплинированная партия стала, по существу, важнейшим государственным инструментом. ВКП(б) как правящая и единственная партия в стране фактически являлась основой политической системы в СССР. К началу войны в ней состояли 3,8 млн коммунистов. Члены и кандидаты в члены Центрального комитета ВКП(б) возглавили основные направления руководства вооруженной борьбой и перестройкой народного хозяйства на военный лад.

Политбюро ЦК ВКП(б) рассматривало чрезвычайно широкий круг вопросов: от мобилизации военнообязанных и объявления военного положения в первый день войны до многочисленных награждений, присвоения высших воинских и различных почетных званий в конце ее. Практически все важнейшие партийные и государственные дела, в том числе кадровые вопросы в высшем звене, за исключением тех, которые входили в компетенцию только ГКО, проходили через Политбюро и скреплялись подписью И. В. Сталина. Значительная их часть оформлялась указами Президиума Верховного Совета СССР, постановлениями ГКО или совместными постановлениями СНК СССР, Президиума Верховного Совета СССР и ЦК ВКП(б).

Целиком и полностью, безраздельно определяя судьбы страны, партийно-государственное руководство опиралось на местные органы партии, первичные организации, рядовых коммунистов, которые в течение всей войны повсюду находились в авангарде — и на фронте, и в партизанских отрядах, и среди тружеников тыла. Через первичные организации осуществлялась связь партии с беспартийными. На фронт ушло 40% довоенного состава территориальных партийных организаций.

27 июня 1941 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление об отборе коммунистов для усиления партийно-политического влияния в полках, которое обязало 12 обкомов отобрать для этой цели от одной до десяти групп по 500 человек в каждой. Отбор производился в течение трех дней. С отобранными коммунистами были проведены военные сборы, а затем их направили в дивизии действующей армии.

В первые полгода войны на фронт были направлены около 8,8 тыс. руководящих работников — членов ЦК ВКП(б), секретарей ЦК компартий союзных республик, краевых, областных, городских и районных комитетов, ответственных работников партаппарата, слушателей высших партийных учебных заведений. В вооруженные силы был послан большой отряд коммунистов и лучших комсомольцев в качестве политбойцов, рядовых красноармейцев и краснофлотцев, личным примером и призывным словом увлекавших за собой сослуживцев. Так, в качестве политбойцов в части и соединения были подготовлены и отправлены 60 тыс. коммунистов и 40 тыс. комсомольцев. Всего за полугодие более 1,1 млн коммунистов были посланы в армию и на флот.

В отечественной историографии нередко встречаются упреки и критика по поводу организации ополченских формирований в Москве, их подготовленности, вооружении. Винтовки якобы брали из музеев. «Могла ли случиться такая ситуация, когда на троих бойцов оказалась одна винтовка? Конечно. На войне могло произойти и не такое, — оппонирует таким историкам В. Р. Мединский. — Но вопрос: насколько эта ситуация была типична? Почитаешь некоторых историков, так вообще не поймешь, когда, куда и, главное, зачем Ставка попрятала все стрелковое оружие... Советское народное ополчение... формировалось на добровольной основе, стихийно. Иногда и добровольно-принудительно, когда невозможно под строгими взглядами не записаться добровольцем. Но в любом случае это не армия. Еще не армия. Сколько будет добровольцев — точно не известно. Когда они соберутся — тоже точно сказать нельзя. Где примут бой — Бог знает. Все это добавляло обстановке нервозности и осложняло комплектование. Но постепенно ополченцы становились бойцами»[14].

В начале войны сеть первичных партийных организаций резко сократилась, в основном за счет территории, оккупированной врагом, где до войны находились 1,5 млн членов и кандидатов в члены ВКП(б). В советском тылу сеть организаций также сократилась. Так сложилось прежде всего в малочисленных сельских партийных коллективах — в колхозах, МТС, совхозах. Зато в вооруженных силах, куда за первое военное полугодие были мобилизованы свыше миллиона коммунистов, численность первичных организаций сразу удвоилась. А затем за счет дальнейшей мобилизации и усиленного приема она достигла почти трети всех первичных организаций партии.

Проведенная в начале войны и продолжавшаяся на всем ее протяжении перестройка партийной работы с учетом военной обстановки означала доведение до предела организационного централизма, свертывание демократических норм и методов партийной жизни, отход от уставных норм, расширение чрезвычайных форм и методов, строжайшую дисциплину, граничившую с дисциплиной военной. Все это привело к милитаризации партии. В тех условиях, в которых оказалась страна в первый период войны, это было во многом оправданно. Но в значительной степени милитаризация выходила за рамки необходимого и нагнеталась в соответствии со стремлением сталинского руководства к крайнему усилению административно-командной системы, утвердившейся еще до войны.

Партийные комитеты в краях, областях, городах, районах также перешли на чрезвычайные формы и методы управления, взяв на себя административно-хозяйственные функции.

В противовес психологическим акциям гитлеровских спецслужб, стремившихся спровоцировать в СССР национальные конфликты, и в интересах организации дружного отпора врагу необходимо было укреплять сплоченность и солидарность народов Советского Союза. В их достижение внесли свой вклад и местные партийные органы, которые широко развернули политико-массовую работу, прежде всего среди народов Северного Кавказа, оказавшихся на переднем крае борьбы с наступавшим врагом.

В 1942 г. в стране родилась идея боевых наказов воинам от их земляков. В печати появилось множество коллективных обращений к фронтовикам от их братьев по крови из Киргизии, Казахстана, Узбекистана и других союзных и автономных республик.

Ход последующих событий показал, что пропаганда, проводившаяся с учетом требований критического момента, не была напрасной: советские люди в подавляющем большинстве своем глубоко прониклись идеей, что именно они являются теперь хозяевами собственной

судьбы и никто, кроме них самих, не остановит врага и не защитит от его жестокости и насилия. Такое понимание ситуации укрепило в их душах чувство гражданского и патриотического долга.

ВКП(б) стала действительно воюющей партией, слившейся в низах со сражающимся народом. Хорошо известно, что за годы войны партия понесла огромные потери: погибли свыше 3 млн коммунистов. Тем не менее ее численность по сравнению с довоенной увеличилась более чем на 1,6 млн человек, достигнув к концу войны почти 6 млн членов и кандидатов в члены партии. При этом около 60% из них находились в рядах вооруженных сил[15].

Великая Отечественная война велась не только вооруженными силами. Она была войной всего советского народа и общества, политической и экономической систем СССР. Центральным звеном этих систем являлось государство, от деятельности органов которого зависело очень многое в решении задач, связанных с мобилизацией всех сил страны на ее защиту от агрессии нацистской Германии.

Формально, согласно действовавшей в то время Конституции СССР, на протяжении всей войны высшим законодательным органом оставался Верховный Совет СССР, включавший на тот период 1388 депутатов. В обстановке военного времени созыв сессий Верховного Совета не был регулярным (они созывались лишь трижды: в 1942, 1944 и 1945 гг.). На них обсуждались далеко не самые важные вопросы из тех, которыми в то время жила вся страна. Между сессиями Верховного Совета СССР законодательные функции осуществлял его Президиум, бессменным председателем которого был М. И. Калинин. Советы в годы войны активно участвовали в мобилизации трудящихся на помощь фронту. Однако своей истинной роли как органы представительной демократии они не выполняли. Фактически в Советском Союзе в военные годы работа выборных законодательных органов — верховных советов СССР, союзных и автономных республик — практически была свернута. Как и в предвоенные годы, даже в создавшихся чрезвычайных условиях роль Президиума Верховного Совета страны была незначительной. Судя по содержанию журнала посещения И. В. Сталина в кремлевском кабинете, он как председатель ГКО, руководитель ВКП(б) ни разу не встретился с председателем Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калининым[16]. О низком престиже Президиума Верховного Совета говорит и то, что его председатель М. И. Калинин не входил в состав ГКО.

При сформировавшейся еще в предвоенные годы системе управления страной роль Президиума Верховного Совета СССР, несмотря на его провозглашенные в Конституции СССР широкие полномочия, оказалась сильно урезана. С образованием Государственного Комитета Обороны функции Президиума Верховного Совета СССР были еще больше сужены. Ему в основном предоставлялись те решения и документы, которые согласно Конституции и существовавшему законодательству требовали оформления их в виде указов. В частности, о введении военного положения, осуществлении общей и частичной мобилизации в армию, мобилизации людских и материальных ресурсов народного хозяйства, введении новых налогов, оборонительном строительстве, назначениях на высшие государственные должности и других делах. Конкретное представление о содержании деятельности Президиума Верховного Совета СССР, например в трудный период с 1 декабря 1941 по 1 мая 1942 г., дают принятые им указы. Они касались следующих вопросов: об отсрочке выборов — два указа, о передаче совхозов в ведение отдельных наркоматов — 22 указа, о передаче предприятий из ведения одного наркомата в другой — 16 указов, о наделении новыми правами ведомств и организаций — один указ, о лишении орденов, медалей, советского гражданства — два указа, о налогах — четыре указа, о мобилизации и трудовой дисциплине — два указа[17]. В то же время документы военных лет свидетельствуют, что нередко постановления ГКО, СНК СССР, а также отдельные распоряжения его членов принимались и без ведома Президиума Верховного Совета СССР с нарушением его прав, компетенции и обязанностей.

Как уже отмечалось, Государственный Комитет Обороны выполнял значительную часть функций высших органов государственной власти, в том числе Президиума Верховного Совета СССР. В местностях, находившихся на военном положении, все функции органов

государственной власти в сфере обороны, обеспечения общественного порядка и государственной безопасности были переданы военным советам фронтов, армий, военных округов, а там, где не имелось военных советов, — командованию войсковых соединений и частей. В стране в тот период сложилось своеобразное сочетание чрезвычайных и конституционных, гражданских и военных органов власти.

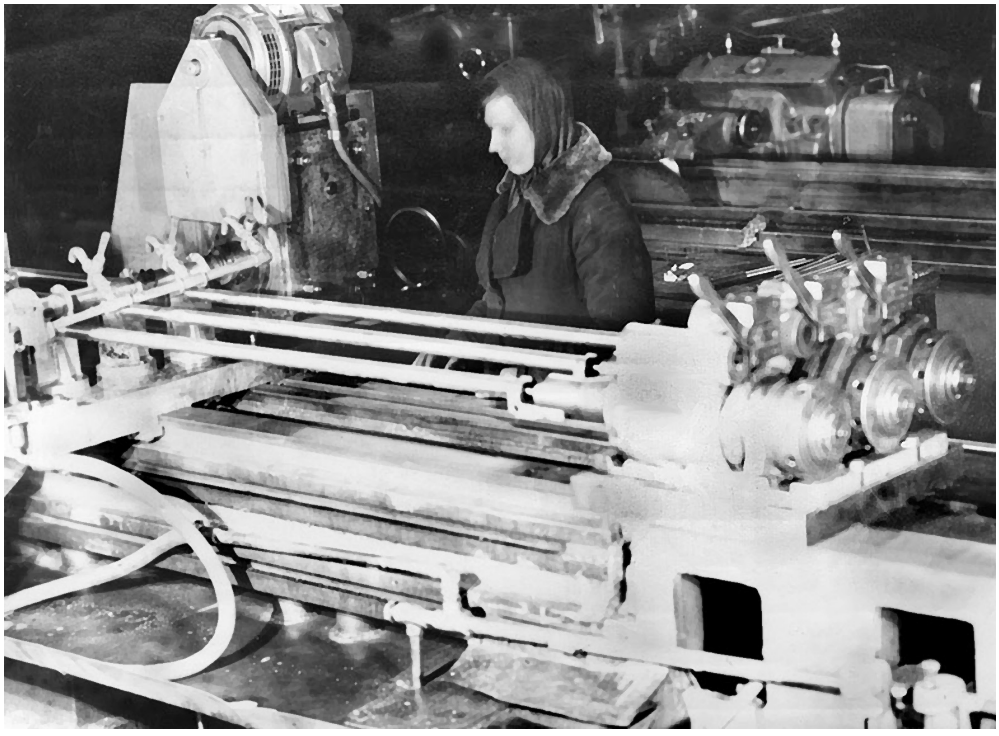
Одной из важнейших функций Президиума Верховного Совета СССР было толкование действовавших законов, определение порядка проведения их в жизнь. Однако его контроль над их соблюдением при существовавшей системе управления страной оказался в значительной мере ослабленным. В компетенцию Президиума Верховного Совета СССР входили также назначение и снятие наркомов, послов, присвоение маршальских званий, ратификация договоров и соглашений с иностранными государствами, введение новых и изменения во взимании действующих налогов, учреждение орденов и медалей, лишение советского гражданства, помилование и снятие судимостей. Им в законодательном порядке устанавливались, определялись, видоизменялись права и обязанности существовавших органов власти. Например, 14 декабря 1941 г. был принят указ «О предоставлении военным советам фронтов и флотов права снимать судимости с военнослужащих, отличившихся в боях с немецкими захватчиками». В ведении Президиума Верховного Совета СССР находилось награждение орденами и медалями отличившихся на фронтах и тружеников тыла, воинских частей, соединений, промышленных и сельскохозяйственных предприятий, учреждений. Все представления на них рассматривались наградными отделами и утверждались Президиумом Верховного Совета СССР. В период с 22 июня 1941 по 1 мая 1942 г., когда стране было чрезвычайно трудно и, казалось бы, не до наград, было принято 568 указов о награждении, согласно которым 254 человека удостоились звания Героя Советского Союза, четыре — звания Героя Социалистического Труда. За это время орденами были отмечены 67 воинских частей, соединений, кораблей, отличившихся в боях, 30 промышленных предприятий и научных учреждений. Орденами и медалями был награжден 55 781 человек, в том числе 46 959 отличившихся в боевых действиях на фронте, в тылу врага и 8822 — за самоотверженный труд в народном хозяйстве[18].

Одним из законодательных актов Президиума Верховного Совета СССР в первый и наиболее трудный период войны был указ, принятый на основе соответствующего постановления Политбюро ЦК ВКП(б) «Об отсрочке выборов в Верховный Совет СССР» ввиду военных условий и невозможности их проведения. Таким образом, полномочия депутатов первого созыва продлевались.

Президиумы Верховных Советов СССР и РСФСР, а также других республик обязаны были осуществлять общее руководство местными советами, в составе которых числились свыше миллиона депутатов, направлять и координировать их работу. Но фактически эта функция была свернута (во многом еще в мирное время). Местные советы и их отделы в годы войны действовали в сокращенном составе. В действующую армию и на флот были призваны 38% всех членов исполнительных комитетов советов. Во всех звеньях местных советов остались лишь 481 тыс. человек (40,8%) — депутатов первого созыва.

Между тем деятельность местных органов государственной власти в период войны имела большое значение. Особенно важной была их роль, связанная с организацией материальной и духовной поддержки обороны страны. Именно они, находясь в гуще масс, в тесном взаимодействии с партийными органами на своих уровнях обеспечивали переход государства и общества с мирного положения на военное, своей организаторской и политико-воспитательной работой среди тружеников тыла добивались неуклонного наращивания ресурсов страны для борьбы с врагом и претворения в жизнь призыва «Все для фронта, все для победы!».

На огромную сложность задач, поставленных войной перед советами, указывал в свое время председатель Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинин: «Война подвергла жестокому испытанию не только отдельных людей, но и весь государственный организм в целом — его учреждения, предприятия, организации и в особенности советы как местные органы власти, задачи которых универсальны»[19].

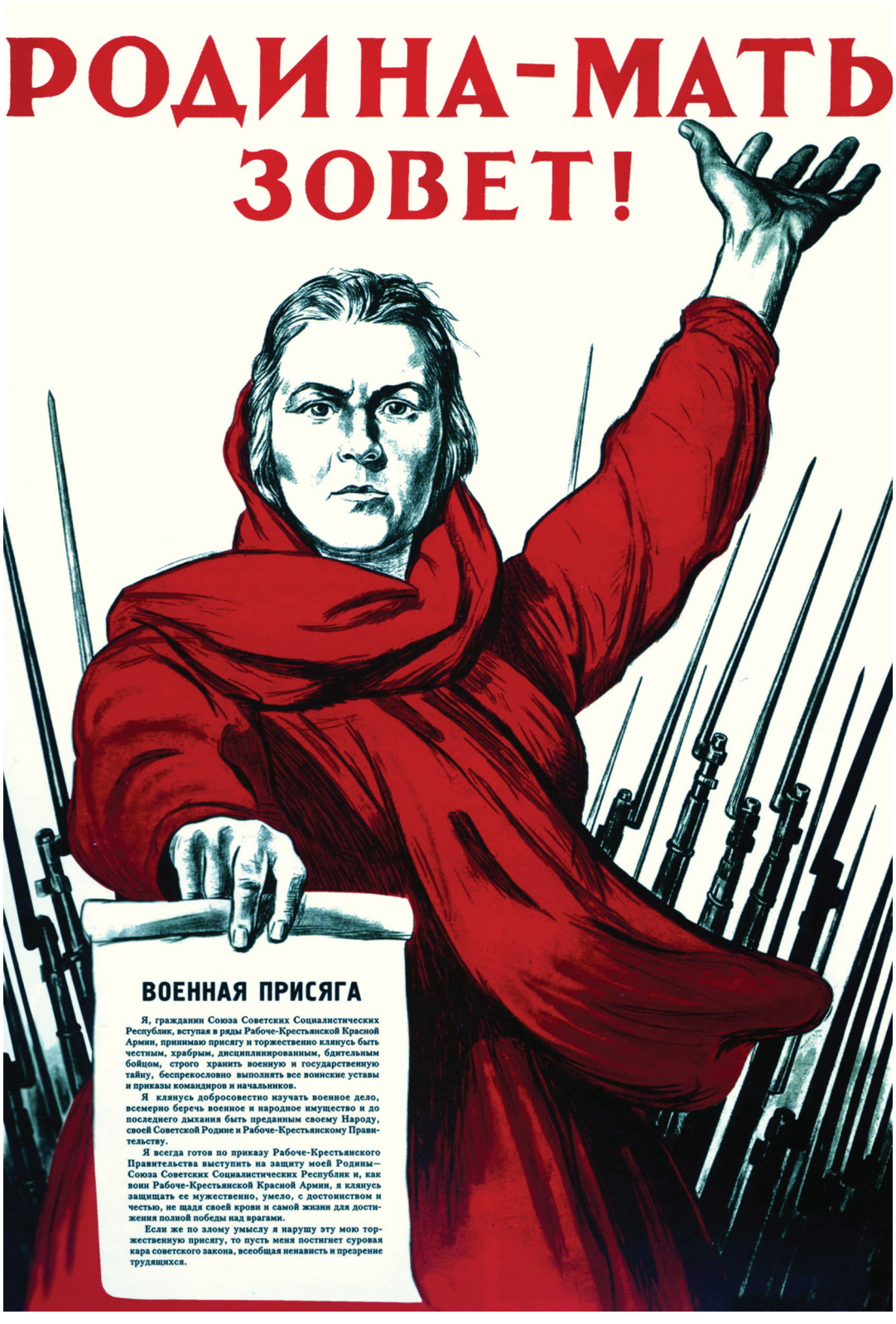


Несмотря на холод, работа в цехах не прекращалась

Колхозники сдают зерно для Красной армии

Цех по ремонту танков

Круглосуточно работали цеха по изготовлению боеприпасов



Тоидзе И.
Родина-мать зовет!
1941

Серов В.
Наше дело правое, победа будет за нами!
1941

Тоидзе И.
За Родину-мать!
1943

Алейников С.
Слава тем, кто умелым огнем сохраняет нас днем и ночью!
1941

Корецкий В.
Воину-освободителю – слава!
1943

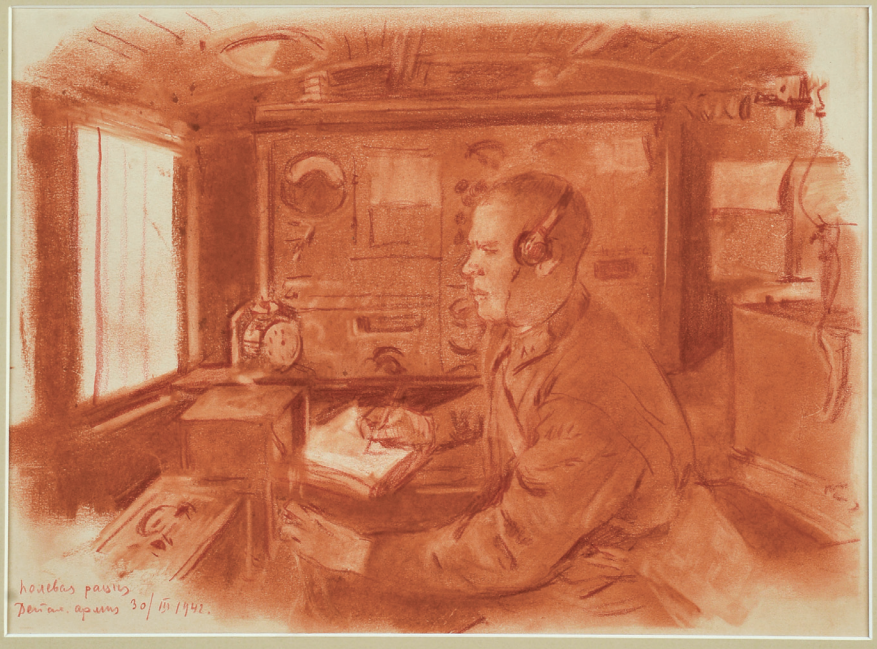
Соловьев М.
Плакат-окно ТАСС № 1256 «Советскому воину слава!»

Голованов Л.
Родина, встречай своих героев!
1945

Иванов В.
Мы победили!
1945

Решетников Ф.
Иосиф Сталин у карты
1948

Мальков П.
Дежурный расчет зенитчиков



Мальков П.
Полевая рация

Мальков П.
У колодца. В занятом Красной армией селе «Б»

Гальперин В.
Советские войска вступают в Вену.
Танки у Парламента

Хмелько М.
За великий русский народ!
1947

Кривоногов П.
Защитники Брестской крепости
1951

Авакимян О.
Москва 1941 г.
1987

Соколов-Скаля П.
Артиллерия под Сталинградом. 19 ноября 1942 года
1946

Ражин Н.
Бой танков

Присекин Н.
Курская битва (фрагмент диорамы)
1995

Мальцев П.
Штурм Сапун-горы
1958

Ананьев Д.
Солдаты Великой Отечественной войны

Кривогонов П.
Поединок
1964

Сытов А.
Встреча на Эльбе (Автограф на память)
1987

Присекин С.
Маршалы Г. К. Жуков и К. К. Рокоссовский
на Красной площади 24 июня 1945 года
1985

Дмитриевский В.
Весна Победы
1998

По Конституции СССР 1936 г. к местным органам государственной власти относились краевые, областные, автономных областей, окружные, районные, городские, сельские (станиц, деревень, хуторов, кишлаков, аулов) советы депутатов трудящихся. Они руководили деятельностью подчиненных им органов управления, обеспечивали охрану государственного порядка, соблюдение законов и прав граждан, управляли местным хозяйственным и культурным строительством, устанавливали местный бюджет. Исполнительными и распорядительными органами краевых, областных, автономных областей, окружных, районных, городских и сельских советов депутатов трудящихся являлись избираемые ими исполнительные комитеты в составе председателя, его заместителей, секретаря и членов[20]. К началу войны в СССР насчитывалось 64 346 местных советов, в которые на выборах в декабре 1939 г. были избраны 1 185 650 депутатов[21].

Однако в чрезвычайных условиях войны советы сверху донизу как органы представительной демократии практически утратили свою роль. Местные советы функционировали в резко сокращенном составе из-за ухода на фронт большого числа депутатов. Их численность за годы войны сократилась почти на три пятых. В условиях жесточайшей централизации особенно тяжелым было положение поселковых и сельских советов, находившихся у подножия своеобразной пирамиды органов власти.

Тем не менее в годы Великой Отечественной войны в деятельности советов проявились потенциальные возможности, заложенные в их природе изначально. Возрождение и эффективная реализация в экстремальной обстановке войны этих потенциальных возможностей были обеспечены самоотверженным трудом тех, кто был оставлен работать в местных органах власти, и их добровольных помощников. От всех этих людей во многом зависело решение кардинальных вопросов, связанных с мобилизацией ресурсов страны на ведение войны. Это тоже был героизм, но особого рода: непрерывная и самого высокого накала организаторская работа своеобразного «колесика и винтика» слаженного государственного механизма[22].

Советская государственная система проявила гибкость в перестройке своей деятельности, всецело нацеленной на решение оборонных задач. Обстановка военного времени не могла не вызвать к жизни ряд весьма существенных изменений и дополнений советского законодательства, направленных на укрепление дисциплины и соблюдение правопорядка, значительное расширение полномочий военных властей, применение чрезвычайных мер по обеспечению общественного порядка, государственной безопасности и укреплению обороноспособности страны.

Таким образом, образование чрезвычайных органов власти в центре и на местах, полное слияние партийного и государственного руководства способствовали повышению его гибкости и оперативности, ответственности за исполнение принимаемых решений на всех уровнях. Пирамида политической власти в СССР, сформировавшаяся накануне войны, получила свое логическое завершение. Данный процесс содержал важный положительный аспект: общая внутренняя логика развития советского тоталитарного государства — укрепление единоначалия, достижение тотальной централизации управления, сращивание партийного и государственного аппаратов, огосударствление общественных институтов и организаций, строжайшая исполнительская дисциплина — совпала с задачей максимальной мобилизации всех сил и ресурсов страны для борьбы с агрессором. Данное совпадение в годы Великой Отечественной войны в значительной степени повысило роль и значение сложившейся в СССР политической системы. Несмотря на допущенные ошибки, просчеты как накануне, так и в ходе войны в целом государственная власть была достаточно авторитетной среди народа.

Таким образом, оценки роли советской политической системы в войне весьма противоречивы: от апологетических и всепрощающих до крайне отрицательных. Думается, истина, как обычно, находится между крайностями. Объективный исследователь не станет отрицать несомненный факт: не только поражения, но и многие значительные победы, достижения нашей страны всегда были связаны с данной системой. Тем более именно так было в военные годы, когда ее роль возросла многократно.

Реальные события, особенно первых месяцев войны, показали, что пирамида политической власти, выстроенная в СССР в предшествующие годы, обладала особенностями, делавшими ее вполне предрасположенной действовать в сложной, экстремальной обстановке. Перестроившись организационно и функционально, она доказала свою жизнестойкость, решающим образом способствовала достижению победы. Советский Союз добился экономической победы над врагом во многом благодаря суровой дисциплине, установленной политическим руководством страны во всех отраслях народного хозяйства, а также стремлению подавляющей части населения, занятого на трудовом фронте, отдать все силы обеспечению фронта тем, без чего разгром противника был бы невозможен.

В преодоление военно-экономического кризиса прямо или косвенно были включены все элементы государственной системы. По инерции мышления предыдущих лет в кризисных ситуациях преувеличивалось значение репрессивных мер. Поэтому на полное использование потенциальных возможностей тыла была направлена деятельность прокуратуры, военных трибуналов, народных судов и органов НКГБ — НКВД СССР, которые в совокупности составили мощный, отлаженный механизм принуждения[23]. Неизбежное усиление внеэкономического принуждения к труду сопровождалось установлением жесткого контроля за жизнью и деятельностью трудовых коллективов. Эта и другие особенности системы управления того времени предполагали активное функционирование в сфере экономики органов государственной безопасности. С учетом предвоенного опыта на их оперативные подразделения были возложены контрольно-инспекционные и хозяйственно-организаторские функции. Страх перед суровым наказанием за малейшее проявление халатного отношения к труду, конечно, играл свою роль в мобилизации людей на выполнение производственных заданий. Но было бы исторической неправдой, более того, клеветой на подавляющее большинство рабочих и крестьян утверждать, что они работали из-под палки.

В советском тылу трудящиеся чувствовали себя такими же защитниками Родины, как и солдаты на фронте. Объективно обусловлено было осознание каждым, от наркома до рабочего, своей ответственности, личной заинтересованности в приближении победы над врагом. Это являлось главным стимулом колоссального напряжения всех сил народа. Мужество и самоотверженность во время войны проявляли не только рядовые труженики, но и высшее звено, те, кто руководил военной экономикой, ее различными отраслями и предприятиями, обеспечивал доставку на фронт всего необходимого. Они отдавали все свои силы и талант для успешного выполнения задач, поставленных перед ними. К числу таких руководителей относятся, например, нарком боеприпасов Б. Л. Ванников, нарком танковой промышленности В. А. Малышев, нарком авиационной промышленности А. И. Шахурин и многие другие.

За годы Великой Отечественной войны Советское государство и общество проделали колоссальную работу во всех областях жизни и борьбы народа. Совместными усилиями они обеспечили руководство хозяйством, концентрацию необходимых фронту средств и мобилизацию масс на борьбу за достижение победы. Подавляющее большинство населения, в том числе партийно-государственное руководство страны, были едины в своем порыве отстоять свободу и независимость Родины. Конечно, не обошлось без трусов, паникеров и предателей как на фронте, так и в тылу. Война сопровождалась также ошибками и просчетами политического и военного руководства страны и вооруженных сил. Но не эти явления и факты определяли характер войны, ее ход и исход. Духовная стойкость советского народа, его сплочение вокруг высших руководящих органов государства в годы жесточайшего противоборства с германским нацизмом явились не только одним из решающих условий военной мощи СССР, но и движущей силой на пути к Великой Победе. «Великая Война в очередной раз показала, насколько жизнеспособен наш народ, показала его силу, не побоимся этого слова, — его могущество. В этом первый и главный урок Войны... Этот урок должен быть нами глубоко усвоен. Он должен лежать в основе нашего национального самосознания, быть краеугольным камнем всей политической пропаганды»[24].

Великая Отечественная война показала, какими огромными духовными и физическими силами обладает народ, вставший на защиту своей Родины. Перед лицом смертельной

опасности советские люди подчинили всю свою жизнь и деятельность интересам фронта. Помощь ему заключалась прежде всего в ударном труде на заводах, фабриках, колхозных полях и транспорте, в увеличении и ускорении военного производства, в строжайшей экономии во всем и везде, в многочисленных патриотических движениях и начинаниях, направленных на изыскание для страны и фронта дополнительных резервов. Самоотверженным трудом рабочие, колхозники, представители советской интеллигенции выковывали вместе с воинами вооруженных сил победу над врагом. С первого до последнего дня войны фронт и тыл представляли собой единый боевой лагерь.

Трудовой подвиг народа

Военная история свидетельствует, что все войны во все времена велись и ведутся на материальной основе, а цели войны всегда преследовали в итоге экономические выгоды для агрессора. В 1930–1940 гг. стремление ряда европейских государств во главе с нацистской Германией овладеть природно-экономическим потенциалом нашей страны не только не ослабло, но, напротив, намного усилилось, приобрело ярко выраженную расовую и идеологическую окраску.

Опыт войн показывает, что победы куются не только на полях сражений, но и в цехах заводов и фабрик, в кабинетах научно-исследовательских институтов, на нефтяных промыслах и крестьянских нивах. В ходе боевых действий войск весьма большое значение приобретает состояние обеспеченности соединений и воинских частей вооружением, военной техникой, боеприпасами, горючим, продовольствием, всем необходимым для жизни и боя, подачи военной продукции до танка, самолета, воина. Иными словами, победа, в конце концов, будет за тем, чья экономика окажется сильнее, а система обеспечения воинских формирований — более отлаженной.

Фундамент будущей победы Советского Союза в экономическом противоборстве с Германией удалось заложить еще до начала войны. Сложная международная обстановка, угроза вооруженного нападения извне вынуждали советское руководство укреплять обороноспособность государства. Правительство настойчиво и целеустремленно, пренебрегая во многом жизненными интересами своего народа, готовило страну к отражению агрессии.

За годы довоенных пятилеток в СССР был достигнут высокий уровень развития производительных сил. С 1928 по 1940 г. национальный доход увеличился более чем в 5 раз, производство электроэнергии — в 9,7 раза, добыча угля — в 4,7 раза, нефти — в 2 раза, выплавка стали — более чем в 4 раза, выпуск продукции машиностроения — в 20 раз. Были возведены такие машиностроительные гиганты, как Горьковский автозавод, Челябинский и Сталинградский тракторные заводы, Уральский завод тяжелого машиностроения, крупные заводы в Омске, Новосибирске, Красноярске, Иркутске, оборудованные по последнему слову техники. Началось сооружение крупных судостроительных заводов на Дальнем Востоке и на Севере. На востоке страны была создана вторая угольно-металлургическая база: Урало-Кузнецкий комплекс, который включал Магнитогорский и Кузнецкий комбинаты и сыграл во время войны очень важную роль в обеспечении страны металлом, углем и химической продукцией. Стремительно развивался Карагандинский угольный бассейн, а между Волгой и Уралом создавалась новая нефтяная база. Накануне войны восточные районы давали уже около 20% всей промышленной продукции СССР[25].

Особое внимание уделялось развитию военной промышленности. Были значительно увеличены ассигнования на военные нужды: в 1940 г. они составили 32% государственного бюджета и выросли до 56,8 млрд рублей против 17,5 млрд в 1937 г. (тогда эта сумма составляла всего 10%)[26]. Развертывались новые военно-промышленные базы в Поволжье, на Урале и в Сибири. Там строились заводы-дублеры, оснащенные современным оборудованием, которые

опирались на местную топливно-металлургическую базу. Одновременно ряд гражданских предприятий был переведен на выпуск военной продукции. Большое внимание уделялось накоплению государственных резервов и мобилизационных запасов, общая стоимость которых с 1940 по июнь 1941 г. увеличилась почти вдвое.

Таким образом, в Советском Союзе накануне войны был создан солидный материально-производственный потенциал, необходимый для оснащения армии и флота различными видами оружия и военной техники. Однако не все намеченные мероприятия по укреплению обороны страны удалось тогда осуществить. Выявились и слабые стороны в подготовке советской экономики к отражению агрессии. Были допущены отдельные диспропорции. Отставали от потребностей народного хозяйства добыча нефти, производство металлов и химической продукции. Для ускоренного развития промышленности в восточных районах не хватало электроэнергии. В ряде районов оставалась низкой пропускная способность железных дорог. Не были решены проблемы сельского хозяйства, особенно отставало животноводство. Во многих отраслях промышленности и в сельском хозяйстве была низкая производительность труда.

Территориальное размещение оборонных предприятий определялось не столько геостратегическими требованиями, сколько развитой инфраструктурой. Большинство из них располагалось в Центральном, Северо-Западном и Южном промышленных районах. Слабо учитывались изменившиеся после Первой мировой войны характер и особенности вооруженной борьбы, связанные с повышением маневренности войск, их способностью действовать в высоких темпах и на большую глубину, наносить воздушные удары по тыловым военно-экономическим центрам. Последствия оказались катастрофическими: летом 1941 г. свыше 80% всех предприятий оборонной промышленности, в том числе 94% авиационных заводов, оказались в зоне боевых действий или в прифронтовых районах.

Планы расширения военного производства на востоке страны к началу войны не были в полной мере осуществлены: промышленные предприятия Урала, Поволжья, Западной и Восточной Сибири, а также Средней Азии и Дальнего Востока производили всего 18,5% военной продукции от намеченного уровня[27]. До 1941 г. в восточных районах отсутствовали даже прокатные станы для изготовления танковой брони, так что здесь не было выпущено ни одного танка.

Надо признать, что созданная в начале 1930-х гг. колхозная система сельского хозяйства оказалась хорошо приспособленной к максимальной мобилизации материальных ресурсов села на нужды войны. Обязательные госпоставки, которые в мирное время являлись тормозом для развития сельского хозяйства, в условиях войны позволили государству создать необходимый продовольственный фонд. Распределялся он строго централизованно путем установления нормированного снабжения, причем предпочтение отдавалось действующей армии. Она регулярно получала продовольствие, положенное по нормам обеспечения.

Несмотря на имевшиеся недостатки в развитии военного производства и размещении производительных сил, накануне войны советская экономика по сравнению с германской имела и ряд существенных преимуществ. В их числе были огромная территория, все основные виды стратегического сырья и значительные людские ресурсы, относительная независимость от внешней торговли. Но нацистская Германия намеревалась разгромить СССР до того, как он сумеет мобилизовать все свои ресурсы. Ко времени нападения на СССР Германия обладал более высоким военно-промышленным потенциалом как за счет собственной экономики, так и благодаря ограблению на общую сумму в 9 млрд фунтов стерлингов захваченных стран Европы, что вдвое превысило ее довоенный национальный доход[28]. Захваченные территории также служили источником дешевой, а то и вовсе дармовой рабочей силы.

Красная армия и Военно-морской флот имели большое количество вооружения, боевой и другой техники. По состоянию на 22 июня 1941 г. органы снабжения по отношению к реальному среднегодовому расходу в годы войны имели: по боеприпасам для 45-мм и 57-мм пушек — более 294%, для 76-мм пушек — 63%, для 122-мм пушек, 122-мм и 152-мм гаубиц — свыше 100%, для 50-мм минометов — около 185%, для 82-мм минометов — 36%,

Самолеты, построенные на деньги артистов Малого театра

Для нужд фронта готовят «коктейль Молотова»

Над изготовлением автоматов трудились квалифицированные специалисты

Деревня возрождается после ухода оккупантов

по винтовочным патронам — около 280%, по ручным гранатам — более 122%, по автобензину и дизельному топливу — около 50%, по основным номенклатурам вещевого имущества — от 90 до 150%, продовольствия и фуража — на три-четыре месяца[29].

На базе значительных сборов зерновых и технических культур в 1940 г. были созданы необходимые государственные запасы ржи, пшеницы, овса, муки, крупы, которые по состоянию на 1 января 1941 г. составили 6132,9 тыс. тонн. Это позволило создать необходимые мобилизационные фонды продовольствия и фуража для снабжения личного состава армии и флота на случай войны. Были созданы также резервы и запасы шерсти, хлопка, льноволокна, кожевенного сырья, хлопчатобумажных материалов. Тогда рассматривалось, что продовольственно-фуражные и сырьевые ресурсы в условиях войны, равно как боевая и транспортная техника, вооружение, боеприпасы и горючее, являются средством вооруженной борьбы, без которых ее вести нельзя[30]. Запасы материальных средств были сосредоточены на 887 складах, базах, из которых более 40% было размещено на территории западных приграничных военных округов, что явилось, как показала впоследствии война, серьезной ошибкой. «Еще в 1940 г., — писал А. В. Хрулёв, — в правительстве рассматривался вопрос о том, где сосредоточивать запасы. Военные работники предлагали разместить их за Волгой. Но этому воспротивился нарком Госконтроля Л. З. Мехлис. Он настаивал, чтобы их накапливать в приграничных районах, даже вблизи вероятного противника. В любом возражении против этого Мехлис видел вредительство»[31].

В первые месяцы войны расчеты германских стратегов, казалось бы, начали сбываться. Красная армия в приграничных и последующих сражениях потеряла значительное количество вооружения, военной техники. Она лишилась 40–70% боеприпасов, горючего, продовольствия и других видов материальных средств, размещенных на территории приграничных военных округов. Только Западный фронт к 29 июня лишился более 60 складов, в том числе 10 артиллерийских, 25 складов горючего, 14 продовольственных, трех автобронетанковых и других. Потери к этому времени составили: боеприпасов — 2 тыс. вагонов (30% всех запасов округа), горючего — более 50 тыс. тонн (50% запасов), продфуража — около 40 тыс. тонн (50% запасов), вещевого имущества — около 400 тыс. основных комплектов (90% запасов). Потери инженерного, обозно-хозяйственного, медицинского имущества и средств противохимической защиты достигли 85–90% всех запасов округа. Все это отрицательно влияло на боеспособность войск.

Кроме того, на оккупированной к ноябрю 1941 г. территории СССР до войны проживали 40% населения страны, добывалось 63% каменного угля и 65% железной руды, вырабатывалось 53% электроэнергии, собиралось 38% валовой продукции зерна, производилось 84% сахара, численность крупного рогатого скота составляла 38%, поголовье свиней — 60%. Страна лишилась 41% протяженности железнодорожных путей. До сего времени одни называют этот период катастрофой для Советского Союза, другие — поражением вооруженных сил. Одни говорят, что руководство государства, правительство страны растерялись, были парализованы и находились в шоке, другие, наоборот, что наркоматы напрягались до предела и превратились в своего рода монолит.

Анализ протоколов заседаний ЦК ВКП(б), Государственного Комитета Обороны, Президиума Совета народных комиссаров и коллегий ряда наркоматов в первые месяцы войны позволяет сделать вывод, что в этот отрезок времени осуществлялась энергичная работа по поиску путей выхода из создавшегося положения. Была разработана научно обоснованная программа экономического обеспечения разгрома врага, проводилась поистине титаническая работа по перестройке народного хозяйства на военный лад. Эта задача была многогранной и чрезвычайно трудной: требовалось мобилизовать производственные мощности промышленности, материальные и трудовые ресурсы сельского хозяйства на нужды фронта, быстро и в значительных размерах развернуть производство военной продукции, по-военному организовать работу транспорта. Необходимо было перестроить саму структуру народного хозяйства, перераспределить материальные, трудовые и финансовые ресурсы, создать новую систему производственного кооперирования предприятий, изменить во многих случаях

коренным образом технологию производства и осуществить другие технические и организационные мероприятия, направить усилия рабочих, колхозников, инженерно-технических работников, ученых на достижение победы над врагом. Все эти проблемы пришлось решать в обстановке неудержимо рвущегося вперед агрессора, вынужденной эвакуации огромных материальных и людских ресурсов из западных в восточные районы страны.

Хозяйственная политика в условиях войны определялась директивными установками ЦК ВКП(б), СНК СССР, постановлениями ГКО. Основополагающим документом в деле перевода советской экономики на военные рельсы являлось постановление ГКО от 4 июля 1941 г. «О выработке военно-хозяйственного плана обеспечения обороны страны». В нем ставилась задача выработать план работы, «имея в виду использование ресурсов и предприятий, существующих на Волге, в Западной Сибири и на Урале, а также ресурсов и предприятий, вывозимых в указанные районы в порядке эвакуации». Это означало доведение военного производства до уровня, обеспечивающего все потребности фронта, создание в короткие сроки на востоке основной промышленной базы страны и достижение военно-экономического перевеса над нацистской Германией. «Интересы быстрейшего создания слаженного военного хозяйства в чрезвычайных условиях побуждали органы советской власти к активным неотложным действиям. Дело облегчалось в этом случае тем, что господствующей формой собственности в народном хозяйстве была общественная, а конкретно — государственная. Другой формой собственности была кооперативно-колхозная, также легко регулируемая государством»[32].

Важную роль в перестройке советской экономики на военный лад и ее развитии в последующие годы войны сыграл разработанный Госпланом СССР во исполнение решения ГКО от 4 июля военно-хозяйственный план на четвертый квартал 1941 г. и на 1942 г. по районам Поволжья, Урала, Западной Сибири, Казахстана и Средней Азии. Он был одобрен 16 августа 1941 г. Совнаркомом СССР и ЦК ВКП(б). Документ представлял собой программу развития основной военно-промышленной базы в восточных регионах. В ней были сформулированы новые принципы маневрирования экономическими ресурсами страны в таких масштабах, каких ранее не знала история. Принимались чрезвычайные меры для развития на востоке страны тяжелой промышленности, увеличения выработки электроэнергии, добычи угля, нефти, увеличения роста военного производства.

Одним из самых главных показателей результатов перестройки народного хозяйства на военный лад явилось перераспределение ресурсов в интересах войны, а также увеличение выпуска и улучшение качества военной продукции. Уже в августе 1941 г. производство танков в нашей стране по сравнению со среднемесячным выпуском в 1940 г. увеличилось более чем в три раза. Всего в 1941 г. советской промышленностью было произведено свыше 15,7 тыс. боевых самолетов, более 6,5 тыс. танков, свыше 38,3 тыс. орудий (калибра 76 мм и крупнее, без танковых) и минометов (калибра 82–120 мм)[33].

Об огромных масштабах, в которых происходило перераспределение ресурсов в интересах увеличения военного производства, свидетельствуют и такие данные. Только на выпуск боеприпасов в 1941 г. было переключено 382 предприятия 34 наркоматов и ведомств. В 1942 г. уже 1108 предприятий 58 наркоматов и ведомств занимались производством боеприпасов.

Превращение страны в единый военный лагерь и перевод народного хозяйства на военный лад в решающей степени зависели от кадровой политики Советского государства. Проблема кадров стала одной из острейших. Помимо мобилизации в вооруженные силы значительное число работоспособного мужского населения ушло в истребительные батальоны, партизанские отряды, народное ополчение. Требовалось непрерывное восполнение боевых потерь на фронте, обеспечение расширения военного производства, нужд гражданской обороны и строительства оборонительных сооружений, перебазирование в восточные районы страны огромных материальных ресурсов и культурных ценностей. Трудности усугублялись тем, что фашисты оккупировали советские территории, где до войны жили 12 млн рабочих и служащих.

В июне 1941 г. при Бюро Совнаркома СССР был образован специальный Комитет по распределению рабочей силы. Дело в том, что средняя численность рабочих и служащих в народном хозяйстве страны уменьшилась с 31,8 млн человек в первом полугодии 1941 г. до 22,8 млн во втором полугодии и до 18,4 млн в 1942 г.[34] Требовалось рационально распределить оставшиеся трудовые ресурсы, изыскать новые, чтобы в первую очередь обеспечить кадрами военную промышленность и связанные с ней отрасли. Позже на этот комитет были возложены функции учета рабочей силы. Перестройка государственного аппарата управления сопровождалась резким сокращением штатов наркоматов, различных учреждений и всего управленческого аппарата. Многие специалисты из учреждений направлялись на заводы и фабрики[35].

Для решения проблемы рабочей силы огромное значение имело развернувшееся с первых дней войны массовое патриотическое движение женщин-домохозяек, учащихся старших классов, студентов, кадровых рабочих-пенсионеров, которые пошли на производство, чтобы заменить на трудовом посту своих мужей, отцов, сыновей, ушедших на фронт. Только в течение второй половины 1941 г. на производство пришли 500 тыс. женщин-домохозяек и 360 тыс. учащихся 8–10-х классов средних школ. Важным источником пополнения квалифицированных кадров в решающих отраслях военной экономики была созданная перед войной система государственных трудовых резервов. Новые кадры квалифицированных рабочих готовились в условиях военного времени прямо у станка при помощи опытных рабочих, инженеров и техников.

Мобилизация трудовых ресурсов на нужды войны была связана с осуществлением и ряда других важных мер политического и организационного характера. Одним из первых шагов стало ужесточение режима работы. На пятый день войны, 26 июня, Президиум Верховного Совета СССР издал указ «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время», по которому был увеличен рабочий день, отменялись отпуска, вводились обязательные сверхурочные работы продолжительностью от одного до трех часов в день. В результате примерно на треть была повышена загрузка производственных мощностей без увеличения численности рабочих и служащих. В соответствии с постановлением СНК СССР в военную промышленность и связанные с ней отрасли направлялись рабочие из легкой и пищевой промышленности, коммунального хозяйства, служащие из управленческого аппарата, мобилизовалось незанятое население. В декабре 1941 г. был принят указ «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий», по которому самовольный уход приравнивался к дезертирству из армии. Высококвалифицированные рабочие и специалисты в решающих отраслях промышленности бронировались от призыва в армию.

Важнейшей сферой в области кадровой политики и увеличения трудовых ресурсов являлось повышение творческой активности масс. Уже с первых дней войны началось массовое движение за перевыполнение производственных норм, которое получило наименование двухсотников, трехсотников, пятисотников и тысячников, соревнование за совмещение профессий и многостаночное обслуживание.

В сельскохозяйственном производстве, колхозах и совхозах, на машинно-тракторных станциях с самого начала войны возникла острая кадровая проблема. Она разрешалась путем расширения занятости сельского населения, главным образом женщин, подростков и пожилых людей, в том числе эвакуированных, привлечения их к работе на полях и фермах.

В новых условиях по сокращенным программам работали высшие и средние специальные учебные заведения, а также разветвленная сеть курсов, которые готовили руководящие кадры для различных отраслей народного хозяйства.

Правительство, финансовые органы государства после тщательного анализа сложившейся обстановки пришли к выводу о необходимости проведения ряда мероприятий, направленных на резкое увеличение производства военной продукции. Страна превратилась в единый военно-трудовой комплекс. Фронт и тыл жили, воевали и работали под единым лозунгом: «Все для фронта, все для победы!», и это был не просто лозунг, а реальная действительность.

В деревне не осталось ни лошадей, ни коров

Все для приближения победы

С самого начала войны наряду с организацией вооруженного отпора фашистским захватчикам встала совершенно необычная и чрезвычайно важная стратегическая задача — перебазирование крупных людских и материальных ресурсов из угрожаемых районов в тыл страны. Надо было спасти главную военно-промышленную базу страны, перебазировать ее на восток, воссоздать в новых условиях и использовать в интересах военной экономики, экономического обеспечения победы в войне. Центральный комитет партии и советское правительство в первые дни войны определили порядок и организацию эвакуации, создали для этого специальные органы. 24 июня 1941 г. был создан Совет по эвакуации, председателем которого назначен Л. М. Каганович, а с 3 июля — Н. М. Шверник. 27 июня 1941 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли совместное постановление «О порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества». Совет по эвакуации немедленно приступил к работе. Он опирался на институт своих уполномоченных, на бюро и комитеты по эвакуации, созданные при наркоматах и ведомствах, а также на всестороннюю помощь партийных и советских организаций. В союзных республиках, оказавшихся под угрозой вражеского нашествия, также были созданы органы по эвакуации. В тыловые районы были вывезены железнодорожным транспортом более 10 млн человек, водным — более 2 млн[36]. К весне 1942 г. 5914 тыс. эвакуированных были размещены в автономных республиках, краях и областях РСФСР, остальные — в основном в Казахской ССР, республиках Средней Азии и Закавказье. Эвакуированному населению оказывалась всесторонняя помощь и поддержка. Только во втором полугодии 1941 г. ассигнования из бюджета страны в помощь эвакуированным составили почти 3 млрд рублей[37].

Огромная по масштабам работа в течение второй половины 1941 г. была проведена по перебазированию промышленности из угрожаемых районов в глубокий тыл страны. В восточные районы были перемещены сотни металлургических, машиностроительных и других предприятий, в том числе такие гиганты, как Ворошиловградский, Бежицкий и Коломенский паровозостроительные заводы, Краматорский машиностроительный, Харьковский турбинный и другие. Только по железной дороге с Украины было вывезено 550 крупных предприятий, из Белоруссии — 109, из Эстонии — 62, из Ленинграда — 92, из Москвы и Московской области — 498, из других районов — 212[38]. В Поволжье было направлено 226 предприятий, на Урал — 667, в Западную Сибирь — 224, в Казахстан и Среднюю Азию — 308[39]. Некоторые предприятия эвакуировались в Азербайджан, Армению, Грузию. Одновременно с монтажом и пуском эвакуированных заводов в этих районах развернулось строительство оборонных предприятий. Сроки эвакуации были предельно сжаты. Например, к концу августа 1941 г. из Ленинграда в глубокий тыл отправили около 100 крупных предприятий, вывезли более 600 тыс. человек. Из Москвы и области к концу ноября 1941 г. было эвакуировано почти 500 крупных предприятий. Из Запорожья за 45 дней вывезли около 320 тыс. тонн станков, конструкций, металла и других грузов. На новых местах в среднем через полтора-два месяца предприятия начинали давать продукцию[40]. Успешному решению сложнейших задач по размещению и скорейшему возобновлению работы эвакуируемых предприятий способствовали осуществленные еще накануне войны меры по строительству в Поволжье, на Урале и в Западной Сибири ряда предприятий-дублеров машиностроительной, химической и других важных отраслей промышленности.

Наркоматы некоторых ключевых отраслей промышленности были вынуждены ставить на колеса почти все свои заводы. Так, Наркомат авиационной промышленности вывез 118 заводов, или 85% своих мощностей, Наркомат вооружения — 31 предприятие из 32. Было демонтировано девять основных заводов танковой промышленности, эвакуировано две трети производственных мощностей по выпуску пороха. И все это происходило в то время, когда фронт постоянно требовал все больше вооружения и боеприпасов. Поэтому демонтаж предприятий, особенно военных, производился с таким расчетом, чтобы возможно дольше продолжать выпуск продукции на старом месте, одновременно перевозя оборудование и людей на новое место. Сложная военная обстановка и ограниченность во времени не могли, естественно, не влиять на результаты эвакуации. Иногда оставалась невывезенной

значительная часть даже готовой продукции, некоторые предприятия целиком достались противнику. Однако, и это главное, несмотря на огромные трудности, перебазирование производственных мощностей из угрожаемых районов прошло в целом слаженно и в соответствии с намеченными сроками.

Всего с июня по декабрь 1941 г. из угрожаемых районов по железной дороге были эвакуированы тысячи заводов и фабрик, в их числе 1523 крупных. 1360 предприятий, главным образом военных, были эвакуированы уже в первые три месяца войны[41]. Нередко под открытым небом в еще не достроенных цехах, едва установив станки, рабочие приступали к выпуску необходимой фронту военной продукции.

В труднейших условиях в восточные районы вывозили сельскохозяйственный инвентарь, многочисленные научные и культурные учреждения, культурные ценности, угоняли скот колхозов и совхозов.

В соответствии с требованиями военного времени быстро была проведена мобилизация и перестройка работы железнодорожного, автомобильного, морского, речного и воздушного транспорта, что позволило наладить переброску войск, доставку различных грузов, необходимых фронту и тылу. Железнодорожники сумели переправить на восток миллионы людей, огромное число промышленных предприятий, колхозов, научных и культурных учреждений. Туда же ушло около 1,5 млн вагонов с оборудованием, сырьем, топливом и людьми.

Впервые в мировой практике в короткие сроки, по сути, целая индустриальная держава была перемещена на тысячи километров в труднейших условиях войны. Это было поистине великое перемещение, не имевшее прецедента. Оно свидетельствовало о неисчислимых силах, величии духа и героизме советского народа, имело огромное значение для перестройки экономики на военный лад, обеспечения экономической и военной победы над агрессорами. Этот народный подвиг получил высокую оценку и за рубежом. Так, известный американский журналист Л. Сульцбергер, находившийся в то время в СССР, в статье, опубликованной в дни войны в журнале «Лайф», назвал эвакуацию, проводимую в СССР, легендарной. Летом 1942 г. он написал: «Легендарным стал перевод промышленных предприятий из западной части СССР на восток. Теперь десятки сибирских заводов выпускают станки, запчасти, танки, противотанковые ружья, тягачи, самолеты, орудия, снаряды, винтовки, пулеметы, боеприпасы, ручные гранаты, минометы, артиллерию, дизельные моторы, карбюраторы, перерабатывают медную и железную руду, нефть. На юго-востоке страны действуют текстильные предприятия. Этот осуществляемый в гигантских масштабах перевод промышленности на восток — одна из величайших саг в истории»[42].

Не менее высокую и объективную оценку проведенному в СССР перебазированию производительных сил дал в своей книге «Россия в войне. 1941—1945» английский публицист А. Верт: «Эвакуацию промышленности во второй половине 1941 и начале 1942 г. и ее расселение на востоке следует отнести к числу самых поразительных организаторских и человеческих подвигов Советского Союза во время войны»[43].

Если обратиться к историческим фактам, то следует констатировать, что к началу Первой мировой войны на территории Варшавского военного округа находилось 4189 промышленных предприятий, из числа которых было эвакуировано в глубь страны лишь несколько десятков. В результате производственные мощности российской промышленности уменьшились почти на 20%. Когда встал вопрос об их эвакуации, то владельцы заводов и фабрик саботировали это мероприятие. Удалось эвакуировать только чуть больше 3%, которые были размещены на линии Москва — Самара, остальные весь период войны практически работали в интересах противника. Кстати, французское правительство в 1940 г. вообще не сумело организовать эвакуацию промышленности из прифронтовых районов, так как этому воспрепятствовали сами владельцы предприятий[44].

В СССР перемещение промышленности на восток — это только одно, хотя и очень важное звено в перестройке всех сфер народного хозяйства на службу войне. Ядром, вокруг которого развивалась военная экономика, стала оборонная промышленность, созданная еще в мирное время. Так как ее мощностей явно не хватало для удовлетворения насущных

потребностей действующей армии, с первых дней войны тысячи гражданских заводов перешли на выпуск военной продукции в соответствии с разработанными ранее мобилизационными планами. В разных отраслях промышленности и на отдельных предприятиях условия перехода на военное производство были не одинаковы. Так, тракторные и автомобильные заводы сравнительно легко освоили производство танков. На Горьковском автомобильном заводе стали выпускать легкие танки. С лета 1941 г. значительно увеличилось производство средних танков Т-34 на Сталинградском тракторном заводе, продолжавшееся вплоть до выхода немцев к Волге в августе 1942 г. В крупнейший центр по выпуску танков превратился Челябинск, где на базе местного тракторного завода, а также эвакуированного из Ленинграда оборудования Кировского завода, Харьковского дизельного и ряда других предприятий было образовано многопрофильное танковое производственное объединение. В народе его совершенно справедливо назвали Танкоградом. До лета 1942 г. здесь выпускались тяжелые танки КВ-1, потом перешли на выпуск средних танков Т-34. Еще один мощный центр советского танкостроения располагался в Нижнем Тагиле. Здесь на базе Уралвагонзавода, а также эвакуированного оборудования Харьковского танкового завода № 183 и других предприятий было развернуто крупномасштабное производство, обеспечившее выпуск наибольшего за всю войну количества танков Т-34. В Свердловске на Уралмашзаводе, где раньше создавались главным образом уникальные крупногабаритные машины, началось серийное производство корпусов и башен для тяжелых танков КВ. Благодаря всем этим мерам по расширению производственных мощностей танковая промышленность сумела уже во втором полугодии 1941 г. выпустить в 2,8 раза больше боевых машин, чем в первом.

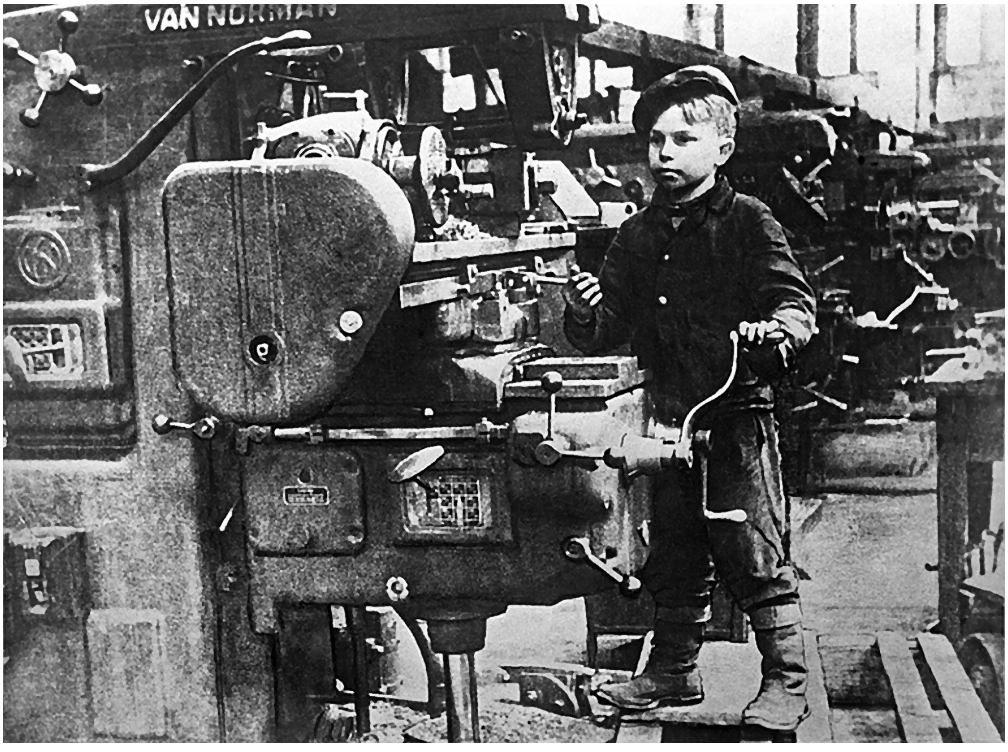
Гораздо меньшее число гражданских заводов было переключено на изготовление такой сложной военной техники, как самолеты, требующей высокого класса точности, в основном благодаря тому, что с августа 1940 г. Наркомату авиационной промышленности было передано из других отраслей более 60 действующих заводов. В целом к началу войны авиапромышленность СССР располагала большими производственными мощностями, сотнями тысяч высококвалифицированных рабочих и специалистов. Однако большинство авиазаводов было размещено так, что уже в первые недели и месяцы войны их потребовалось срочно эвакуировать на восток. В этих условиях рост выпуска самолетов шел прежде всего за счет восстановления вывезенных и ускоренного строительства новых авиационных заводов.

Заводы сельскохозяйственного машиностроения стали базой для массового производства минометов. Многие гражданские промышленные предприятия переходили на выпуск стрелкового и артиллерийского оружия, а также боеприпасов и других видов военной продукции, но они не всегда могли самостоятельно справиться с производством сложного многодетального современного вооружения. В этой ситуации единственным выходом были специализация и кооперирование. Принимая во внимание наличие металлообрабатывающего оборудования и квалифицированного состава работников, таким предприятиям поручалось производство отдельных узлов либо деталей винтовок или пулеметов, танков или самолетов, снарядов или бомб. Это позволило быстро и эффективно перевести заводы на выпуск военной продукции.

Как осуществлялся перевод гражданских предприятий на выпуск военной продукции, можно увидеть на примере Московской промышленной зоны. Так, столичный завод минеральных вод, изготовлявший в мирное время квас и лимонады, стал выпускать бутылки с горючей смесью, а кондитерская фабрика «Большевик» освоила производство зажигательных ампул для них. Предприятия местной и кооперативной промышленности дали фронту 3896 тыс. гранат, 6215,9 тыс. трассирующих снарядов, 219,8 тыс. стабилизаторов к реактивным снарядам, 328,8 тыс. противотанковых мин, 409,5 тыс. других видов мин, 23 тыс. лож для автоматов.

Шефство над госпиталями осуществляли 750 предприятий и учреждений столицы. Десятки тысяч женщин, студентов и школьников оказывали помощь госпиталям, многие из них круглосуточно дежурили около тяжелораненых[45].

В крайне тяжелых условиях к середине 1942 г. экономику страны все же удалось перевести на военные рельсы, что позволило использовать на военные нужды до 60% национального



В цехах работали повзрослевшие дети

Проверка пистолет-пулеметов

дохода, примерно столько же промышленной и около четверти всей сельскохозяйственной продукции[46]. Успех Советского Союза в перестройке экономики отметил президент США Ф. Рузвельт в своем послании американскому конгрессу от 7 января 1943 г.: «Мы не должны забывать, что наши достижения не более велики, чем достижения русских, которые развили свою военную промышленность в условиях неимоверных трудностей, порожденных войной»[47].

Самыми критическими месяцами для военной экономики оказались ноябрь и декабрь 1941 г. Из-за военных потерь и эвакуации тысяч предприятий валовая продукция промышленности с июня по ноябрь сократилась в 2,1 раза. В ноябре и декабре страна не получила ни одной тонны угля из Донецкого и Подмосковного бассейнов. В декабре по сравнению с июнем произошло сокращение производства проката черных металлов, основы военной промышленности, в 3,1 раза, проката цветных металлов — в 430 раз, выпуска подшипников — в 21 раз. При сокращении общего промышленного производства выпуск военной продукции, на которой концентрировались основные усилия страны, во втором полугодии 1941 г. тем не менее увеличивался, хотя и происходило это весьма неровно. В первые недели войны он возрастал довольно быстро, но затем в связи с эвакуацией многих военных заводов стал снижаться. Лишь к концу декабря наметился перелом. В первой половине следующего года, когда во все большем количестве в строй вводились эвакуированные предприятия и первые новостройки, заложенные уже после начала войны, рост производства важнейших видов вооружения и военной техники неуклонно продолжался (таблица 1).

Таблица 1

Производство вооружения и боевой техники в СССР в 1941 г. и первом полугодии 1942 г.[48]

Вооружение и боевая техника	Первое полугодие 1941 г.	Второе полугодие 1941 г.	Первое полугодие 1942 г.
Танки, тыс. шт.	1,8	4,8	11,2
Боевые самолеты, тыс. шт.	4,0	8,2	8,3
Орудия, тыс. шт.	10,0	30,2	53,6
Минометы, тыс. шт.	10,5	42,2	122,8
Пулеметы, тыс. шт.	42,8	106,2	134,1
Пистолеты-пулеметы, тыс. шт.	зд	89,7	535,4
Винтовки и карабины, млн шт.	0,8	1,56	2,0

Значительно увеличивалось и производство боеприпасов, порохов всех видов и другой военной продукции. В 1942 г. объем валовой продукции всех отраслей промышленности увеличился более чем в 1,5 раза, а количество предприятий, выпускающих военную продукцию, возросло в 2,8 раза по сравнению с довоенным уровнем, при этом на Урале — в 5 раз, в Поволжье — в 9 раз, в Западной Сибири — в 27 раз[49].

Вместе с тем было ясно, что устойчивое развитие военного производства невозможно без эффективной работы обслуживающих отраслей, прежде всего черной и цветной металлургии, машиностроения, химической промышленности, топливно-энергетического комплекса. В этих критических условиях принимались все возможные и даже невозможные меры по наращиванию добычи сырья и увеличению выработки электроэнергии, строительству машиностроительных мощностей, химических предприятий и прочее. Но даже при наличии металла, топлива и электроэнергии нельзя было выпускать вооружение и боеприпасы без оборудования, в первую очередь металлообрабатывающих станков. И эту проблему пришлось решать в условиях резкого сокращения производственных мощностей машиностроения путем активизации нового строительства крупных машиностроительных заводов в Свердловске, Алапаевке и Новосибирске. Принимались и другие меры по увеличению производства военной продукции.

Быстро набиравшая темпы военная промышленность потребляла огромное количество металла. Нужны были новые марки чугуна, стали, броневого листа. Требовалось устойчивое развитие машиностроения, химической промышленности, топливно-энергетического комплекса. С большим трудом, но вопросы эти решались. Так, металлурги Магнитогорска, Златоуста, Кузнецкого бассейна в кратчайшие сроки сумели освоить выплавку высококачественной стали, причем в обычных мартеновских печах. Впервые в мировой практике в этих же печах стали варить броневую сталь. Что касается топлива, то ведущими поставщиками угля, являвшегося в то время основным видом топлива, оказались Кузбасс, Урал и Караганда. Была проделана огромная работа по увеличению мощностей действующих и строительству новых электростанций. На востоке страны активизировалось строительство крупных машиностроительных заводов. В Поволжье и за Уралом ускоренными темпами шли добыча и производство горючего и смазочных материалов.

Таким образом, во второй половине 1941 и в 1942 г. в районах Волги, Урала и Западной Сибири был создан мощный военно-промышленный комплекс, который решал триединую задачу: добывал нефть, уголь, руду и другие ископаемые, вырабатывал электроэнергию и производил военную продукцию как для действующей армии, так и для войск внутренних военных округов, где готовились резервы для фронта. Естественно, эта работа требовала величайшего напряжения сил. Противник ожидал развала и дезорганизации нашего тыла, а произошло наоборот[50]. Однако фронт требовал все больше и больше вооружения, боеприпасов, других видов материальных средств.

Роль материально-технического обеспечения войск в ходе войны можно показать на ряде операций. Так, в октябре 1941 г. противник предпринял очередное генеральное наступление на Москву. Под натиском врага войска Красной армии вынуждены были отступать. Транспорта для своевременной эвакуации материальных средств не хватало. Было принято решение уничтожить стационарные склады с боеприпасами, размещенные в треугольнике Ржев — Гжатск — Вязьма, где сосредоточивались большие запасы. Промышленность в это время еще не имела возможности обеспечить возросшие потребности. Например, Западный фронт в октябре получил только 3862 вагона с боеприпасами. И, как следствие, на фронте наступил так называемый второй «снарядный голод». Примерно та же участь постигла войска всех фронтов, действовавших на московском направлении. К середине ноября за счет жесткой экономии удалось создать запасы во фронтах: два-три боекомплекта боеприпасов, кроме того, большое количество боеприпасов в войска было доставлено и планировалось поставить автомобильным транспортом с центральных складов, размещенных в московском регионе. Промышленность страны увеличила выпуск военной продукции, Западный фронт в ноябре получил 5187 вагонов с боеприпасами, план поставки на декабрь предусматривал подать 11,6 тыс. вагонов, а в январе — 20 тыс. вагонов с боеприпасами, увеличилась подача боеприпасов и другим фронтам. Запасы горючего во фронтах составляли пять-шесть заправок, кроме того, на московских базах было сосредоточено 58 тыс. тонн горючего, продовольствия и фуража 10–12 суточных дач, большое количество других видов материальных средств. Промышленность начала набирать темпы производства вооружения, боевой и другой техники, боеприпасов, горючего и других материальных средств; созданная новая система снабжения и управления тылом уже заработала. Личный состав войск фронтов неплохо питался, продовольственный паек боевых частей составлял 3450 ккал. Воины были полностью переодеты в зимнее, теплое обмундирование и обувь.

Ставка ВГК учитывала и то, что в середине ноября 1941 г. немецкая группа армий «Центр» имела суточный подвоз 23 эшелона при потребности 70, то есть в три раза меньше, а в феврале 1942 г. на направлении Брест — Минск — Смоленск можно было обеспечить подачу к фронту лишь восьми эшелонов в сутки[51]. Войсковые запасы материальных средств соединений и воинских частей немецкой армии оказались полностью израсходованными, танки и штурмовые орудия войск первой линии в большинстве своем боеприпасов в боевых укладках практически не имели, их баки для горючего были наполовину пусты. Личный состав питался за счет грабежа местного населения, а с 1 июля 1942 г. боевые части стали получать

продовольственный паек, который составлял только 2543 ккал, другие части — еще меньше. Солдаты были одеты в пилотки, тонкие мундиры, обуты в жесткие яловые сапоги с набитыми металлическими «морозками» на подошве. Оперативный тыл немецкой группировки войск в этих условиях оказался не способным питать войска всем необходимым для жизни и боя.

Вот уже более 60 лет в официальных изданиях переход войск Красной армии в контрнаступление обосновывается двумя параметрами: во-первых, окончанием перегруппировки войск, сосредоточением в московском регионе значительных сил и средств, передислоцированных из Сибири, Дальнего Востока и с других направлений; во-вторых, тем, что противник после наступления еще не успел закрепиться на достигнутых рубежах. В данном случае опрометчиво опускается военно-экономическая сторона дела, состояние обеспечения советских войск боеприпасами, горючим, продовольствием и фуражом, другими видами материальных средств, а также недостаточное обеспечение группировки войск противника. Совокупность вышеперечисленных факторов наравне с главными более полно характеризует основание для принятия решения о переходе войск фронтов в контрнаступление в битве под Москвой в декабре 1941 г.

В 1942 г. было произведено 25 432 самолета, 24 668 танков, 29 561 артиллерийское орудие, 3237 установок реактивных минометов, 229 645 минометов, 4 045 704 винтовки и карабина, 1 503 017 пистолетов-пулеметов. Это было не только значительно больше, чем сделано в Германии, но и по ряду показателей более высокого качества. Взять хотя бы истребители Як-7, Ла-5, штурмовики Ил-2, бомбардировщики Пе-2, новые артиллерийские орудия. Половину всех выпускаемых танков составил на то время лучший в мире танк Т-34[52]. Вместе с тем предстояло, с одной стороны, закрепить достигнутые экономические успехи и увеличить материально-технические возможности для победы над врагом, с другой — снизить государственные затраты на производство военной продукции. Принятыми мерами впоследствии удалось снизить цены на выпуск вооружения, боевой и другой техники (таблица 2).

Таблица 2

Стоимость некоторых видов вооружения и военной техники в годы Великой Отечественной войны
(в тыс. руб. за единицу по ценам военного времени)[53]

Вооружение и военная техника	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.
Самолет Ил-4	800	468	380	380
Самолет Ли-2	650	510	424	424
Самолет Пе-2	420	353	265	265
Танк КВ	635	295	225	—
Танк Т-34	269,5	193	135	135
Танк Т-34-85	—	—	164	164
122-мм гаубица М-30	94	39	35	35
Пистолет-пулемет ППШ	0,5	0,4	0,14	0,148
7,62-мм винтовка	0,163	0,12	0,1	ОД

Рост индустриальной мощи СССР создавал условия для неуклонного развития военной промышленности. Многие заводы переходили на выпуск более совершенных систем вооружения. Увеличилось производство 152-мм гаубиц, которые имели дальность стрельбы 12,4 км. Промышленность стала выпускать 100-мм противотанковые пушки с высокой начальной скоростью полета снаряда. Увеличилось также производство 85-мм и 122-мм пушек для танков и самоходных артиллерийских установок. Началось изготовление 160-мм минометов — мощного средства уничтожения живой силы и разрушения оборонительных сооружений противника. Промышленность стала изготовлять более совершенный тип реактивной установки — систему БМ-31-12 на автомашинах для стрельбы тяжелыми реактивными сна-

Деревня сеяла, выращивала хлеб: все для фронта, все для победы…

Жители освобожденного города приводят в порядок улицы

рядами. Значительно обновилось стрелково-пулеметное вооружение, при этом изготовление устаревших образцов прекращалось. В танковой промышленности увеличилось производство новых боевых машин. Налаживался массовый выпуск тяжелого танка ИС и его модификации с мощной броневой защитой, 122-мм пушкой и более сильным двигателем. Танк ИС имел башню сферической формы и по тактико-техническим данным превосходил все зарубежные машины аналогичного класса. Значительный размах приобрел выпуск модернизированных танков Т-34 (Т-34-85), которые обладали большой скоростью, утолщенной броней и пушкой калибра 85 мм вместо прежней 76-мм. Увеличился выпуск самоходных артиллерийских установок СУ-76 (на базе легких танков) и СУ-85, а также ИСУ-122 и ИСУ-152 (на базе танка ИС). Завершилась разработка и подготовка к массовому выпуску самоходной установки СУ-100 (на базе танка Т-34). Производство легких танков прекратилось.

Расширялись производственные мощности авиационной промышленности. С конвейеров заводов стали сходить новые типы самолетов. Среди них истребитель Ла-7, имевший скорость 680 км в час и отличавшийся высокими маневренными качествами и боевыми возможностями. Модернизированный истребитель Як-3 стал выпускаться с более сильным мотором, мощным пушечным вооружением, он имел скорость 650 км в час и являлся самым легким и маневренным истребителем периода Второй мировой войны. На базе серийного истребителя Як-9 были созданы самолеты Як-9Д и Як-9ДД с большей дальностью действия, что повышало боевые действия авиации. Часть истребителей и штурмовиков оснащались ракетным оружием. Переводился на крупносерийное производство скоростной фронтовой бомбардировщик Ту-2, который по летно-техническим данным превосходил немецкий бомбардировщик Ю-88. Выпускались и другие новые и модернизированные самолеты.

Благодаря наращиванию вооружений, изменениям в самой структуре вооруженных сил уже к концу 1942 г. действующая армия в целом была перевооружена. Несмотря на трудности, войска стабильно обеспечивались оружием, боеприпасами, всеми видами довольствия, горючим. У Ставки ВГК появилась возможность создавать крупные стратегические резервы. Так, количество стрелковых соединений увеличилось на 26%, танковых соединений и воинских частей — в 2,5 раза. Были вновь сформированы и переформированы из стрелковых бригад 79 стрелковых дивизий, сформированы 25 стрелковых бригад, 30 танковых и механизированных корпусов, 89 танковых бригад и значительное количество других соединений и воинских частей. К ноябрю 1942 г. Красная армия не только выросла численно, но и догнала противника по ударной силе и огневой мощи.

Уровень производства военной продукции, увеличивавшийся с каждым днем, способствовал накоплению сил и средств для решительных операций в 1943—1945 гг. С другой стороны, увеличение численности военной техники потребовало подавать войскам значительно больше боеприпасов, горючего и других видов материальных средств. В составе тыла фронтов были созданы мощные автотранспортные бригады, в армейском — полки, грузоподъемность войскового транспорта увеличилась в два раза.

В стране развернулось всенародное патриотическое движение по созданию Фонда обороны. Работая с огромным напряжением сил, с удвоенной, утроенной энергией, коллективы заводов, фабрик отчисляли часть заработанных денег на создание госпиталей, приобретение военной техники. Население страны сдавало в Фонд обороны свои личные сбережения, облигации, лотерейные билеты, драгоценности, изделия из серебра, золота, платины. Только в течение 18 месяцев войны (к концу 1942 г.) от трудящихся Советского Союза в фонд обороны поступило 10,5 млрд рублей наличными[54].

Почти одновременно с созданием Фонда обороны в стране возникло массовое движение по сбору личных средств на строительство танковых колонн, эскадрилий боевых самолетов, бронепоездов, подводных лодок, боевых катеров, артиллерийских батарей и другого вооружения. Во время битвы за Москву жители Горьковской (ныне Нижегородская) области на свои средства построили и послали защитникам Москвы бронепоезд «Козьма Минин», а из Мурома прибыл бронепоезд «Илья Муромец».

Нередко женщинам приходилось впрягаться в ярмо

Работа на эвакуированных заводах по изготовлению танков не прекращалась ни на минуту

Неоценимую помощь оказало население городов и сел нашей страны, посылая в действующую армию бесчисленное количество теплых вещей. Только за сентябрь, октябрь и ноябрь 1941 г. от рабочих, служащих, колхозников и интеллигенции поступило: 1 172 972 пары валенок, 2 767 232 кг шерсти, 523 107 полушубков, 2 062 706 штук овчин, 1 245 115 пар шерстяных перчаток, варежек и меховых рукавиц, 2 297 638 пар шерстяных носков, чулок и шерстяных портянок, 1 420 048 единиц теплого белья, свитеров и фуфаек, 1 383 360 шапок-ушанок, 1 293 818 курток и ватных шаровар[55]. Все это позволило войскам хорошо перенести суровые условия зимы 1941–1942 гг. и успешно решать задачи по разгрому противника. Такой огромной материальной поддержки народа не знала ни одна армия мира.

Особые страницы в истории Великой Отечественной войны занимает безграничная любовь советского народа к защитникам Отечества. Со всех концов на фронт направлялись посылки с теплыми вещами и продуктами питания для воинов переднего края, а также для раненых, находящихся в госпиталях. Эти подарки сдавались на базы, организованные в виде специальных отделов хранения при центральных, фронтовых и окружных продовольственных складах. На них подарки сортировались, комплектовались, а затем отправлялись получателям.

В общей сложности в действующие соединения и воинские части было передано несколько сотен тысяч тонн различного продовольствия: мяса, масла, сахара, меда, сыра, рыбы, печенья, конфет, шоколада, сухарей, фруктов, овощей, вина и водки, миллионы банок консервов, а также огромное количество мыла, табака, папирос, различных предметов первой необходимости. Их общая стоимость определяется миллионами рублей. Только жители Вологодской области, например, за неполные четыре года войны отправили фронтовикам 95 вагонов подарков, жители Кировской области — 130 вагонов, Таджикской ССР — 151, Хабаровского края — 157 (за два с половиной года), Киргизской ССР — 196, Туркменской — 202, Приморского края — 250, Красноярского края — 253, Челябинской области — 613, Казахской ССР — 1600. И это было не плановое снабжение войск, а благородное движение народа всей страны.

В Красной армии и Военно-морском флоте был установлен жесткий контроль над правильным истребованием материальных средств для снабжения воинских формирований, хранением, распределением, учетом и отчетностью в их расходовании. Так, приказом наркома обороны были введены лимиты на расход боеприпасов, а затем и горючего. Старший начальник, определяя боевые задачи подчиненным, устанавливал лимит расхода необходимых ресурсов. Кроме того, ГКО принял специальное постановление «Об охране военного имущества Красной армии в военное время», в котором были определены меры ответственности как должностных лиц, так и всех военнослужащих за хищение (воровство), умышленную порчу, разбазаривание, незаконное расходование, нарушение правил хранения оружия, боеприпасов, продовольствия и прочего имущества. Например, «за хищение военного имущества, совершенное складскими работниками и другими лицами, в непосредственном ведении которых постоянно или временно находилось это народное достояние», применялась высшая мера наказания — расстрел с конфискацией всего личного имущества преступника. За другие виды преступлений также предусматривались самые суровые наказания. Даже в ходе боевых действий в каждой воинской части, которая имела свое хозяйство, где расходовались материальные и денежные средства, ежегодно проводилась хозяйственно-финансовая ревизия с оформлением подробного акта, по которому в строго установленные сроки принималось соответствующее решение.

В рамках проблемы особую актуальность представляют экономические возможности государства. На всем протяжении войны эти вопросы носили крайне напряженный характер: производство военной продукции влияло на формы и способы вооруженной борьбы и на ее результаты.

Наибольших объемов военное производство достигло в 1944 г. Его высокий уровень базировался на прочном фундаменте ведущих отраслей тяжелой промышленности. Рост продукции происходил за счет более эффективного использования мощностей действующих предприятий, ввода в строй новых и восстановления предприятий в освобожденных районах и благодаря повышению производительности труда во всех отраслях промышленности, в строительстве, на транспорте. В целом производительность труда в сфере военной промышленности с мая 1942 по май 1945 г. увеличилась на 121%, а себестоимость всех видов военной продукции

сократилась по сравнению с 1940 г. в среднем в два раза. Была решена одна из главных задач советской военной экономики: Советский Союз в 1943 г. превзошел Германию по количеству и качеству военной продукции. Военное производство в СССР к этому времени увеличилось по сравнению с довоенным периодом в 4,3 раза, а в Германии — всего в 2,3 раза.

Важную роль в этом сыграла советская наука. Для нужд фронта была перестроена работа научно-исследовательских учреждений промышленных наркоматов и Академии наук СССР. Ученые и конструкторы создавали, улучшали и модернизировали имеющуюся военную технику и оружие, быстро внедряли в производство все технические новшества. Примечательно, что достигнутые во время войны темпы внедрения в производство новых технических разработок не превзойдены до сих пор. То было время высокого подъема творческой мысли ученых, конструкторов, инженеров, рабочих. Физики создавали теоретические предпосылки для конструирования видов вооружения; математики разрабатывали приемы быстрых вычислений для артиллерии, авиации и флота; химики искали новые способы производства взрывчатых веществ, сплавов, лекарств. Работа геологов позволяла непрерывно расширять сырьевую базу промышленности, преимущественно в восточных районах. Стремительно развивались оптика, радиоэлектроника, радиолокация и другие области науки и техники. К их числу относится и реактивная техника.

Сложной в годы войны была ситуация с кораблестроением. Неблагоприятная обстановка на фронте в 1941 г. заставила советское правительство принять решение о приостановлении строительства заложенных ранее крупных и многих средних кораблей. Они были переведены на тыловые базы или законсервированы на стапелях. Большинство заводов Наркомата судостроения переключились на производство вооружения и боеприпасов для сухопутных войск и авиации. С 1942 г. свертывание военного кораблестроения прекратилось. Новые судостроительные заводы на Дальнем Востоке и на Севере наряду с завершением строительства производственных цехов и сооружений широко развернули постройку боевых кораблей и ремонтно-восстановительные работы на кораблях и судах Северного и Тихоокеанского флотов. В годы войны на этих заводах были построены два крейсера, эсминцы и сторожевые корабли, охотники за подводными лодками, изготовлялись боеприпасы и вооружение для Красной армии. Несмотря на блокаду, ленинградские судостроители сумели ввести в строй большое количество судов.

Поставив все народное хозяйство на службу войне, Советский Союз сумел успешно решить самую ответственную задачу экономического противоборства с Германией — обеспечить Красную армию, Военно-морской флот и партизан высококачественным вооружением и боеприпасами в количестве, необходимом для достижения победы (таблица 3).

Таблица 3

Производство продукции важнейших отраслей тяжелой индустрии и военной техники в СССР и Германии в 1941–1945 гг.[56]

Наименование продукции	СССР	Германия*	с 01.07.1941 по 01.07.1945 в среднем за год	1941–1945 гг. в среднем за год
Чугун, млн т	31,5	7,9	98,1	24,5
Сталь, млн т	45,4	11,3	133,7	33,4
Уголь, млн т	441,5	110,4	2151,0	537,6
Электроэнергия, млрд кВт*ч	147,3	36,8	334,0	83,5
Танки и САУ (штурмовые орудия), тыс. шт.	95,1	23,8	53,8	13,5
Боевые самолеты, тыс. шт.	108	27,0	78,9	19,7
Орудия (средних и крупных калибров), тыс. шт.	188,1	47,0	102,1	25,5

* Производство чугуна, стали и электроэнергии в Германии показано с учетом оккупированных ею стран.

Беженцы возвращаются

Подготовка снарядов для отправки на фронт

В цеху работает фронтовая комсомольско-молодежная бригада

Сопоставление среднегодового объема производства основных видов вооружений в СССР и Германии (а также ряда других государств) показывает, что в нашей стране оружия и военной техники выпускалось значительно больше. Так, на 1 млн тонн выплавленной стали в СССР производилось самолетов в 1,5 раза больше, чем в Англии, в 2,6 раза больше, чем в Германии, и в 3,2 раза больше, чем в США; бронетанковой техники — в 3 раза больше, чем в Германии, в 3,8 раза больше, чем в Англии, и в 6,3 раза больше, чем в США; артиллерийских орудий — в 5,4 раза больше, чем в Англии, в 7,7 раза больше, чем в США, и в 4 с лишним раза больше, чем в Германии[57].

Экономическая мощь Советского Союза, высокая мобильность военно-промышленного комплекса позволили в суровых условиях военного времени не только ликвидировать временное превосходство Германии, которая использовала экономику оккупированных стран Европы и богатейших районов Советского Союза, в производстве оружия, военной техники, но и превзойти ее как по количеству, так и по качеству вооружения. Если обратиться к конкретным цифрам, то с июля 1941 по 30 июня 1945 г. в СССР в среднем в год производилось 27 007 боевых самолетов против 19 725 в Германии, 23 774 танка и самоходные артиллерийские установки против 13 450[58].

В целях создания условий для более эффективного использования в стране оборонного комплекса по решению ГКО в государственном бюджете приоритет был отдан военным расходам. Осуществлена мобилизация ресурсов народного хозяйства на финансирование вооруженных сил и оборонных отраслей промышленности. Использована эмиссия денежных средств как одного из дополнительных источников финансирования производства военной продукции. Практически все производственные мощности промышленности и рабочая сила были использованы на нужды войны. В результате рост расходов в 1939–1945 гг. по сравнению с 1938 г. в целом по смете НКО составил 676,2%, в том числе на оплату заказов вооружения и военной техники — на 171,6%[59].

По состоянию на 1 января 1945 г. Красная армия имела в Европе 11 тыс. танков и САУ, 91,4 тыс. орудий и минометов и 14,6 тыс. боевых самолетов, в то время как вермахт располагал 4 тыс. танков и штурмовых орудий, 28,5 тыс. орудий и минометов и около 2 тыс. боевых самолетов. Словом, на завершающем этапе войны советские войска превосходили противника по танкам и штурмовым орудиям — в 2,8 раза, по орудиям и минометам — в 3,2 раза, по боевым самолетам — в 7,3 раза. Масса артиллерийско-минометного залпа советской стрелковой дивизии, составлявшая в 1941 г. 548 кг, возросла к декабрю 1944 г. до 1589 кг. Двойное и даже тройное огневое превосходство позволяло советским войскам успешно решать самые сложные оперативные и стратегические задачи[60].

Советский тыл обеспечивал фронт не только оружием и боеприпасами, но и другой продукцией, необходимой для жизнедеятельности войск: горючим, транспортом, продовольствием, обмундированием, обувью и прочим. Исключительное значение имело удовлетворение потребностей фронта в горючем. Эту задачу приходилось решать в условиях, когда нефтяная промышленность СССР сначала снизила уровень переработки нефти, а затем и ее добычи. Уже в первые месяцы войны были демонтированы и эвакуированы нефтеперерабатывающие заводы Одессы, Херсона и Бердянска. С сентября 1941 г. стала падать добыча нефти, особенно сильно — в 1942 и начале 1943 г. в связи с продвижением германских войск к Волге и на Северный Кавказ. Были проведены специальные работы по выводу из строя нефтепроводов и консервации скважин, чтобы ими не мог воспользоваться враг. В 1943 г. было добыто только 17,9 млн тонн нефти, или 57,7% от уровня 1940 г. Даже в 1945 г. нефтяная промышленность достигла всего 62% довоенного уровня. Решить проблему с горючим для фронта удалось путем внесения коренных изменений в программу производства и распределения нефтепродуктов. Внедрение более совершенных технологических систем на существующих предприятиях и пуск в эксплуатацию новых нефтеперегонных установок в восточных регионах позволили увеличить количество выпускаемых светлых нефтепродуктов. За 1940–1944 гг. отбор бензинов всех марок из бакинской сырой нефти повысился с 5,76 до 8,36%, в том числе авиабензина — с 2,56 до 6,15%.

Впервые в мировой практике стали получать авиабензин из низких сортов нефти, освоили извлечение бензина из крекинг-газа и лигроина. На ряде заводов вступили в строй установки для производства высокооктановых добавок к авиабензину, что имело огромное значение, ибо увеличение октанового числа бензина лишь на одну единицу повышало взлетную способность и скорость боевых самолетов на 30–40 км в час.

В соответствии с постановлением ГКО от 14 апреля 1943 г. в Орске, Гурьеве, Красноводске и Куйбышеве были возведены закупленные в США по ленд-лизу четыре нефтеперерабатывающих завода. Их годовая мощность составила 240 тыс. тонн авиабензина Б-78 — самого дефицитного для ВВС, а кроме того, 35 тыс. тонн авиационного масла и 600 тыс. тонн других сортов бензина[61]. Эти меры, а также поставки по ленд-лизу позволили стабилизировать обеспечение авиации горючим. На протяжении всей войны собственное производство авиационного бензина было выше довоенных размеров.

В то же время по сравнению с уровнем 1940 г. сократился выпуск всех остальных видов жидкого топлива: автомобильного бензина, керосина, дизельного и моторного топлива, мазута. Тем не менее для фронта эти виды горючего поставлялись в необходимых количествах. А в тылу жидкое топливо по возможности заменяли газогенераторным, приспосабливая автомашины для использования твердого топлива.

Страны антигитлеровской коалиции поставляли в нашу страну паровозы, станочное оборудование, броневой лист, железнодорожные рельсы, алюминий, медь и другие материалы. Что касается военной продукции, то количество вооружения и военной техники было незначительным. Всего морским путем на 26 тыс. судов в Советский Союз было доставлено более 16 млн тонн груза. При этом погибло 72 судна, а с ними 1,3 млн тонн грузов[62]. Для Наркомата обороны СССР в 1941–1945 гг. было поставлено 312,6 тыс. автомобилей разных марок. Их процент в автомобильном парке войск на 1 января составлял: в 1943 г. — 5,4%, в 1944 г. — 19%, в 1945 г. — 30,4%, а на 1 мая 1945 г. — 32,8%[63].

Из США, Великобритании и Канады было поставлено 2599 тыс. тонн нефтепродуктов, из них 1170 тыс. тонн высокооктановых компонентов и бензинов, которые использовались авиацией. При этом в СССР за время войны было произведено 29 427 тыс. тонн светлых нефтепродуктов, в том числе 1961 тыс. тонн высокооктановых бензинов[64].

С конца 1942 г. начало поступать продовольствие. Наиболее ощутимым было поступление мясных консервов. Воины называли заокеанские консервы в ярких баночках «вторым фронтом». В этом названии заключалась немалая доля иронии, ведь союзники обещали открыть второй фронт в 1942 г., а открыли его в конце войны, в середине 1944 г. Всего в 1941–1944 гг. из США и Канады было получено 4,3 млн тонн продовольствия, что составило примерно 25% общего тоннажа поставок, или чуть более 10% общего расхода его для нужд войск за всю войну. Среднегодовой экспорт зерна, крупы, муки (в пересчете на зерно) составил 2,8% среднегодовых заготовок зерна в СССР.

В Советском Союзе ценили помощь союзников, тем более что с лета 1943 г. американскую военную технику и различное имущество все чаще можно было видеть на фронте. Это подтверждают и многие ветераны войны. Поставки в известной мере стабилизировали производство и позволяли уменьшить наши внутренние расходы при обеспечении соединений и воинских частей. Руководство государства, все население страны выражали чувство искренней благодарности союзникам по антигитлеровской коалиции. Однако следует отметить, что помощь, оказанная Советскому Союзу Соединенными Штатами, Великобританией и Канадой, не могла иметь решающего значения в разгроме Германии и ее сателлитов. В свою очередь, Советский Союз обратными рейсами морских судов также поставлял союзникам материалы, имевшие для них стратегическое значение.

Огромный размах боевых операций и маневренный характер войны предъявляли повышенные требования к оснащению войск средствами передвижения, особенно автомобилями. В первые месяцы войны увеличение автотранспорта в действующей армии шло в основном за счет мобилизации его из гражданских отраслей народного хозяйства. Однако много автомобилей было потеряно в ходе вынужденного отступления. В то время как действующая

армия ощущала острый недостаток транспортных средств, промышленность не в силах была удовлетворить потребности, так как значительная часть автомобильных заводов была переключена на выпуск танков и других важных видов военной продукции. Создавшаяся зимой 1941–1942 гг. критическая ситуация с автотранспортом на фронте потребовала принять меры по увеличению производства автомобилей. На базе цехов эвакуированного Московского автозавода создавались новые автомобильные предприятия. Уже в 1942 г. был введен в строй Ульяновский автозавод, выпустивший в том же году первые 2 тыс. автомобилей. В 1944 г. на Южном Урале вошел в строй Миасский автомобильный завод. Продолжали выпуск автомобилей Московский и Горьковский автозаводы. На их долю приходилось свыше 90% всесоюзного выпуска этого вида продукции (таблица 4).

Таблица 4

Численность автомобильного парка Красной армии в годы войны[63]

Автомобили	По состоянию на					
	22.06.1941	**01.01.1942**	**01.01.1943**	**01.01.1944**	**01.01.1945**	**01.05.1945**
Отечественные, тыс. шт., % от всего парка	272,6 100	317,1 99,6	378,8 99,7	387,0 77,9	395,2 63,6	385,7 58,1
Импортные, тыс. шт., % от всего парка	—	—	22,0 5,4	94,1 19,0	191,3 30,4	218,1 32,8
Трофейные, тыс. шт., % от всего парка	—	1,4 0,4	3,7 0,9	14,9 3,9	34,7 6,0	60,6 9Д
Всего, тыс. шт.	272,6	318,5	404,5	496,0	621,2	664,4

Несмотря на значительные потери и сложности производства, автомобильный парк Красной армии обеспечивал внутрифронтовые, а в ряде случаев и стратегические перевозки.

Если в армейском и войсковом тылу ведущая роль в перевозках принадлежала автотранспорту, то в тыловом районе фронта и на остальной территории страны около 85% всего грузооборота приходилось на железные дороги. В целом они справились с комплексом сложнейших задач, выдвинутых войной[66]. Оккупация значительной территории СССР нанесла железнодорожному транспорту тяжелый урон. Сократилось количество подвижного состава, были разрушены многие транспортные объекты. Изменились характер и направление грузопотоков, существенно возросла загрузка железнодорожной сети. Казалось бы, из такой ситуации нет выхода. Но была разработана и осуществлена обширная программа по железнодорожному строительству, прежде всего по увеличению пропускной способности железнодорожных магистралей Поволжья, Урала и Сибири, восстановлению коммуникаций в прифронтовых и освобождаемых районах. Уже в 1942 г. стали постоянно эксплуатироваться около 1200 км новых железнодорожных линий, более 1300 км вторых путей и автоблокировка на протяжении 590 км. Высокими темпами велось восстановление разрушенных железных дорог на освобожденных территориях. В 1943 г. ремонтировали примерно 8 км путей в сутки, а в 1944 г. — 10 км[67].

В связи с переводом большинства гражданских предприятий на выпуск военной продукции в 1942 г. почти перестал пополняться паровозный парк, не хватало вагонов. Весной 1943 г. ГКО принял меры по увеличению мощностей вагоностроительных заводов. За счет только отечественного производства железнодорожный транспортный парк в 1943 г. возрос на 2 тыс. паровозов и 56 тыс. вагонов. Значительное количество железнодорожных платформ в 1943–1945 гг. было поставлено из США. В результате успешного восстановления разрушенных врагом и строительства новых линий эксплуатационная длина железных дорог увеличилась с 81,7 тыс. км к началу 1944 г. до 110 тыс. км в конце года. Все это способствовало расширению возможностей железнодорожного транспорта.

Как того требовали размах наступательных операций и масштабы военного производства, грузооборот железных дорог с весны 1943 г. непрерывно нарастал. Железнодорожники доставили фронту более 19 млн вагонов вооружения, боеприпасов, снаряжения, других

материальных средств. Народное хозяйство получило почти 67 млн вагонов различных грузов. Все виды транспорта в ходе войны выполнили огромную работу по обеспечению нужд фронта и тыла.

Немалую роль в годы войны сыграл речной и морской транспорт. Речным флотом доставлялись в основном нефть, минерально-сырьевые ресурсы, уголь, соль. В 1945 г. эти грузы составляли 90,2% речных перевозок. Только в 1943 г. по Волге было перевезено 1200 тыс. тонн жидкого горючего и смазочных материалов. В 1941–1942 гг. речной флот активно участвовал в эвакуации промышленного оборудования и жителей прифронтовых районов. По неполным данным, речным транспортом были эвакуированы свыше 2,5 млн человек, 1,5 млн тонн разнообразных грузов и 2 млн голов скота. Многие задачи решал и морской торговый флот. Транспортные суда Северного и Дальневосточного пароходств совершали экспортно-импортные рейсы в Великобританию, Исландию, Канаду, США, Африку, Австралию, на острова Яву, Борнео и в другие отдаленные пункты. Каспийский транспортный флот занимался главным образом перевозками нефти и нефтепродуктов.

Ненасытный молох войны требовал от тыла не только оружия, горючего, автомобилей, но и огромного количества продовольствия. Всего в военные годы на довольствии одновременно находились 9–12 млн военнослужащих, а на государственном продовольственном обеспечении — свыше 80 млн гражданского населения. Удовлетворить потребности армии в продуктах питания было совсем не просто, так как сельское хозяйство пострадало больше других отраслей экономики. На территории, подвергшейся оккупации, находилось 47% всех посевных площадей, в том числе 87% сахарной свеклы и 50% подсолнечника. За счет мобилизации в армию и на оборонные работы в деревне резко сократилась численность трудоспособного населения, тракторов и другой техники, что не могло не сказаться на сельскохозяйственном производстве. Валовой сбор зерновых в 1942 г. составил 31% от уровня 1940 г., подсолнечника — 11%, сахарной свеклы — 12%. Несколько лучше обстояло дело с продукцией животноводства. Она снизилась приблизительно на половину, поскольку часть скота удалось перебросить на восток.

Если в основных отраслях промышленности уже с середины 1942 г. начался некоторый подъем, то для сельского хозяйства 1943 г. из-за засухи оказался не менее трудным, чем предыдущий. Общий объем его продукции в 1943 г. был самым низким за всю войну. Лишь с 1944 г. наметился подъем сельскохозяйственного производства. В 1945 г. оно составляло всего 60% от довоенного уровня. В распределении произведенной в годы войны сельскохозяйственной продукции роль государства еще больше возросла. Резко увеличились государственные заготовки. По зерну и другой продукции они составляли более 40% от валового сбора. Зачастую на покрытие государственных поставок шел почти весь урожай. Благодаря этому государству удалось сосредоточить в своих руках огромные массы товарной продукции. За 1941–1944 гг. запасы зерна составили 68,2 млн тонн, тогда как в годы Первой мировой войны в России было закуплено всего 20,9 млн тонн. Несмотря на трудности, вызванные временной оккупацией противником части территории СССР, вооруженные силы на всем протяжении войны бесперебойно обеспечивались продовольствием в необходимых количествах и ассортименте. Общий расход продуктов питания и зернового фуража Красной армией и Военно-морским флотом за войну составил около 40 млн тонн[68].

В области материального обеспечения наиболее важное значение имело непрерывное удовлетворение потребностей действующих фронтов и флотов в вооружении, боевой и транспортной технике, боеприпасах, горючем, продовольствии и прочем.

За время войны военно-промышленный комплекс страны изготовил, а система тыла вооруженных сил приняла и доставила непосредственно в соединения и воинские части более 108 тыс. боевых самолетов, 95 тыс. танков и САУ, около 445,7 тыс. полевых орудий калибра 76 мм и выше и минометов, 954,5 тыс. пулеметов, 12 млн винтовок и карабинов, 6,1 млн автоматов, 427 млн снарядов для полевых орудий и минометов, а также около 21,4 млрд патронов, более 168,3 млн гранат, 7,5 тыс. морских артиллерийских систем калибра до 152 мм включительно, 40 тыс. мин и торпед, 163,1 тыс. глубинных бомб. Только масса боеприпасов

составляла более чем 10 млн тонн[69]. Война потребовала огромного количества бензина, дизельного топлива, масел и смазок. Всего за время войны Красная армия и Военно-морской флот израсходовали свыше 16 млн тонн различных сортов горючего[70].

Большой объем работ был выполнен по обеспечению действующей армии вещевым и хозяйственным имуществом. Советские воины своевременно получали необходимое имущество, были добротно одеты и обуты — значительно лучше, чем немецкие солдаты и их союзники. Всего за годы войны в армию было поставлено более 38 млн шинелей, 73 млн гимнастерок, 70 млн хлопчатобумажных и около 20 млн ватных шаровар, свыше 11 млн пар валенок и много других предметов[71].

Значительную работу выполняли народное хозяйство страны и тыл вооруженных сил по обеспечению перегруппировок войск и доставки фронтам и флотам пополнения, подвозу материальных средств и осуществлению других видов воинских перевозок.

В короткие сроки был налажен ремонт вооружения и боевой техники. Восстановлено более 304 тыс. артиллерийских систем, 20 364,9 тыс. единиц стрелково-минометного вооружения, 25 998 боевых машин реактивной артиллерии. Выполнено более 622 тыс. ремонтов танков и САУ, около 2 млн средних и капитальных ремонтов автомобилей. Количество ремонтов боевых кораблей и вспомогательных судов, проведенных на Балтийском, Черноморском и Северном флотах, превысило 8,8 тыс. Довольно значительный объем работ был выполнен по инженерно-аэродромному и аэродромно-техническому обеспечению авиации во всех видах вооруженных сил[72].

За годы войны было восстановлено и перешито 120 тыс. км железнодорожных путей[73], что более чем на 13% превышает эксплуатационную длину железнодорожной сети СССР в 1940 г. Объем воинских железнодорожных перевозок за войну в среднем превысил 19 млн вагонов[74], что эквивалентно почти 300 млн тонн грузов. В действующую армию и во внутренние военные округа ежедневно отгружались 284 поезда с войсками и военными грузами. Общий объем перевозок, выполненных автомобильным транспортом в ходе операций Великой Отечественной войны, составил 625 200 тыс. тонн.

Достойный вклад в общее дело победы над врагом внесла военно-медицинская служба. Во время войны были возвращены в строй более 72% раненых и свыше 90% больных. Работники военно-ветеринарной службы вылечили свыше 2 млн раненых и больных лошадей[75].

За счет военно-экономических ресурсов Советского Союза обеспечивались вооружением, военной техникой и другими видами материальных средств национальные соединения и воинские части союзных и дружественных стран при их формировании на территории СССР и ведении боевых действий против общего врага. Так, за время войны вооруженным силам Польши, Чехословакии, Югославии, Румынии, Венгрии и французскому авиаполку «Нормандия — Неман» только по линии центральных органов НКО СССР, не считая фронтов и флотов, было передано: 900 тыс. винтовок, карабинов и автоматов, 40 627 пулеметов, 16 502 орудия и миномета, 2346 самолетов, 1124 танка и САУ, большое количество иных видов вооружения и техники, а также боеприпасов, горючего, продовольствия, различного имущества и снаряжения. Одновременно оказывалась значительная помощь народам, освобожденным от фашистского ига: полякам, немцам, чехам, югославам и другим. Советские войска нередко спасали местное население от голодной смерти. По решению советского правительства для этой цели из ресурсов Красной армии было передано свыше 900 тыс. тонн продовольствия[76].

Все это потребовало немалых материальных и финансовых затрат. Для обеспечения вооруженных сил в годы войны было израсходовано 582,4 млрд рублей, что составило 50,8% всех расходов государственного бюджета. Таков вклад экономики страны в победу над Германией[77]. На всем протяжении войны, даже в наиболее критические ее периоды, политическое и военное руководство Советского Союза внимательно следило за наличием материальных ресурсов. «Руководство страны заглядывало дальше, заботясь, чтобы после войны страна не оказалась обескровленной, неспособной на сопротивление... Мы должны были закончить войну, сохранив потенциал страны для быстрого и решающего роста экономики»[78].

Что касается оружия и военной техники, то к концу войны в Советском Союзе имелось: 35,2 тыс. танков и САУ, что в 1,6 раза больше, чем к началу Великой Отечественной войны; 47,3 тыс. боевых самолетов — превышение в 2,4 раза; 321,5 тыс. орудий и минометов — в 2,9 раза больше, чем в начале войны[79]. Государственные резервы поддерживались на достаточно высоком уровне (таблица 5).

Таблица 5

Материальные резервы Советского Союза в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.[80]

Виды резервов	Рост запасов по отношению к их объему на 1 января 1941 г., в %			
	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.
Хлеб	107,7	122,5	93,0	137,8
Мясные консервы	108,3	94,5	117,3	141,2
Сахар	54,6	286,0	11,3	20,7
Медь	30,2	19,9	53,3	60,3
Цинк	80,2	67,2	215,5	226,2
Олово	112,8	300,0	382,9	468,0
Никель	200	300,0	533,3	466,6
Алюминий	29,7	13,5	67,6	268,2
Каучук натуральный	273,3	313,3	120,0	101,3
Автобензин	249,9	109,5	52,4	117,8
Дизельное топливо	—	70,5*	39,9*	45,4*
Уголь	79,2	51,6	55,7	42,7

* По отношению к объему 1942 г.

Все достижения советской экономики в годы Великой Отечественной войны были бы невозможны без подлинного героизма людей, которые работали, не жалея сил, не считаясь со временем, часто в очень тяжелых условиях, проявляя исключительную стойкость и упорство в выполнении поставленных задач, освоении новых для себя профессий. Лишь благодаря самоотверженности тружеников тыла удалось сравнительно быстро преодолеть все сложности перестройки экономики СССР на военный лад и затем непрерывно наращивать производство вооружения, обеспечивая войска всем необходимым для достижения победы.

Таким образом, в ходе Великой Отечественной войны военно-экономическая система Советского Союза прошла суровую школу и, несмотря на огромные трудности, выдержала величайшие испытания военного времени.

Развитие минерально-сырьевой базы в ходе войны

Первый период войны складывался для СССР, как известно, неблагоприятно и даже трагически. На оккупированной гитлеровцами к ноябрю 1941 г. территории ранее проживали 40% населения страны, добывалось 63% угля, выплавлялось 68% чугуна, 58% стали, выпускалось 60% алюминия. На захваченной территории оказались горнодобывающие предприятия Донецкого и Подмосковного угольных бассейнов, Криворожского железорудного и Никопольского марганцево-рудного бассейнов, Никитовское месторождение ртути, Тихвинское месторождение бокситов, частично месторождения никеля на Кольском полуострове,

многие заводы черной и цветной металлургии. Позднее немецкие войска подошли также к нефтяным промыслам Северного Кавказа. В некоторых захваченных районах гитлеровцам удалось частично наладить добычу полезных ископаемых и производство металлов. Полезные ископаемые этих районов не только выбыли из системы народного хозяйства СССР, но даже поставлялись в Германию. Острота положения усугублялась тем, что свыше 80% военной продукции производилось в центральных и северо-западных районах европейской части России и на Украине. К лету 1941 г. промышленные предприятия Урала, Поволжья, Сибири, Средней Азии, Дальнего Востока давали лишь 18,5% военной продукции. В создавшихся условиях важнейшей задачей хозяйственной политики страны стало развертывание в глубоком тылу, в восточных районах, новой крупной военно-промышленной базы.

Вторая половина 1941 г. была временем великого перемещения производительных сил на восток. Как уже упоминалось, с июля по декабрь этого года было эвакуировано в восточные районы 2593 предприятия, в том числе 1523 крупных.

В руки врага попали запасы природных ископаемых огромной ценности: криворожская железная руда, никопольский марганец, донбасский уголь. Через считаные месяцы после начала войны промышленный потенциал СССР оказался уменьшенным наполовину. Металлургия была отброшена до уровня первой пятилетки. Некоторые виды производства понесли еще больший урон. Резко снизился и объем добычи нефти, хотя немцам в 1942 г. лишь на короткое время удалось завладеть одной только частью северокавказских нефтяных промыслов.

Война поставила перед нефтяниками две главные задачи. Во-первых, сделать все для бесперебойного обеспечения фронта и военного производства нефтепродуктами в достаточных количествах, во-вторых, принять все меры к тому, чтобы враг не смог добывать нефть из скважин, оказавшихся на временно оккупированной территории.

Отрасль, как и вся промышленность, перестраивалась на военный лад. Основными потребителями ГСМ становились вооруженные силы. Машиностроительные заводы, входившие в состав Наркомнефти, переориентировались на производство военной техники. В июне 1941 г. удельный вес военной продукции в общем производстве Наркомата нефтяной промышленности составлял 25%, в июле того же года — 40%[81].

Летом 1941 г. началась эвакуация предприятий отрасли с Кавказа. Они должны были в кратчайшие сроки возобновить работу на новом месте. На базе вывезенного оборудования построили НПЗ в Сызрани, Краснокамске, Перми, Красноводске, на станции Ванновская в Узбекской ССР, расширили Орский и Ишимбаевский нефтезаводы. Эвакуировались машиностроительные производства, научные и учебные заведения. Так, осенью 1941 г. Московский нефтяной институт имени И. М. Губкина был перебазирован в Уфу. Нефтяники перестали получать нужные им материалы и оборудование. Поставки труб, составлявшие в 1940 г. 301 тыс. тонн, в 1942 г. упали в 43,3 раза. Но, несмотря на все трудности, нефтяники справлялись с поставленными перед ними сложными задачами. Так, для артиллерийского и стрелкового оружия производились низкозамерзающие спецсмазки. Особенно качественными они получались из эмбинской нефти. Немецкая же техника зимой 1941—1942 гг. часто отказывала в сорокоградусные морозы. Красная Армия снабжалась бензином, который мог использоваться при температуре до минус 55 С.

Целенаправленно менялась структура производства нефтепродуктов: в начале 1942 г. из довоенного ассортимента, включавшего 72 вида смазочных масел и смазок, было решено оставить 35 наименований. В 1942 г. общее производство нефтепродуктов существенно упало. За 1943 г. Красная армия израсходовала ГСМ на 22,5% больше, чем в 1942 г. В ходе летнего наступления она получила высокооктанового авиабензина в 2,5 раза больше, чем в ходе Сталинградской операции, 317,3 тыс. тонн автобензина и 44 тыс. тонн дизтоплива. В целом же за все время войны подавляющую часть нефтепродуктов Вооруженные силы СССР получали от советских НПЗ, исключая высокооктановый авиабензин.

Особенно тяжелыми для нефтяной промышленности были первые годы войны. Ухудшилось материально-техническое снабжение, многие квалифицированные рабочие

и инженерно-технические работники ушли на фронт, большое число заводов нефтяного машиностроения было переключено на производство вооружения и боеприпасов. Несмотря на все это, нефтяники Азербайджана в первый год войны дали стране 23,5 млн тонн нефти — и это была самая большая добыча за всю историю нефтяной промышленности этой республики. Н. К. Байбаков, бывший в то время заместителем наркома топливной промышленности, впоследствии вспоминал: «Люди искали и находили выход из тяжелейших ситуаций, изобретали и придумывали, казалось, невозможное. Нефтяники на острове Артёма организовали водолазные поиски и подняли со дна Каспия многое из того «старья», в котором в мирное время не нуждались. В эти трудные годы, когда трубные заводы выпускали в основном оборонную продукцию, старые трубы были отремонтированы и пущены в дело. Так, в районе Азербайджана в начале войны был разобран старый трубопровод и направлен на строительство газопровода Бугуруслан — Куйбышев, что обеспечило топливом оборонные заводы Куйбышева»[82]. Нефтяники Азербайджана в конце войны добывали около 60% общесоюзной добычи нефти за счет ввода в эксплуатацию ранее бездействовавших скважин, усовершенствования технологических режимов работы нефтяных промыслов, героических усилий работающего персонала.

Советское правительство принимало меры по усилению поисковых и разведочных работ на нефть в районах Волго-Уральской углеводородной провинции. Из южных районов страны в Башкирию, Куйбышевскую, Оренбургскую и Пермскую области были переброшены крупные поисковые и разведочные организации с опытными кадрами геологов, буровиков, с буровым оборудованием, материалами и механическими базами. Эти мероприятия позволили начиная с 1942 г. значительно усилить поисковые и разведочные работы в указанном регионе. С 1941 по 1945 г. общий объем разведочного бурения достиг 427,1 тыс. метров, что в 1,5 раза превысило объем разведочного бурения за 1936–1940 гг. В июле 1943 г. в Ишимбаевском районе Башкирии было открыто достаточно крупное Кинзебулатовское месторождение, за счет которого в 1943–1944 гг. удалось не только приостановить падение, но и значительно повысить добычу нефти в этом районе, когда потребность в ней для нужд фронта ощущалась особенно остро.

В других нефтяных районах (Краснокамско-Полазненском и Бугурусланском) продолжалась доразведка уже выявленных месторождений, велись также поиски новых месторождений и залежей. Значительные работы по поискам нефти в этот период проводились в Татарской АССР. Для повышения эффективности геологопоисковых, буровых работ и улучшения оперативного руководства нефтяными предприятиями Волго-Уральского нефтяного региона в начале 1942 г. были организованы три комбината — Молотовнефтекомбинат, Куйбышевнефтекомбинат, Башнефтекомбинат и трест Востокнефтемаш. В годы войны сам Наркомат нефтяной промышленности также был размещен в Уфе.

Вскоре, в сентябре 1942 г., Государственный Комитет Обороны утвердил разработанные нефтяниками мероприятия — программу строительства нефтяной промышленности на востоке. В постановлении предусматривалось увеличить добычу нефти к концу 1942 г. в 1,5 раза по сравнению с августом 1941 г., намечалась сдача в эксплуатацию 482 нефтяных скважин, а в первом квартале 1943 г. — еще 580 скважин. В Уфу был переведен институт «Грознефтепроект», который объединили с институтом «Башнефтепроект». Еще ранее, осенью 1941 г., в Уфу был эвакуирован Московский нефтяной институт имени академика И. М. Губкина. Располагая высококвалифицированным профессорско-преподавательским составом, институт развернул большие научно-исследовательские работы.

В результате поисковых и разведочных работ за годы войны нефтяниками была решена главная задача — создание мощных резервов нефти и газа, позволивших непрерывно наращивать добычу нефти и газа на востоке страны. В 1945 г. нефтяные районы Урало-Поволжья дали 2 млн 833 тыс. тонн нефти, то есть в 1,5 раза больше, чем в 1940 г.

Большое значение имело расширение нефтедобычи на севере Сахалина. Это был ближайший источник снабжения нефтепродуктами Дальнего Востока и Крайнего Севера. За годы войны нефтяники Сахалина дали стране 3 млн тонн нефти, а добыча возросла с 505 тыс. тонн

в 1940 г. до 752 тыс. тонн в 1945 г. Ударными темпами был сооружен нефтепровод Сахалин — материк (через Татарский пролив).

Захват немецкими оккупантами некоторых нефтяных районов на Кавказе, перемещение специалистов, рабочих, оборудования на восток страны, конечно, привели к падению добычи нефти на Кавказе и полному ее прекращению на Украине. Несмотря на это, Красная армия во все возрастающем объеме обеспечивалась нефтепродуктами необходимого качества. В феврале 1942 г. ученые института АзНИИ совместно со специалистами нефтеперерабатывающей промышленности разработали технологию получения высокооктанового бензина методом алкилирования.

Нефтяники сделали все, чтобы предотвратить добычу нефти оккупантами из скважин, оказавшихся на территории, временно ими занятой. По этому вопросу Н. К. Байбаков в своей брошюре «Нефтяной фронт» пишет: «Нам было поручено демонтировать и эвакуировать нефтепромысловое и нефтеперерабатывающее оборудование с Северного Кавказа и Баку, а в случае необходимости — вывести его из строя. С болью в сердце выполняли нефтяники это задание. Оборудование промыслов и заводов Кубани, Грозного и Дагестана эвакуировали на восток, большинство скважин и установок было ликвидировано. Оккупанты просчитались. За время пребывания на Кубани они не смогли наладить добычу нефти, а к Грозному и Баку фашистские полчища не подпустила Красная армия. В ЦК и Бакинском горкоме компартии Азербайджана были заблаговременно подготовлены меры по ликвидации промыслов и восстановительным работам на случай воздушных бомбардировок или временной оккупации Баку. Для осуществления этих мероприятий была образована Центральная комиссия под председательством начальника Азнефтекомбината М. А. Евсеенко, на каждом промысле — оперативные штабы, в цехах и на участках — объектовые комиссии. Оперативные ликвидационные группы и объектовые комиссии тщательно продумали мероприятия по выводу скважин и технологических установок из строя. Так, например, скважины решено было перекрывать обрывом труб и набросом сверху готовых болванок»[83].

Рост и развитие военного производства в восточных районах определяли необходимость расширения топливно-энергетической и сырьевой базы Урала, Сибири, Дальнего Востока, Казахстана и Средней Азии, нужно было в предельно короткие сроки освоить не только известные, но и выявить, быстро разведать и передать промышленности новые месторождения высококачественного, особенно стратегического минерального сырья.

В результате перебазирования и строительства на востоке промышленных и оборонных предприятий, освоения новых месторождений минерального сырья коренным образом изменилось размещение производительных сил страны. Восточные районы превратились в ее основную военно-промышленную базу. Ведущее место занял Урал, ставший главным звеном военно-промышленной базы страны, ее арсеналом, основным поставщиком цветных и черных металлов. Уже в четвертом квартале 1941 г. на его долю пришлось 62% произведенного в стране чугуна, около половины выпуска стали и меди, почти третья часть цинка и весь выпущенный в этот период алюминий, а также никель, кобальт, магний. А к сентябрю 1942 г. выпуск промышленной продукции на Урале увеличился по сравнению с довоенным в 2,5 раза. Принятые меры способствовали значительному увеличению производственных мощностей металлургических предприятий, усиленных эвакуированным оборудованием. Магнитогорский комбинат принял оборудование 34 заводов, Нижнетагильский, Орский и Челябинский — 13 заводов. Всего за два с половиной месяца была сооружена первая очередь нового металлургического завода в Челябинской области. Были расширены также мощности старых металлургических заводов — Златоустовского, Свердловского и других.

Для удовлетворения резко возросшей потребности в железной руде были значительно усилены геологоразведочные работы, в первую очередь в районах действующих металлургических комбинатов — Тагило-Кушвинского, Бакальского, Магнитогорского, Орско-Халиловского и других. В Западной Сибири геологоразведочные работы на железные руды проводились в районах Кузнецкого комбината — на месторождениях Горной Шории и Кузнецкого Алатау. Из-за потери Никопольских рудников на Украине и сложности доставки концентратов

из Чиатурского района Грузии возникли большие трудности со снабжением марганцем металлургических заводов Урала и Западной Сибири. В довоенном 1940 г. удельный вес восточных районов в добыче марганцевых руд не превышал 8,4%. В создавшейся обстановке первостепенное значение приобрели разведка и форсированное освоение месторождений Полуночного, Уразовского и Улу-Телакского на Урале, Джездинского в Казахстане, Мазульского и Дурновского в Западной Сибири. Уже к концу 1940 г. на заводы черной металлургии пошел первый уральский марганец. В 1944 г. удельный вес восточных районов в добыче марганцевой руды достиг 84,7%.

В связи с выходом из строя никелевых рудников на Кольском полуострове резко возросло значение добычи сульфидных никелевых руд в Норильском районе Красноярского края и на месторождениях силикатных руд никеля на Урале. Последние стали основной сырьевой базой Уфалейского никелевого комбината. Активизировались геологоразведочные работы. Однако геологов не хватало. Как и прежде, немало высококвалифицированных кадров поступало через систему ГУЛАГа. В 1942 г. в Норильск был направлен руководитель геологопоисковых работ Н. Н. Урванцев. Лагерную «метку» имели крупные геофизики Д. Г. Успенский, А. П. Булмасов, Е. В. Петряков и ряд других специалистов, включая прибывших до войны. В. К. Котульский лишь условно мог считать себя свободным от «объятий» лагерного ведомства. Геологи-заключенные были и среди эксплуатационников, причем, например, М. Ф. Смирнова, несмотря на «статью», назначили главным геологом рудников 3/6, 7/9. Много было молодых сотрудников — выпускников вузов, студентов, в том числе оказавшихся на комбинате в связи с эвакуацией из районов военных действий. Общаясь с опытными специалистами и будучи сразу вовлеченными в конкретные дела, они быстро приобрели необходимые знания, практические навыки.

В результате с 1940 по 1945 г. объем выполненных работ возрос почти вдвое. С начала строительства Норильского комбината в отрасль было вложено около 60 млн рублей, из них 47 млн — в 1941–1945 гг. За 15 лет, с 1930 по 1945 г. выявленные запасы руды возросли в 3 тыс. (!) раз, причем с 1940 по январь 1946 г. общее количество разведанной руды почти удвоилось. По запасам никеля Норильск занял второе место в мире, по драгметаллам — первое. Запасы норильской меди — «вторые» в СССР. Только в 1945 г. Геологическое управление обеспечило прирост запасов, соответствующий годовой потребности в сульфидных рудах, и тем укрепило рудно-сырьевую базу комбината.

С 1940 по 1945 г. подсчитанные запасы каменного угля возросли почти втрое: за вычетом добытого — 479 млн тонн, в том числе коксующихся 31,5 млн тонн. Интенсивная эксплуатация сырьевого «задела» позволила увеличить в 1945 г. относительно уровня 1940 г. добычу богатой жильной руды в 8,5 раза, угля — на 375%; выпуск электролитного никеля и меди возрос, если сравнивать итоги 1945 и 1942 гг., в 11 и 11,3 раза соответственно. В 1945 г. было добыто свыше 255 тыс. тонн руды и почти 860 тыс. тонн угля.

С 1942 г. начал работать Норильский никелевый завод с полным циклом по выплавке никеля, меди, кобальта и платиноидов. Норильский и Уфалейский комбинаты стали основными поставщиками никеля и кобальта для металлургических заводов Урала и Сибири, производящих легированную сталь для брони. Все это позволило резко увеличить выпуск качественных и высококачественных сталей. Удельный вес качественного проката поднялся с 23% в первом полугодии 1941 г. до 49% во втором, а по восточным районам — с 36,9% в июле до 70,8% в октябре. В 1943 г. металлургические заводы на востоке страны давали 94,7% от общей выплавки чугуна и свыше 86,7% производства стали и проката.

Из-за оккупации Украины сложилось чрезвычайно острое положение с обеспечением промышленности алюминием. Как уже было сказано ранее, в стране остался один из пяти алюминиевых заводов — Уральский, правда, маломощный. Были приняты экстренные меры по увеличению его мощности и строительству новых заводов. В сентябре 1942 г. вступила в строй вторая очередь Уральского завода; в 1943 г. он уже давал столько алюминия, сколько до войны выпускали три завода. В военные годы стали выплавлять алюминий Богословский завод на Урале и Новокузнецкий в Кемеровской области, сырьевой базой которых служили

месторождения высококачественных бокситов СУБРа, а позже — выявленные месторождения бокситов на Южном Урале (ЮУБР). В годы войны были расширены Джезказганский и Балхашский меднорудные комбинаты, а вблизи последнего открыто и быстро вовлечено в освоение крупное Восточно-Коунрадское медно-молибденовое месторождение. Мededобывающая промышленность страны полностью обеспечивала нужды оборонных отраслей. Основная часть добычи свинцово-цинковых руд производилась на месторождениях Рудного Алтая и Каратау (Южный Казахстан), запасы которых в военные годы были существенно увеличены.

Резко возросшая потребность в вольфраме удовлетворялась за счет месторождений Джидинского, Белуха и Антонова гора в Забайкалье, Мульчихинского на Алтае, Лянгарского и Койташского в Узбекистане, Чорух-Дайронского в Таджикистане. С началом войны к ним присоединился Ингичкинский вольфрамовый рудник (Западный Узбекистан), построенный в рекордно короткий срок на базе залежи, открытой в день начала войны — 22 июня 1941 г. Молибденовые концентраты поставлялись, кроме Балхашского комбината, рудниками Умальтинским на Дальнем Востоке, Первомайским (на Джидинском месторождении) и Чикойским в Забайкалье. В 1943 г., после освобождения от немецких захватчиков Северного Кавказа, возобновилась добыча вольфрамовых и молибденовых руд на Тырныаузском месторождении. Добыча вольфрамовых руд была организована также на открытом в военные годы Караобинском месторождении в Казахстане и других.

Захват оккупантами Никитовских ртутных рудников на Украине поставил в тяжелое положение производство ряда боеприпасов. В связи с этим в сжатые сроки были доразведаны крупные запасы ртути на месторождениях Южной Киргизии, что позволило быстро ввести в действие Хайдарканский ртутный комбинат, ставший флагманом ртутной подотрасли. Кроме того, была осуществлена опытная отработка ряда более мелких месторождений: Чаувайского, Адыракоуского, Бирксуйского в Средней Азии, Акташского в Горном Алтае и других. Военные заводы были полностью обеспечены этим важным стратегическим металлом. Значительно расширил выпуск стратегической продукции и Кадамджайский сурьмяный комбинат (Южная Киргизия), первая очередь которого была введена в строй в 1934 г. Отпала необходимость в импорте и этого металла. Среди месторождений олова, выявленных в годы Великой Отечественной войны, важное значение имели Хрустальнинское в Приморье и Хинганское в Хабаровском крае, однако основную массу концентратов этого важнейшего металла оборонного значения (подшипниковые сплавы, консервные банки и прочее) поставляли в годы войны рудники Якутии и Чукотки. Добыча олова на них возросла с 1,9 тыс. тонн в 1940 г. до 4,2 тыс. тонн в 1945 г. А всего для нужд обороны предприятия северо-востока СССР поставили 17,6 тыс. тонн этого металла[84].

Нередко критические ситуации возникали вследствие неожиданного дефицита в отдельных районах самых распространенных видов сырья. Так, на отдельных заводах под угрозой срыва оказался выпуск важнейших видов военной продукции из-за отсутствия обыкновенного песка для опок, используемых при отливке отдельных деталей. Потребовалось личное вмешательство И. В. Сталина, чтобы организовать срочный поиск этого сырья. Его источники геологами тут же были найдены, и выпуск военной продукции не остановился.

С началом войны практически полностью прекратились поставки топлива из центра на северо-восток. Геологи приступили к форсированной разведке месторождений полезных ископаемых, и в первую очередь месторождений угля, как основы энергетики и жизнедеятельности населенных пунктов. В эти годы были разведаны такие крупные в масштабах края месторождения, как Аркагалинское, Эльгенское, Хасынское. За годы войны разведанные запасы каменного угля на Колыме увеличились в 5 раз. Добыча его возросла в 4 раза, достигнув в 1945 г. 582 тыс. тонн. Это обстоятельство во многом способствовало росту добычи золота и олова — тех стратегически важных металлов, ради которых и существовал Дальстрой.

В 1942 г. геологом Е. П. Машко было открыто крупное золоторудное месторождение — Омчакское. Уже через два года здесь начал работать рудник. В Омчакской долине в 1941 г.

начали добычу россыпного золота вновь организованные прииски имени К. Е. Ворошилова, имени С. М. Будённого и имени С. К. Тимошенко. А через год там был организован еще один «военный» прииск имени Н. Ф. Гастелло. В 1944 г. на вновь открытых месторождениях было создано Индигирское горнопромышленное управление, в составе которого насчитывалось семь приисков, в том числе прииски «Победа», «Панфиловский», «Маршальский», имени А. И. Покрышкина.

Перед геологами и горняками Чукотки была поставлена задача: в кратчайшие сроки начать добычу олова. В условиях Заполярья коллектив Чаун-Чукотского районного геологоразведочного управления сделал почти невозможное: в течение одного года объемы геологоразведочных работ были увеличены в несколько раз, и месторождение Валькумей было подготовлено к эксплуатации. На базе районного геологоразведочного управления был создан Чаун-Чукотский горнопромышленный комбинат, а Пыркакайский разведрайон преобразован в прииск.

В мае 1944 г. на Колыму приезжал вице-президент США Г. Уоллес. Пунктом посещения был избран прииск имени К. Е. Ворошилова. Вот как описывает геолог В. В. Арбузов, работавший в Тенькинском горнопромышленном управлении, этот визит: «Американская делегация прибыла на прииск имени Ворошилова в сопровождении руководителей Дальстроя и особо уполномоченного генерала из Москвы, но одетого в форму старшего лейтенанта. Когда группа подошла к промывочному прибору, была дана команда о прекращении подачи золотосодержащих песков. Через короткий промежуток времени пошла чистая вода, и на шлюзе стал виден золотой песок. Глаза вице-президента и гостей заблестели от восхищения, но было выражено сомнение о столь богатом золоте на других участках прииска. По желанию гостей был выбран другой промывочный прибор. Картина повторилась. Выражая восхищение, вице-президент пожал руку начальнику прииска»[85].

Основной рабочей силой в Дальстрое в годы войны были заключенные, от которых непосредственно зависело выполнение планов добычи золота и олова. Поэтому начальник Дальстроя И. Ф. Никишов ввел для них поощрения в виде дополнительного питания, денег и, самое главное, ходатайства о досрочном освобождении из лагеря или уменьшении срока. Многие горные инженеры и техники были переведены с общих работ на производство по своей специальности, возглавляли горные участки, шахты, прииски. Так, уже в послевоенные годы уехали на пенсию орденоносцами ранее репрессированные, ставшие уже известными на северо-востоке организаторами производства М. Е. Выгон, В. В. Позывной, П. И. Комаров.

Президиум Верховного Совета СССР наградил Дальстрой за большой вклад в победу в Великой Отечественной войне орденом Трудового Красного Знамени. За доблестный труд в годы войны орденами и медалями были награждены 39 854 работника Дальстроя. Руководителю геологической службы Дальстроя В. А. Цареградскому было присвоено звание Героя Социалистического Труда. И. Н. Зубареву и другим отличившимся геологам была присуждена Сталинская премия.

Необходимо подчеркнуть, что именно северо-восток обеспечил значительную часть валютного металла для оплаты поставок военного снаряжения, поступавшего из-за рубежа. Немалый вклад в дело победы внесли разведчики недр и горняки Колымы, где в военные годы добывалось значительное количество золота и олова. Только на Колыме с 1941 по 1945 г. было добыто в общей сложности 345,6 тонн золота, в основном россыпного. На долю рудного золота в эти годы пришлось лишь 3,2 тонны. Первое рудное золото выдал в 1944 г. рудник имени А. М. Матросова, а в 1945 г. — рудник Игуменовский. С такой же интенсивностью трудились и работники цветной металлургии других регионов СССР. Открытие и ввод в эксплуатацию новых месторождений обеспечили рост производства цветных металлов. В частности, уже в 1943 г. производство никеля превысило довоенный уровень в 1,3 раза, вольфрамовых концентратов — в 1,8 раза, олова — в 1,7 раза.

Особое положение в военной экономике страны занимала топливно-энергетическая база. В 1942 г. добыча всех видов топлива сократилась по сравнению с 1941 г. более чем в два

раза. В конце первого года войны начался демонтаж оборудования на нефтепромыслах Майкопа и Грозного. В два раза сократилась добыча нефти в районе Баку, где также была демонтирована и направлена в восточные районы часть оборудования. Государственный Комитет Обороны принял меры к развертыванию геологоразведочных работ в Казахстане и Средней Азии и особенно в Волго-Уральском районе. В 1943 г. доля Куйбышевской области в общесоюзной добыче нефти возросла по сравнению с 1941 г. более чем в три раза, республик Средней Азии — почти в два раза. Н. К. Байбаков вспоминает: «В 1941 г. план добычи нефти был выполнен досрочно на 102%. Страна получила 23 481,8 тыс. т нефти. Бакинские нефтяники в 1942 г. дали стране 15 709,5 тыс. т нефти. Это было поистине героическим подвигом. В 1943 г. было добыто в Баку 12,7 млн т нефти, в то время как общая добыча нефти в стране составляла 17,9 млн т. В целом в 1941–1945 гг. бакинские нефтяники дали стране 75 млн т нефти»[86].

Большое значение имел ввод в эксплуатацию Елшанского газового месторождения близ Саратова. Это позволило перевести электростанции и промышленные предприятия Поволжья на газовое топливо, а в дальнейшем построить газопровод Саратов — Москва. «Волго-Уральский район получил мощный импульс для своего развития в годы Великой Отечественной войны»[87]. Накануне войны доля Волго-Уральского района в общесоюзной добыче нефти составляла всего около 6%. Перед войной там развивалась и нефтепереработка: в Саратове, Уфе и Ишимбае были введены в строй крекинг-установки и заводы по первичной переработке нефти. Строились (но не были сданы) нефтеперерабатывающие мощности в Сызрани. Начавшаяся война резко повысила значение этой удаленной от фронтов территории. Производственные мощности в Волго-Уральском районе наращивались и за счет эвакуации предприятий с запада. Так, вскоре после начала войны в Сызрань были переведены Одесский и Херсонский крекинг-заводы, а в Краснокамск-Осипенковский — Брянский. В Стерлитамак перебазировались Азербайджанский трест нефтеразведки и Бакинский завод нефтяного оборудования имени Ф. Э. Дзержинского. В Уфе, на площадке НПЗ, было установлено оборудование нефтеперерабатывающих заводов Краснодара и Грозного. В Ишимбае и Туймазах разместились каолиновый завод и контора бурения Грознефтекомбината, механические мастерские и буровые станки Майкопнефтекомбината, строительно-монтажная контора Майкопнефтегазстроя и другие предприятия.

В 1939 г. в Баку была организована экспериментальная контора турбинного бурения (ЭКТБ) Наркомнефти, задачей которой было создание многоступенчатого турбобура и внедрение его в практику. Во главе этой организации стояли такие инженеры и ученые, как П. П. Шумилов, Э. И. Тагиев, Р. А. Иоаннесян, М. Т. Гусман. В состав ЭКТБ входили конструкторское бюро, экспериментальный машиностроительный завод, опытные буровые на нефтепромыслах. К 1941 г. были созданы работоспособные конструкции турбобуров, пробурены десятки глубоких скважин, получены интересные теоретические результаты. В сентябре 1941 г. ЭКТБ эвакуировали в Краснокамск Молотовской (ныне Пермская) области, где после слияния с местной конторой бурения образовали контору турбинного бурения (КТБ). Это была уже не экспериментальная, а производственная организация. К лету 1942 г. КТБ стала работать на полную мощность. Переход с роторного на турбинное бурение позволил приблизительно вдвое повысить его скорость. До войны в Баку была пробурена первая наклонная скважина. В ночь на 1 января 1943 г. началось бурение и первой такой скважины под Краснокамском. Оно прошло удачно, и уже к 1943 г. этот метод стал широко применяться.

Осенью 1942 г. прошла «вторая волна» эвакуации как с Северного Кавказа, так и из Азербайджана. Волго-Уральский регион получил и новые кадры, и новые производственные мощности. Его значение неизмеримо возросло, что нашло свое отражение в изменении распределения капиталовложений. Если в годы довоенных пятилеток доля Волго-Урала в инвестициях в нефтяную промышленность составляла 5–10%, то в 1942 г. она равнялась 41,6%, в 1943 г. — 55,8%.

20 января 1943 г. было принято постановление Государственного Комитета Обороны «О мерах по обеспечению роста добычи нефти на нефтепромыслах Куйбышевнефтеком-

бината». В нем намечалось ее увеличение с 662 тыс. тонн в 1942 г. до 1 млн тонн в 1943 г. ГКО обязывал пробурить за год 282 скважины, в том числе за первые восемь месяцев 1943 г. следовало сдать в эксплуатацию 139 из них. Фактически было введено вдвое меньше — 70, но все равно для того времени это довольно много.

В Волго-Уральском районе, несмотря на отсутствие сколько-нибудь заметных положительных результатов, и в 1943 г. продолжалась масштабная нефтеразведка. Удельный вес разведочного бурения оставался значительно более высоким, чем до войны. Руководство отрасли и страны не поддалось искушению бросить все станки на эксплуатационное бурение малопродуктивных скважин. И вот настало время больших открытий. Увенчался успехом поиск нефти в Татарии. 25 июля 1943 г. Шугуровская скважина № 1 обнаружила «черное золото» в среднем карбоне, на глубине 600–650 метров. Это была первая промышленная нефть Татарии. Некоторые геологи предлагали переориентировать все исследования на средний карбон, причем работу вести преимущественно в районе Шугурово. Профессор Г. И. Миронов был против такого подхода, он настаивал на том, что углеводородное сырье надо искать и в более глубоких слоях и на других перспективных территориях. В сентябре 1943 г. под Ишимбаем, в Башкирии, около деревни Кинзебулатово, разведочная скважина дала мощный фонтан нефти с суточным дебитом в 200 тонн. Это было четвертое нефтяное месторождение Башкирии. 8 июня 1944 г. в Куйбышевской области с глубины 1600 метров ударил мощный фонтан девонской нефти с дебитом 485 тонн в сутки. За все время эксплуатации «сорок первая» дала около 300 тыс. тонн сырья. Следующее открытие было вновь сделано в Башкирии. 25 сентября 1944 г. в районе Туймазы с глубины 1680–1686 метров был получен фонтан нефти. Через несколько недель одна скважина давала сырья больше, чем все ранее пробуренные на данной площади. К сентябрю 1945 г., то есть за один год, суточная добыча на Туймазинских нефтепромыслах возросла более чем в 12 раз. В Татарии на карте появилось Бавлинское месторождение (на самом юго-востоке республики), но не в девоне, а в нижнем карбоне. Время девонской нефти Татарии пришло чуть позже.

Всего в Волго-Уральском районе в 1945 г. было получено 2818,2 тыс. тонн нефти — в 1,5 раза больше, чем в 1940 г. В целом же по стране добыча за этот период заметно упала — с 31 121 тыс. до 19 436 тыс. тонн.

В Волго-Уральском районе стали работать нефтеперерабатывающие установки, эвакуированные туда в первые годы войны. В регионе развивалась отраслевая наука, были созданы новые методы переработки и очистки сырья. Как известно, башкирская нефть относится к высокосернистым. Во время войны группа ученых во главе с Н. М. Караваевым, работавшая на Уфимском НПЗ, предложила технологию, снижающую содержание сернистых соединений с 3 до 0,3%, что позволило изготавливать из башкирского сырья высококачественное авиатопливо.

В годы войны США поставляли оборудование для четырех строившихся в СССР нефтеперерабатывающих заводов — в Гурьеве, Орске, Куйбышеве и Красноводске. Первым был пущен в сентябре 1945 г. НПЗ в Куйбышеве. Главное, был дан мощный импульс развитию отрасли, благодаря которому уже через несколько лет регион вышел на первое место в СССР сначала по нефтедобыче, а потом и по нефтепереработке, стал одним из ведущих центров производства нефтяного оборудования.

Кузбасс в годы войны стал основной базой энергетических и коксующихся углей. Добыча угля здесь в 1943 г. достигла почти 25 млн тонн — более четверти общесоюзной, в том числе коксующихся углей — 9,5 млн тонн. В два раза, по сравнению с довоенной, возросла добыча угля в угольных бассейнах Урала — Кизеловском, Корпинском, Копейском. Все более важное значение приобретал Карагандинский бассейн в Казахстане, где в 1943 г. добыча угля составила уже 9,7 млн тонн. В освобожденном в конце 1941 г. Подмосковном бассейне добыча угля в 1943 г. достигла 14,7 млн тонн, в 1,7 раза превысив его выпуск 1942 г. Во второй половине Великой Отечественной войны в общесоюзной добыче угля важную роль снова стал играть освобожденный Донбасс — уже в 1944 г. на его шахтах было добыто 21 млн тонн угля.

Работницы проверяют качество изготовленных снарядов

В цеху по изготовлению снарядов для Красной армии

Женщины и дети работают на восстановлении разрушенной железнодорожной станции

Солдаты помогают в уборке сена

С началом войны угольная промышленность Ростовской области оказалась в сложном положении. Из-за сокращения численности горняков уже в первые дни войны приходилось не только снижать объем добычи угля, но и вообще прекращать ее. В конце сентября 1941 г. Совет по эвакуации принял решение об эвакуации предприятий и шахт Дона. В соответствии с этим решением на восток страны было вывезено основное оборудование, на шахтах произведены обвалы стволов, разрушены водоотливные и воздушные каналы, затоплены выработки. Все делалось для того, чтобы враг не мог быстро восстановить шахты и использовать их в своих целях. Восстановление угольной промышленности Ростовской области началось с первых дней освобождения шахтерских городков от оккупации. Вновь, как и в начале войны, на шахты шли женщины. К концу 1943 г. на шахтах области работали уже 15 тыс. женщин. Трудились они как на восстановлении шахт, так и на эксплуатационных участках. В 1945 г. доля их в общей численности трудящихся на угольных предприятиях достигала 41,5% и превышала довоенную в два раза[88].

Остановимся несколько подробнее на проблеме урана. Первенцем этой принципиально новой отрасли горнорудного производства в нашей стране был небольшой радиево-урановый рудник Тюя-Муйюн в Южной Киргизии. Именно отсюда были получены первые его граммы, использовавшиеся в медицине. В годы первых пятилеток в Средней Азии был выявлен и разведывался еще ряд урановых месторождений.

В предвоенные годы немецкими учеными был открыт процесс самораспада урановых ядер. В Советском Союзе также проводились интенсивные исследования в этом направлении. В целях выявления возможной сырьевой базы урановой отрасли была создана так называемая урановая тройка в составе академиков В. И. Вернадского, А. Е. Ферсмана и В. Г. Хлопина (химик). Ими оперативно была проведена ревизия всех проявлений радиоактивности, выявленных в разных районах страны, а также месторождений урана, разведанных в Средней Азии, главным образом в пределах Ферганской долины. Последние и стали основной базой для организации крупномасштабной добычи урана, производившейся созданным здесь Комбинатом № 6. Первая его продукция пошла на загрузку опытных ядерных реакторов, сконструированных в Москве.

Поисковые работы на уран с началом войны, к сожалению, были прекращены, как «не дающие быстрой отдачи». Возобновлены они были в широких масштабах после издания в 1941 г. постановления ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР о необходимости создания ядерного оружия. Руководителем «уранового проекта» стал И. В. Курчатов. Поисками урана занимались все полевые партии Геолкома, а затем к ним присоединились и геологоразведочные организации отраслевых наркоматов[89]. Кроме целенаправленных поисков урана, велись и так называемые попутные поиски — массовые замеры радиоактивности выходов всех горных пород, всего поднимаемого керна, всех водных источников. И сразу же начали появляться результаты. Выявленные рудопроявления оперативно разведывались и в случае наличия кондиционных руд немедленно передавались в промышленное освоение. В особо крупных масштабах такие работы были развернуты в послевоенные годы. Итог — многие десятки выявленных месторождений, причем зачастую принципиально новых геолого-промышленных типов. Работы на уран были сразу же строго засекречены, запрещалось даже упоминать это сакраментальное слово. Позже секретность распространилась и на другие виды полезных ископаемых, в первую очередь на благородные, редкие и цветные металлы.

Таким образом, и в области эффективного использования минерально-сырьевой базы всех отраслей народного хозяйства Советский Союз опередил фашистскую Германию и ее союзников. В кратчайший срок были выявлены и поставлены на службу грядущей победе важнейшие дополнительные сырьевые источники и топливно-энергетические ресурсы, особенно в восточных районах страны. На базе вновь открытых месторождений закладывались новые шахты и рудники, создавались крупнейшие предприятия тяжелой промышленности и энергетики. Все это позволило нашей стране практически один на один, без существенной помощи союзников обеспечить военную экономику и вооруженные силы необходимыми сырьем, топливом и энергией.

Истоки народного подвига

Вопрос об истоках и закономерностях победы Советского Союза над нацистской Германией и ее союзниками — один из главных и трудных в историографии войны. Ответы на него содержатся в исторической литературе послевоенных десятилетий. Однако эта литература по своей сути и направленности неоднородна. Так, в официальных документах, коллективных трудах, монографиях и диссертациях, брошюрах и статьях на эту тему, увидевших свет преимущественно до 1980-е гг., содержится немало глубоких и верных суждений, не утративших своего значения и в наше время. Вместе с тем при чтении этих работ создается впечатление, что многие мысли, факты, даже фразы — о советском патриотизме, незыблемой дружбе народов, руководящей роли партии, превосходстве социалистической экономики, прочности советского общественного строя — перекочевывали из одних статей, книг, учебников, диссертаций в другие. При этом постепенно ослабевали критический анализ, научная доказательность, аргументация, и как следствие, снижались авторитет таких трудов и их эмоциональное воздействие на читателя.

Во второй половине 1980-х гг. картина стала меняться. Получили распространение взгляды, противоположные привычным. В моду входили односторонне тенденциозный подбор фактов, главным образом о военных неудачах и поражениях, сомнительные подсчеты людских потерь, обращение позитивного в негативное, настойчивые попытки принизить значение победы над фашизмом, умалить ее величие. Стало популярным ставить на одну доску агрессора и его жертву, затушевывая тем самым освободительный, антифашистский характер Великой Отечественной войны. Часто анализ событий войны с усердием, достойным лучшего применения, подменялся критикой пороков советской системы и характера народа, одержавшего Великую Победу. Тем самым игнорировалась необходимость дать верные ответы на ключевые вопросы: почему вражеские войска смогли дойти до Москвы и Волги, почему Советский Союз сумел выстоять и взять верх над сильным, коварным противником.

Конъюнктурное освещение истории Великой Отечественной войны, обусловленное как идеологическим влиянием, так и профессиональной неподготовленностью и нравственной неустойчивостью части исследователей, нанесло ощутимый вред ее объективной разработке. Нас не могут удовлетворить неполные, а подчас и неточные ответы, содержащиеся в трудах первых сорока послевоенных лет, на многие вопросы. Но столь же антинаучна и вредна распространившаяся в конце прошлого и начале нынешнего столетия в средствах массовой информации тенденциозная, дилетантская критика военных усилий СССР. Изменившиеся социально-политические, экономические, геостратегические и другие условия требуют не ортодоксальных взглядов, а рационально взвешенного, беспристрастного подхода к изучению означенной важной темы.

Победу СССР в Великой Отечественной войне обусловила группа взаимосвязанных факторов. Они не одинаковы по своему характеру и значению, поэтому недопустимы переоценка одних, недооценка или игнорирование других. Бесспорно, существенную роль сыграли пространства страны, ее огромные материальные и людские ресурсы, помощь союзников, просчеты противника. Но главная заслуга принадлежит советскому народу. Именно он сплотился перед общей бедой, забыв или отодвинув в тень свои обиды и невзгоды. На борьбу с германским нашествием поднялись все: стар и млад, мужчины и женщины, все нации и народности СССР. М. М. Пришвин 5 июля 1941 г. записал в своем дневнике: «Весь народ поднялся»[90]. Чем же был вызван такой взрыв патриотизма советских людей?

Вопрос этот сегодня чрезвычайно запутан. Прежние, ставшие стереотипами постулаты о том, что народы СССР защищали «советскую социалистическую Родину», «идеалы социализма», в результате распада СССР, изменений в общественном строе России и других бывших советских республик утратили во многом прежнюю убедительность, а новых, достаточно вразумительных ответов пока не дано. Несомненно, что поставленный вопрос требует всестороннего рассмотрения.

Патриотизм — это любовь человека к Родине, его способность в горе и радости быть вместе со своим народом. В годы Великой Отечественной войны и после ее окончания чувство патриотизма достигло своего наивысшего накала. Стремление отстоять независимость страны, родную землю, свой очаг было неукротимым. И это не случайно, ибо патриотизм нашего народа имеет глубокие исторические корни, обладает устойчивой социальной природой и опирается на прочные традиции. Советские люди ощутили огромную опасность, которую нес германский фашизм, развязавший 22 июня 1941 г. неспровоцированную, несправедливую войну.

Фашизм угрожал многим государствам и народам. Но степень нависшей опасности была отнюдь не одинакова. Для таких государств, как Великобритания, Франция, США, поражение во Второй мировой войне означало бы коренное изменение соотношения сил в мире, перекройку геополитической карты, потерю части собственной территории, колоний, зон влияния, источников сырья и рынков сбыта. Иными словами, для крупных западных держав речь шла о национальном и геополитическом поражении. Однако их социально-политическое устройство и демографическое состояние, как свидетельствует опыт оккупированных агрессором стран Европы и Азии, остались бы прежними.

Иное дело Советский Союз. Для его народов поражение в войне могло стать не только национально-государственной, но и социальной катастрофой. Оно привело бы к отторжению значительных территорий и раздроблению СССР, превращению ряда регионов в колонизационное поле с насильственной германизацией одной части населения и переводом другой его части в разряд неполноценных людей. При этом не только в ходе завоевательного похода вермахта, но и в процессе реализации замыслов, рассчитанных на длительный срок, предусматривалось целенаправленное уничтожение населения до желательного для захватчиков уровня. Речь шла о судьбе Советского Союза, о том, быть нашему Отечеству или погибнуть. Вероятно, какие-то территории СССР сохранили бы видимость независимости. Но во всех случаях неизбежным было уничтожение социально-экономических основ и политических порядков, существовавших перед войной. Советские люди поняли это уже в самом начале войны. И тогда стало ясно, что большая, единая Родина — не только сумма «малых территорий». Осознание этого объединило в общей ненависти к врагу и общем порыве людей различного социального происхождения и положения, все нации и народности Советского Союза: русских и казахов, украинцев и грузин, белорусов и узбеков.

Одна из главных причин всенародного подъема, готовности к борьбе до победного конца состояла в том, что граждане СССР в своем большинстве были приверженцами социалистического строя с его принципом социальной справедливости. Они получили право на труд, бесплатное образование и здравоохранение, отдых и доступ к достижениям науки и культуры. Подобной ситуации не было и не могло быть ни в одной стране Запада, подвергшейся нацистской агрессии. Подтверждением тому является пример Франции, которая оказывала сопротивление агрессорам всего 40 дней, поскольку политическое руководство страны и народ не стали единой силой, противостоящей фашистской Германии.

В Советском Союзе, напротив, доминанта общественного настроя, общественного мнения, общественного сознания военных лет представляется несомненной: война против оккупантов справедлива, поэтому необходимо приложить все силы для достижения победы. Аргументация здесь легка и в то же время затруднительна. Сам по себе этот настрой был настолько очевидным, что не требовал каких-либо подтверждений. Отсюда и сложность: убеждать, что сопротивление врагу являлось всенародным, долгое время считалось равносильным тому, что говорить, будто белое есть белое, а черное — черное. Аксиома не нуждается в доводах, однако надо обосновать, что мы имеем дело именно с аксиомой. Но установить ту истину, что большинство народа осознавало необходимость сосредоточения всех сил для разгрома врага, вряд ли можно путем каких бы то ни было социологических опросов. Об этом свидетельствует только поведение людей, в котором и проявляется массовое сознание. Безусловно, в нем преобладал государственный патриотизм, ибо система ценностей советского строя как уникального тогда в мире жизнеустройства разделялась большинством

населения. Однако неправомерно замалчивать тот факт, как это зачастую делалось ранее, что имело место и иное отношение к войне, которое выражалось по-разному. Например, на оккупированной территории антисоветские и пронемецкие настроения нередко выливались в пособничество и сотрудничество с врагом. На всей основной территории страны они не могли, естественно, проявляться открыто, ибо их носители карались бы по законам военного времени. Были и такие среди советских людей, которые открыто не выступали против участия в освободительной войне, но вместе с тем всячески стремились отсидеться в тылу, уклонялись от фронта, а если вопреки своей воле одевали военную форму, то при удобном случае дезертировали. Поражения своей стране и победы А. Гитлера желали разного рода националистические элементы, выходцы из господствовавших в дореволюционное время классов и социальных групп, противники советского строя (их называли «пораженцами», хотя этот термин и не получил распространения). Не стоит забывать, что война началась, когда не прошло еще и четверти века со времени революции и Гражданской войны и страна пережила потрясение от необоснованных репрессий. Необходимо учитывать и то обстоятельство, что накануне гитлеровского нашествия в СССР вошли три Прибалтийские республики, Бессарабия, западные территории Белоруссии и Украины. Определенная часть их населения была настроена против советской власти.

Подобным настроениям в известной мере способствовали раскулачивание и выселение отдельных категорий сельских жителей в северные и восточные районы, связанная с арестами обстановка подозрительности и страха. Эти явления, а также определенные изъяны советского строя породили у части населения своеобразную раздвоенность сознания, о чем писал в конце своей жизни К. М. Симонов: «...тогда одновременно существовало словно не одно, а два соседних и разных времени. Одно явное и понятное, с полетами через полюс, с революционной помощью Испании, с ненавистью к фашизму, с пятилетками, с работой до седьмого пота, с радостной верой, что выше и выше поднимаем страну, с любовью и дружбой, с нормальными людскими отношениями; и тут же рядом, только ступи шаг в сторону, другое время, страшное и с каждым днем все более необъяснимое»[91]. Эту сторону истории государства и народа невозможно замолчать или забыть. Но в военную пору люди сплотились во имя обороны Отечества, защиты ценностей, подавляющему большинству понятных и близких.

Социально-политический строй воспринимался гражданами как законный и естественный. Юридически он закреплялся принятой конституцией и всеобщими выборами в Верховный Совет СССР, в республиканские и местные советы. Люди были уверены в прочности государства и убеждены в правильности поставленных партией и правительством ближайших и перспективных целей. Преобладающая часть населения считала политическое устройство страны и условия жизни, несмотря на многие очевидные недостатки, справедливыми, одобряла принципы и тенденции социального развития. В этом убеждало вошедшее в быт бесплатное образование и медицинское обслуживание, практически бесплатное жилье и прочее. Очевиден был и рост международного авторитета СССР[92].

Невысокий по сравнению с западными странами уровень жизни объяснялся без особого труда: народ совершил в отсталой стране революцию, ликвидировал эксплуататоров, отразил натиск интервентов, преобразовал страну, создал современную индустрию. Нарастающая угроза войны обусловила проведение широкомасштабных мер по укреплению обороноспособности государства. Все это требовало неимоверных усилий и затрат, направленных в конечном счете на достижение светлой цели — построение социализма, создание общества социальной справедливости.

Гражданам импонировало, что во всех звеньях государственного, партийного, хозяйственного, военного аппарата преобладали представители трудовых слоев, которые получили реальную возможность «выйти в люди»: стать профессорами и доцентами, артистами и писателями, офицерами и генералами, инженерами и руководителями предприятий, советскими и партийными деятелями. Положительно воспринималось и отсутствие явной безработицы, всемерно демонстрировавшееся уважение к людям труда, их производственным достиже-

ниям, не говоря уже о почете, которым окружали ударников и стахановцев. Таким образом, поддержка народом советского строя имела достаточно определенную идеологическую и социально-экономическую базу.

На протяжении почти двух десятилетий основой воспитания советских людей были идеи марксизма-ленинизма. Лейтмотивом в системе образования, работе общественных организаций, средств массовой информации была неизбежность победы социализма во всем мире, подчеркивалось, что СССР является оплотом трудящихся всех стран в их борьбе против эксплуататоров. Это глубоко проникло в сознание масс, и готовность выступить в защиту угнетенных народов была достаточно велика. Идеи освобождения, установления равенства и братства людей труда упали на благодатную почву: вера в историческую миссию России, призванной приносить благо другим народам, была традиционно сильной. Со второй половины 1930-х гг. главным в идеологической работе стала пропаганда понятия Родины как Отечества, объединяющего граждан страны. Ядром Родины была Русь, сплотившая, что потом, в годы войны отразилось в гимне, все народы в нерушимый союз. Всемерно культивировалась мысль об их исконной дружбе, необходимости совместной борьбы против иноземных захватчиков. Обращение к этим идеям, историческому опыту защиты Отечества не было случайным. Готовность советского народа отстоять свое прошлое и будущее была неразрывно связана с тысячелетней историей России, евразийскими особенностями ее культуры, формировавшейся в условиях постоянной борьбы с врагами на западе, востоке и юге.

Таким образом, в основе любви к Родине советских людей лежало не высокомерие и презрение к другим народам, а стремление к дружбе, равноправию, уважительности, желание помочь им встать на путь национального раскрепощения. Об этом говорилось в одном популярном стихотворении, написанном в 1939 г.:

Мы шагнули от наших границ
Не для того, чтоб нас боялись,
Не для того, чтоб падали ниц,
А во весь рост выпрямлялись.

Возможность и эффективность сочетания национальных и интернациональных интересов убедительно показали испанские события 1936–1939 гг. СССР помогал республиканской Испании бороться против итало-германской агрессии, укрепляя тем самым собственную безопасность. Но одновременно эта поддержка порождала надежды на социалистические преобразования на Пиренеях. И события в районе Халхин-Гола, и воссоединение Западной Украины, Западной Белоруссии, Бессарабии с советскими республиками, и вхождение Литвы, Латвии и Эстонии в состав СССР воспринимались как решение двуединой задачи: укрепление СССР и освобождение трудящихся от капиталистического гнета.

Во время войны идея защиты Советского Союза приобрела большое значение. Она ассоциировалась и с освобождением оккупированных территорий СССР, а также народов Европы от фашистского ига, и с решающей ролью Советского Союза в спасении человечества. Победа СССР, рост его авторитета на мировой арене подчеркивали величие и мощь Советского государства. Этому способствовало и то обстоятельство, что к концу войны антифашистское движение в странах Центральной и Юго-Восточной Европы стало приобретать народно-демократический, социалистический характер.

Чаще всего встречающееся суждение о том, что советский народ защищал свое Отечество, Россию от чужеземного вторжения, правильно, но неполно. Это стремление свойственно всем народам. Но в СССР исторически сложилось так, что патриотизм отдельных народов стал неотделим от признания русских «старшим братом» и «чувства семьи единой». Каждый народ, спасая себя от порабощения, вместе с другими народами защищал единую Родину — Советский Союз, в составе которого узбеки и казахи, татары и чуваши, многие другие народы обрели свою государственность, создали свою промышленность, получили возможность для развития своего языка, национальной культуры, подготовки национальных кадров и прочее.

В далеком тылу остались только женщины

Женщины, дети и старики роют окопы и противотанковые рвы

Во всех союзных республиках, подвергшихся оккупации, шла активная борьба против захватчиков. Регионы, расположенные в глубоком тылу, приняли эвакуированные предприятия. В составе «трудовой армии» находились граждане Средней Азии и Казахстана, которые были призваны через военкоматы, но по разным причинам не направлены на фронт. Они работали на стройках и промышленных предприятиях Урала и Сибири. В самую тяжелую пору войны были созданы национальные воинские формирования. Первое из них — 201-я латышская стрелковая дивизия, которая вступила в бой под Москвой в декабре 1941 г. 13 ноября ГКО принял решение о создании национальных воинских частей и соединений в республиках Средней Азии, Казахстане, Башкирии, Кабардино-Балкарии, Калмыкии, Чечено-Ингушетии[93]. И бойцы национальных формирований, и воины разных национальностей, сражавшиеся в частях Красной армии, внесли свой вклад в разгром врага.

В конце войны депортации калмыков, крымских татар, чеченцев, ингушей, балкарцев, карачаевцев и некоторых других народов ослабили доверие к национальной политике руководства страны. Однако нельзя забывать, что депортации осуществлялись под флагом возмездия за пособничество оккупантам. На волне тогдашней всеобщей ненависти к фашистским захватчикам в определенной мере удалось самортизировать негативное воздействие этих противоправных и аморальных действий. Отметим, что подобного рода меры были обусловлены спецификой военного времени: они широко применялись и в других государствах, в частности США и Великобритании, где, как известно, не было ни И. В. Сталина, ни Л. П. Берии.

О характере и направлении формирования общественного сознания в СССР в годы войны, развитии идей и чувств патриотизма можно судить по докладам, сделанным И. В. Сталиным в это суровое время. Являясь своего рода идеологическими ориентирами, они в то же время в концентрированном виде отражали настроения большинства народа. 3 июля 1941 г. в своей первой после начала войны речи, произнесенной перед народом страны, он подчеркивал мысль об угрозе нашему социально-политическому строю: враг «ставит своей целью восстановление власти помещиков, восстановление царизма, разрушение национальной культуры и национальной государственности... свободных народов Советского Союза»[94]. 6 ноября 1941 г. он говорил о силе и прочности советского строя, о «нашем социалистическом государстве»[95]. И. В. Сталин охарактеризовал царский режим как реакционный, при котором попирались права рабочих, интеллигенции, а также нерусских народов, устраивались «средневековые еврейские погромы»[96]. Национал-социалистическая партия Германии была названа партией «империалистов», притом наиболее хищных. Аналогично были названы нацисты в докладе 1 мая 1942 г.[97] И в дальнейшем оценка сущности гитлеризма давалась в таком же духе. Положения о советском строе, его достижениях постоянно проходили через сталинские материалы в течение всей войны[98]. Пожалуй, к концу ее им даже стало уделяться больше внимания. В ноябре 1944 г. И. В. Сталин отмечал: «Социалистический строй, порожденный Октябрьской революцией, дал нашему народу и нашей армии великую и непреоборимую силу».

В социально-политическом контексте следует рассматривать и многочисленные высказывания И. В. Сталина о дружбе народов, рожденной социалистическим строем. «В советском патриотизме, — указывал он, — гармонически сочетаются национальные традиции народов и общие жизненные интересы всех трудящихся Советского Союза»[100]. В его выступлениях неизменно упоминалось имя Ленина, подчеркивалась роль коммунистической партии в сплочении всех наций и народностей, населяющих огромную территорию СССР[101].

В самый критический момент войны, осенью 1941 г., появился тезис об особой роли русского народа. 6 и 7 ноября в выступлении на торжественном собрании и в речи на параде И. В. Сталин говорил о великой русской нации, «нации Плеханова и Ленина, Белинского и Чернышевского, Пушкина и Толстого, Глинки и Чайковского, Горького и Чехова, Сеченова и Павлова, Репина и Сурикова». Напомнив о «мужественном образе наших великих предков», он назвал имена и выдающихся русских полководцев — А. В. Суворова и М. И. Кутузова[102]. Ведущей, особой роли русского народа придавалось в ходе войны все большее значение.

Она неизменно подчеркивалась в многоплановой пропаганде. Особенно отчетливо об этом было сказано в выступлении И. В. Сталина на приеме в честь командующих войсками 24 мая 1945 г. Понятие «старший брат» в годы войны воспринималось как само собой разумеющееся. Решающий вклад русского народа в достижение победы был налицо. К тому же первым заговорил о «старшем брате» не русский, а грузин.

В ходе войны все большее отражение в официальных материалах получала идея освобождения народов от нацизма. Высказанная вначале как одна из главных целей Отечественной войны, эта идея по мере приближения войск Красной армии к границам СССР и вступления их в пределы восточноевропейских стран наполнялась конкретным содержанием.

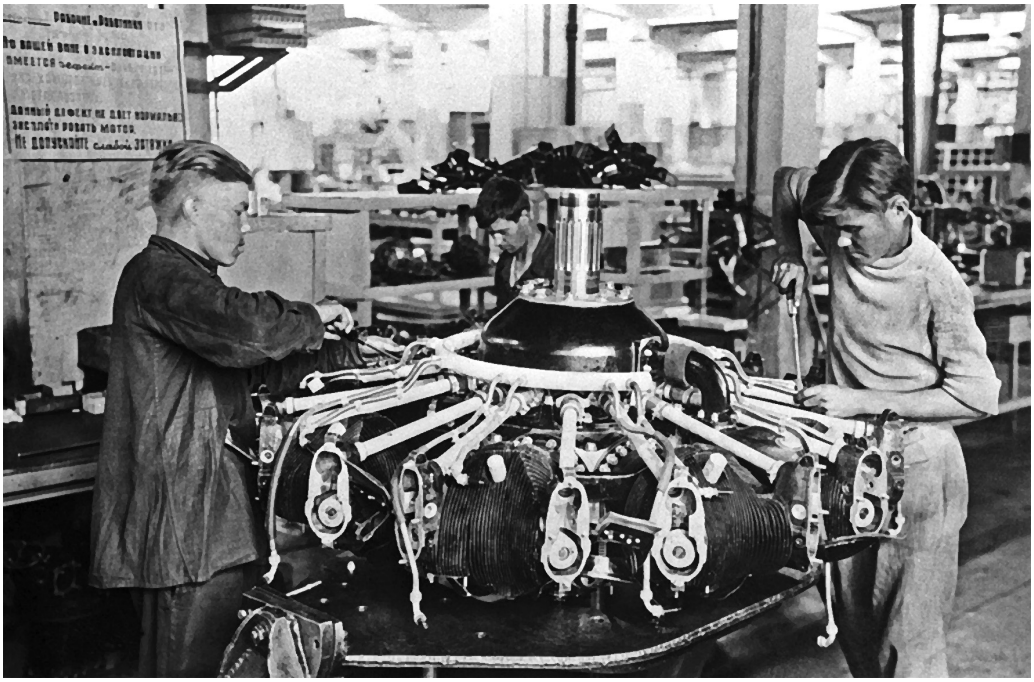
Отметим также, что пропаганда уделяла постоянное внимание единению славянских народов. Это было особенно важно потому, что большинство славянских стран оказалось под пятой нацистов. Исключение составляли Болгария и Словакия, но в Словакии в 1944 г. вспыхнули широкие антифашистские восстания, а в Болгарии значительное партизанское движение в сентябре 1944 г. облегчило бескровное вступление Красной армии на ее территорию.

Патриотическому настрою среди верующих способствовали положительные изменения во взаимоотношениях государства и Церкви, поддержка Русской православной церковью и духовенством других конфессий справедливых целей войны, что к тому же придавало ей «респектабельность» за рубежом[103]. Служители мусульманской, иудейской конфессий вместе с православными поддерживали дух верующих, внушали уверенность в победе, собирали пожертвования в помощь фронту.

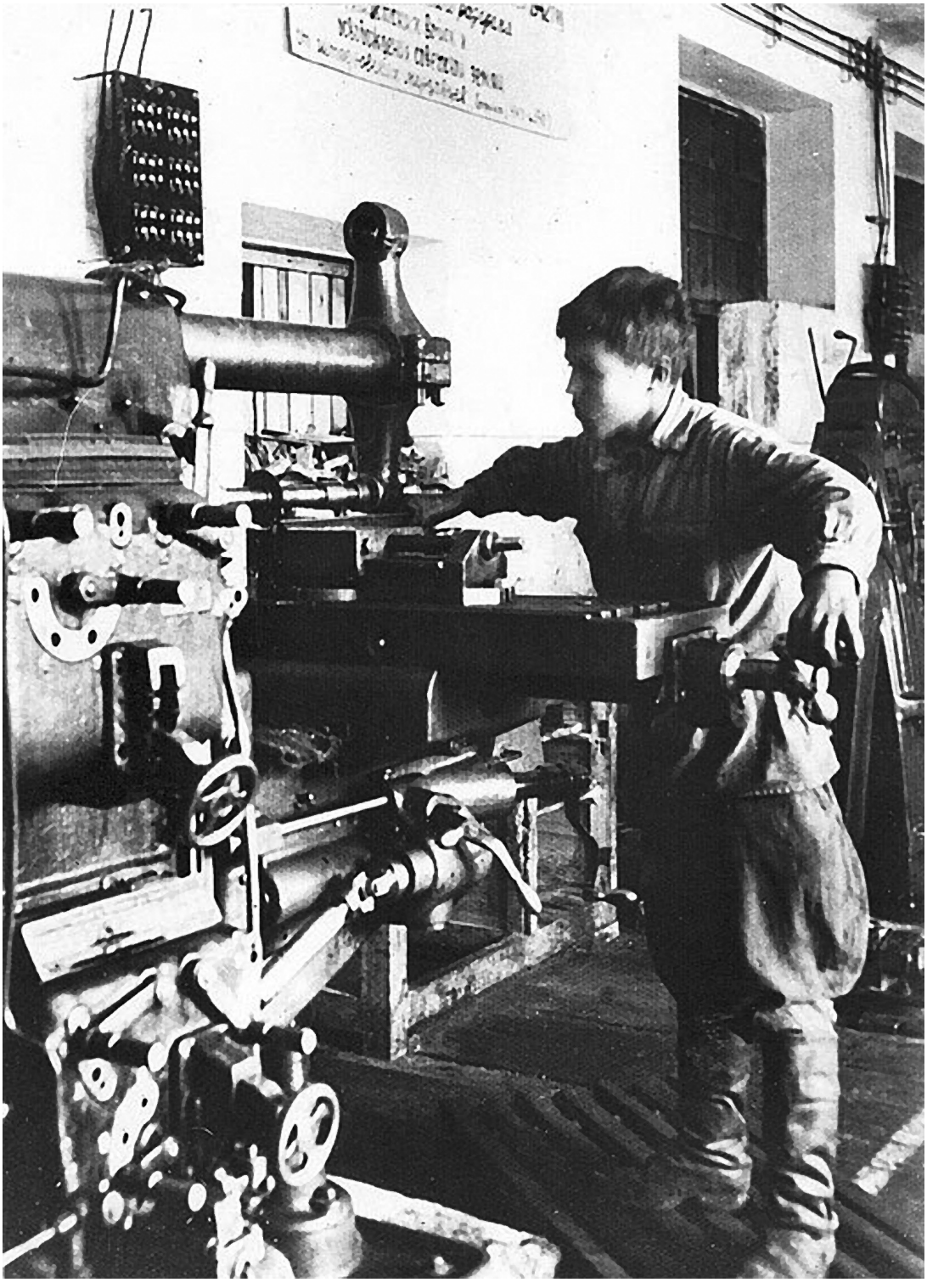
Таким образом, все народы СССР, практически все слои населения страны воспринимали войну против Третьего рейха как справедливую, священную, Отечественную. Их сплочение было обусловлено отчетливым пониманием смертельной опасности, нависшей над страной, над каждым ее гражданином. То, что в тылу было немало обывателей, и в грозное время заинтересованных лишь в собственных выгодах, а также коллаборационистов на оккупированных территориях, не меняло всенародного характера войны против нацистской Германии. И это сплочение обеспечило победу СССР. «Никогда еще 180 млн жителей, — писал французский военный историк Р. Гудима, — населяющих 22 млн кв. км советской территории, не были столь тесно связаны общей судьбой. Никогда еще представители различных профессий не были так крепко спаяны, как в эту войну. Рабочий на заводе, крестьянин в поле, выдающийся писатель и художник, артист армейского театра, священник, стоящий во главе партизан, все, мужчины и женщины, как в тылу, так и на фронте и даже за линией фронта, — все работали для победы»[104]. Трудно не согласиться с мнением зарубежного историка.

Главным в настроении советского общества в годы войны было желание отдать все силы для разгрома оккупантов. Не вызывало сомнения, что фашизм — это расизм, который несет народам СССР порабощение. Стремясь к мировому господству, он угрожает уничтожением самой цивилизации. В газетах, по радио приводилась масса фактов зверства нацистов. Идеологическая работа партии была направлена на воспитание у воинов и трудящихся ненависти к фашизму и его носителям. Борис Горбатов написал статью в форме письма к товарищу. Под названием «О жизни и смерти» она была опубликована в «Правде» 17 ноября 1941 г. В ней есть такие примечательные слова: «Нет в моем сердце сейчас ни страха, ни смятения, ни жалости к врагу — только ненависть». В укреплении чувства ненависти к нацистам в годы войны существенную роль сыграл ряд обстоятельств. Бесспорно, главное из них то, что войну против СССР начала Германия, войска которой вероломно вторглись на его территорию. Этот факт народ никогда не ставил под сомнение. Враг напал, враг уничтожает все живое и неживое, рвется все дальше и дальше, страну надо защищать, спасать. Вспомним 1812 год. Тогда по мере отступления русских «дух озлобленности против врага», как писал Л. Н. Толстой, все более и более охватывал людей[105]. Так и по мере отступления Красной армии чувство ненависти к интервентам непрестанно усиливалось. Чем дальше продвигались войска вермахта, тем глубже осознавалась смертельная угроза для страны и сильнее становилось сопротивление врагу.

Комсомольцы отвечали на заказы фронта все возрастающим трудовым подъемом



Сутками не выходя из цеха, трудились молодые патриоты

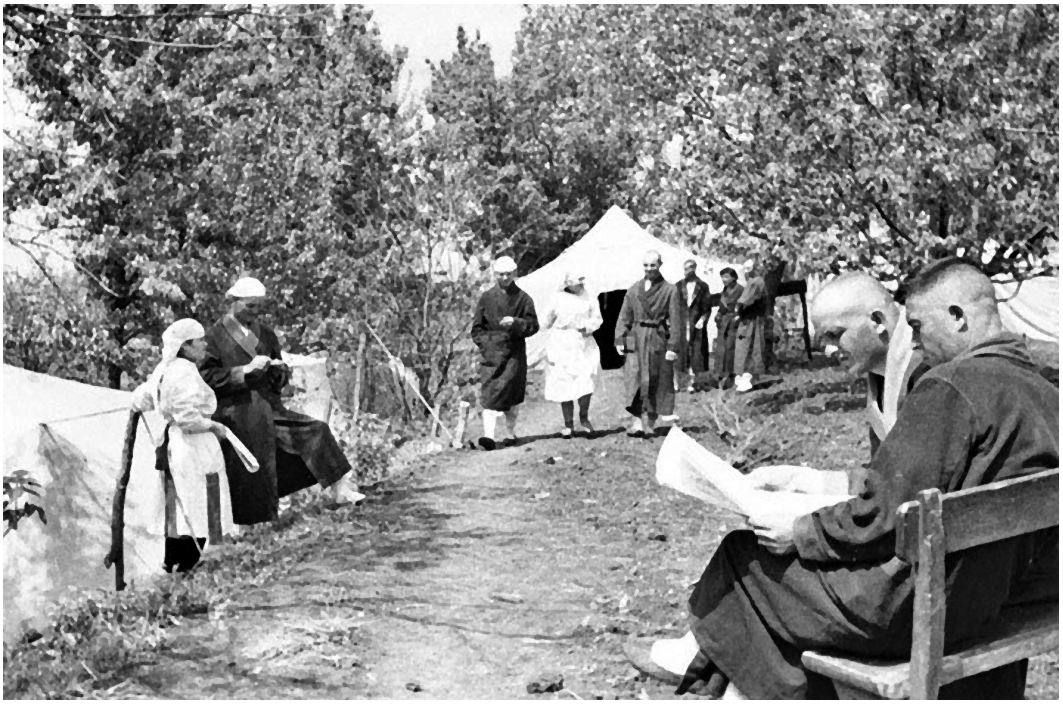


Пока отцы воюют, дети заняли их место у станков

Врачи проводят операцию рядом с линией фронта

Мирные жители роют противотанковые рвы

Возрождающаяся жизнь



Полевой госпиталь

Сбор грибов для нужд фронта

Женщины и девушки ухаживают за ранеными в госпиталях

До войны с СССР Германию знали как страну, давшую миру И. Гёте, Ф. Шиллера, Г. Гейне, К. Маркса, Ф. Энгельса, Р. Вагнера, А. Эйнштейна, К. Либкнехта, К. Цеткин, Э. Тельмана, других выдающихся поэтов, композиторов, ученых, революционеров. Но советские люди плохо знали ту Германию, в которой была установлена нацистская диктатура. В предвоенное время мало издавалось антифашистской литературы и снималось соответствующих фильмов. Антигитлеровская пропаганда не носила достаточно эффективного характера, а после подписания Пакта о ненападении в августе 1939 г. она практически прекратилась.

Сильное воздействие на психологию, умонастроение людей оказала практика осуществления грабительских планов германских правителей. Уже вскоре после начала войны население воочию убедилось в жестокости и беспощадности оккупантов. Основным средством насаждения «нового порядка» они избрали массовый, ничем не ограниченный террор. Какое-либо разбирательство их преступлений, тем более судебное, отсутствовало. Военный комендант, чиновник, эсэсовец или гестаповец, офицер или солдат был и «законодателем», и «судьей». Вся захваченная территория была покрыта сетью концлагерей, тюрем и гетто. Граждане СССР, оказавшиеся в фашистской неволе, использовались на самых тяжелых работах, а содержались, как рабочий скот. Советские воины видели сожженные деревни Полесья, Полтавщины, Смоленщины, Брянщины, Подмосковья, места расстрелов мирных жителей, виселицы с повешенными партизанами, оскверненную Ясную Поляну и прочее. Непосредственность восприятия усиливала эмоциональный настрой.

Безусловно, гитлеровцы обращались с местным населением России, Белоруссии, Украины, Молдавии куда более жестоко, чем, например, с чехами или французами. Но и там безжалостность врага породила неутихающий гнев. Лидице в Чехии, где в 1942 г. были расстреляны все мужчины поселка, Орадур-Сюр-Глан во Франции, где в июле 1944 г. эсэсовцы уничтожили 642 мирных жителя, стали символами жестокости. Англичане не подверглись оккупации, но и они пострадали от воздушных налетов, а к концу войны — от ударов ракет ФАУ-1 и ФАУ-2. В СССР были сожжены тысячи деревень, уничтожены миллионы мирных граждан, подверглись бомбардировке сотни больших и малых городов. С советскими пленными немцы обращались куда безжалостнее, чем с гражданами других государств. Волна ненависти к врагу нарастала с каждым днем. Это чувство усиливала целенаправленная агитационно-пропагандистская работа партийных комитетов и организаций, органов советской власти, комсомола, профсоюзов.

Лозунг «Смерть немецким оккупантам!» как повседневный газетный девиз пришел на смену лозунгу «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Во многих центральных газетах были введены рубрики: «Проклятие и смерть немецким палачам», «Ненависть к врагу», «Не забудем, не простим», «Мы отомстим»[106]. В «Правде», «Известиях», «Красной звезде», в местных и фронтовых газетах помещались подборки писем жертв и очевидцев из оккупированных районов. В печати появилось много сообщений о варварских разрушениях городов, поселков, деревень. Известный украинский писатель П. Тычина писал на страницах «Правды»: «Никогда не утихнет во мне чувство ненависти к фашистским захватчикам, сжегшим мое село Пески»[107].

В разоблачении агрессоров существенную роль сыграла Чрезвычайная государственная комиссия по расследованию фашистских преступлений на территории СССР, созданная в 1942 г. в соответствии с указом Президиума Верховного Совета СССР. В ее состав вошли видные общественные деятели, ученые, писатели. Комиссию возглавлял председатель ВЦСПС Н. М. Шверник. Для содействия Чрезвычайной комиссии создавались соответствующие комиссии на местах. Для определения ущерба, причиненного оккупантами, были привлечены 7 млн человек: рабочие, колхозники, служащие. Акты о злодеяниях составлялись также в воинских частях и партизанских отрядах. Было подготовлено около 4 млн подобных документов[108]. Чрезвычайная государственная комиссия опубликовала сотни сообщений о бесчинствах гитлеровцев в различных районах страны. Материалы были широко обнародованы благодаря работникам музеев, организации передвижных выставок, проведению лекций и бесед.

На настроение воинов и всех советских людей большое влияние оказывала наглядная агитация. Многие художники участвовали в оформлении «Окон ТАСС», рисовали антифашистские плакаты, иллюстрировали лозунги. Один из самых известных плакатов военного времени, созданный художником В. Б. Корецким, изображал женщину с ребенком, к которым тянется окровавленный штык со свастикой. Слова плаката буквально обжигали: «Воин Красной армии, спаси!».

В результате небывалой масштабной пропагандистской работы возрастала ненависть уже не столько ко всему фашистскому, сколько к немецкому как таковому. Слова И. В. Сталина в февральском приказе 1942 г. о том, что «гитлеры приходят и уходят, а народ германский, а государство германское остается»[109], не изменили направленности идеологической работы. Германия стала изображаться как исконный враг России, всегда стремившийся поработить русских. Доказывалось также вековое превосходство русских над немцами: «русские прусских всегда бивали», «что русскому здорово, то немцу смерть». Широчайшее распространение на фронте и в тылу получила презрительная кличка «фрицы». Эта концентрация негатива в отношении беспощадного врага была неизбежной, ибо требовалось, чтобы каждый всем своим существом осознал: борьба идет не на жизнь, а на смерть.

Практически в течение всей войны тема ненависти к врагу, обобщенно обозначенному в народном сознании как «немецко-фашистские оккупанты», призыв к мести за совершенные захватчиками злодеяния были, несомненно, доминирующими. Поэты и прозаики в своих произведениях призывали убивать врага. К. М. Симонов писал в 1942 г.:

Так убей же хоть одного!
Так убей же его поскорей!
Сколько раз увидишь его,
Столько раз его и убей![110]

Ему в 1943 г. как бы вторил М. А. Светлов:

Я стреляю — и нет справедливости
Справедливее пули моей![111]

Мысль о том, что стрелять во вломившегося в твой дом врага — это высшая справедливость, стала главной. Об этом писали Л. М. Леонов в «Нашествии», М. А. Шолохов в «Науке ненависти», В. С. Гроссман в очерке «Народ бессмертен», И. Г. Эренбург в своих многочисленных публицистических работах.

По мере освобождения советских территорий «горючего материала» все прибавлялось. А когда войска Красной армии перенесли боевые действия за пределы СССР, на польской и других землях были обнаружены чудовищные свидетельства зверств нацистов — гигантские фабрики смерти в Освенциме, Майданеке, Треблинке и других местах.

К концу войны ненависть к Германии, к немцам достигла своего апогея. В условиях, когда Красная армия вступила в пределы Германии, такой накал мог иметь непредсказуемые последствия, порождая массовые расправы. К тому же надо было думать и о налаживании послевоенного сотрудничества с немцами. Ситуация, таким образом, резко изменилась. Потребовалось сделать новый поворот в идеологической деятельности и политике. В то время начальник Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г. Ф. Александров выступил с критикой статей И. Г. Эренбурга за их резкий «антинемецкий характер», за то, что немцы изображались автором как «единая колоссальная шайка»[112]. В какой-то мере корректировка пропагандистской направленности помогла тогда несколько исправить положение, хотя разного рода эксцессов происходило немало. Как считают современные историки ФРГ, «не может быть неожиданным то обстоятельство, что немецкое население в последние месяцы войны подверглось эксцессивным актам мести. Имели место грабежи, поджоги, а также немало убийств и изнасилований. Правда, советское руководство вскоре попыталось пресечь

бесчинства, но соответствующие приказы выполнялись... по-разному... Оккупационные власти в то же время обеспечивали население необходимым продовольствием, устраняли нанесенный войной ущерб, помогали переходу к самоуправлению, развитию культурной жизни»[113].

Чувство ненависти советских людей к поверженному врагу в массовом плане было обращено против фашистского руководства и различных звеньев нацистской системы. Оно не ослепило солдат, не превратило их в грабителей и разорителей. Оно не лишило их высоких нравственных качеств, а, напротив, обострило черты гуманизма. Красная армия, освободив свою Родину, вступила на территорию других государств, в том числе и Германии, в силу военной необходимости, а не как агрессор. Имевшие место случаи несправедливого отношения отдельных солдат и офицеров Красной армии к мирным жителям не могут опровергнуть того исторического факта, что армия-победительница была великодушна и добра к гражданам освобожденных от фашизма стран, включая и поверженный Третий рейх.

Чувство ненависти к противнику во время войны являлось важным военным фактором на всех уровнях — от тактического до стратегического. Оно придавало воинам Красной армии, от рядового до полководца, дополнительные силы, столь необходимые в тяжелом ратном труде как в обороне, так и в наступлении, стало одной из предпосылок, определивших сначала изменение хода войны, а затем и разгром агрессора.

Сражающаяся культура

С началом Великой Отечественной войны вся духовная жизнь, культура Советского государства подчинились требованиям военной обстановки. Литература и искусство всемерным участием в войне доказали, что «когда гремят пушки, музы не молчат». Писатели и поэты, художники и композиторы, мастера театра и кино создавали произведения, созвучные героической эпохе. Они по праву стали одним из видов «боевого оружия» Великой Отечественной войны.

Отражая ход войны, литература и искусство всегда оставались неотъемлемой частью жизни народа, его Красной армии. Темы, образы, содержание произведений передавали драматическую и героическую обстановку военных лет. В дни неудач и поражений, успехов и побед, в обороне и наступлении научная и художественная литература и искусство воздействовали на души и сердца людей. Главными героями художественного творчества, а также складывающейся историографии Великой Отечественной войны были воин, партизан, труженик тыла. Их общий дух можно выразить словами бронебойщика Бориса Губанова, убитого в 1942 г. под Синявино, записку из дневника которого опубликовал писатель-фронтовик Николай Маркевич. В дневнике было написано: «Надо помнить: всякий подъем всегда медленный и трудный. Чтобы быть человеком, хоть чуточку похожим на героев, рожденных Отечественной войной, нужно быть правдивым и честным до мелочей, последовательным и настойчивым. Послабление — страшный враг, это я знаю по себе. Чувствую подъем и вспоминаю слова Толстого: «Как хорошо и отрадно взять себя в руки». Точно, это прекрасно. И еще: «Настала пора больших дел, простых слов и чувств». Мы узнали теперь смысл жизни, он глубок и прост. Жизнь — в умении отдавать себя для общего дела, быть частью общего, а не посторонним наблюдателем. Так-то, Борис, смотри смелее вперед. Мы знаем, за что стоим — за Россию, за Родину. Так будем же носить в себе прекрасный призыв Багратиона: «Отдайте жизнь, но Родины и чести не отдавайте никому»[114].

Дух этих простых и глубоких слов как раз и был смыслом сражающейся культуры во время Великой Отечественной войны. Это была главная тенденция ее развития, которую невозможно замолчать, игнорировать, как бы ни старались различного рода фальсификаторы истории. Невозможно дегероизировать творцов Великой Победы и таким путем лишить нынешние

и последующие поколения россиян одной из самых ярких, величественных и героических страниц истории Отечества.

Культура во всех своих проявлениях всегда была органической частью деятельности людей, в том числе и ратной. В годы Великой Отечественной войны, став «сражающейся», она являлась важным фактором борьбы советского народа против фашистских захватчиков, а в довоенные годы выступала определяющим стимулом при подготовке населения к отражению агрессии.

Довоенная советская художественная культура складывалась как многонациональная культура, способствующая укреплению дружбы народов СССР, формированию у них «чувства семьи единой», того чувства и мировоззрения, которые должны были обеспечить непобедимость советской страны и на поле брани. Понимание соотношения национального и интернационального в литературе и искусстве народов СССР не вызывало тогда серьезных проблем. Литература и искусство были призваны всемерно способствовать формированию у народа высоких патриотических чувств, любви к Родине, ее прошлому и настоящему, преданности принципам социализма, воспитанию советских людей в духе интернационализма, готовности к защите Отечества, в духе ненависти к вероятному противнику и осознания надвигавшейся военной опасности. Советская художественная культура вносила свой вклад в создание духовного потенциала страны, который раскрылся во время войны. Формированию патриотизма советского человека служили произведения литературы и искусства на историческую тему, созданные художниками различных национальностей. Значительное развитие получила историческая романистика, многие страницы которой пронизывались глубоким патриотическим чувством к Родине, борьбе народов России за свое социальное и национальное освобождение, героическим страницам национальной истории и культуры.

В предвоенные годы большое значение придавалось приобщению воинов Красной армии и флота к художественной культуре на разных уровнях и в различных формах. Характерно, что через Красную армию и флот сотни тысяч мужчин, особенно из деревни, впервые соприкоснулись с литературой и искусством. Особое значение в этом имело шефство над воинскими частями писателей, театральных коллективов, живописцев, работников кино. Активными участниками шефской работы выступали известные писатели, знаменитые театральные коллективы, в том числе Большой театр, МХАТ и другие. В 1930 г. было создано литературное объединение Красной армии и флота (ЛОКАФ), открылся Центральный театр Красной армии. Действовали театры при военных округах, репертуар которых состоял преимущественно из пьес на историко-революционную и военную темы.

По мере усиления военной опасности для СССР военно-патриотическая тема все заметнее вторгалась в литературу и искусство. В литературе и искусстве воскрешались военно-патриотические традиции, художественно интерпретируемые как средство победы над врагом. До заключения Пакта о ненападении с Германией в литературе и искусстве заметное место занимала антифашистская тема. Разгром советскими войсками японских милитаристов в районе р. Халхин-Гол также нашел отражение в печати, вызывая чувство гордости у советских людей за свою армию. В художественной публицистике широко освещались присоединение Западной Белоруссии, Западной Украины, Бессарабии и Северной Буковины, Прибалтийских республик к СССР. В то же время Советско-финляндская война 1939–1940 гг. не оставила заметного следа в художественном творчестве того времени.

Отмечая большой вклад советской художественной культуры в предвоенные годы в военно-патриотическое воспитание народа, особенно молодежи, нельзя не сказать и о том, что были и серьезные недостатки, последствия которых проявились уже во время войны. Речь идет о том, что с упором на положительный образ строителя нового общества и защитника Отечества в литературе и искусстве не получили должного отражения истинные масштабы надвигавшейся опасности, реальная сила противника, степень нашей готовности и неподготовленности к войне. Ряд произведений несет свою долю вины за тиражирование пагубных настроений зазнайства и самоуверенности.

Огромная работа, проводившаяся в стране в предвоенные годы в сфере советской культуры, принесла свои плоды в первые же часы начавшейся войны. Она, как пограничники и передовые части Красной армии, сразу же встала на защиту Отечества. Справедливо утверждал выдающийся советский композитор Д. Д. Шостакович, что «искусство впрямую участвовало в борьбе народа с врагом. Оно не избегало страшной правды войны, однако даже в самые тяжкие дни в нем звучали героика, призыв, вера в грядущую победу»[115]. Культура стала сражающейся. С началом войны призывно зазвучала песня «Священная война» композитора А. В. Александрова, слова которой «Вставай, страна огромная...» стали музыкальным набатом Великой Отечественной, как и плакат И. М. Тоидзе «Родина-мать зовет!». Но первым в бой вступило наше радио, сообщив о нападении фашистской Германии на Советский Союз. 22 июня 1941 г. оно передало выступление народного комиссара иностранных дел В. М. Молотова, которое заканчивалось словами: «Наше дело правое, победа будет за нами!». 3 июля 1941 г. по радио выступил И. В. Сталин. Разъяснив сложную и тяжелую для народа и Красной армии обстановку, которая сложилась в начале войны, он рассказал о характере войны, навязанной агрессором Советскому Союзу, ее целях, назвал ее Великой Отечественной, войной необычной, сказал, что дело идет о жизни и смерти СССР, его народов, и призвал к тому, «чтобы в наших рядах не было места нытикам и трусам, паникерам и дезертирам, чтобы наши люди не знали страха в борьбе и самоотверженно шли на нашу отечественную освободительную войну против фашистских поработителей»[116].

Перед всем советским народом на фронте и в тылу встали задачи исторического значения, решение которых существенно зависело от состояния идеологической и культурной работы в обществе. Поэтому деятельность идеологических учреждений, средств массовой информации, художественной культуры была направлена на разъяснение политических целей освободительной борьбы, вопросов, непосредственно связанных с ходом вооруженной борьбы. Общие идеи конкретизировались в зависимости от тенденций и процессов, характеризовавших отдельные периоды и этапы войны. В них отражались практические задачи, качественные изменения в обстановке, политике воевавших государств, соотношении военных, политических и моральных сил противоборствовавших сторон.

Повышению духовной стойкости и активности советского народа, мобилизации его воли на борьбу с врагом способствовали героико-патриотическая пропаганда, воспитание на славных революционных, трудовых и боевых традициях. Особое внимание обращалось на привитие советским людям высокой ответственности, дисциплины и организованности, широко пропагандировалась необходимость строгого соблюдения законов военного времени, недопущения фактов расхлябанности.

Действенным идеологическим оружием являлась печать. Уже к концу 1941 г. действовали 19 фронтовых и 93 армейские газеты, а к середине следующего года их количество достигло 800. Позже их стало еще больше. В центральных, региональных, военных газетах и журналах неустанно звучали призывы к самоотверженной борьбе на фронте и в тылу, разъяснялись очередные задачи военного, политического и хозяйственного строительства.

Исключительной популярностью в массах пользовались сводки Советского информационного бюро. Знакомые слова «от Советского информбюро», произносимые по радио диктором Юрием Левитаном, собирали у репродукторов сотни людей, стремившихся поскорее узнать последние известия. Сообщения Совинформбюро через средства массовой информации быстро распространялись среди тружеников тыла и фронтовиков. Из них советские граждане получали сведения о положении на фронтах Великой Отечественной и Второй мировой войн, внутренних и международных событиях, о боевом и трудовом героизме сражающегося народа.

Сражающимися сразу же стали поэты и писатели. Фронтовая поэзия начала войны и ее первых лет дышала ненавистью к врагу и любовью к своему народу, стараясь вселить в него тот дух, который был необходим, чтобы устоять перед военной машиной агрессора, выстоять, а затем победить. Она воспевала опасный ратный труд воина Красной армии, партизана, тяжелый труд труженика, создававшего оружие и военную технику для борьбы

с агрессором. Рядом с поэзией сражалась публицистика — боевая, мобилизующая. Репортажи М. А. Шолохова, А. Н. Толстого, Н. С. Тихонова, К. М. Симонова и многих других писателей поднимали дух бойцов и командиров, зажигали ненавистью их сердца. Именно такими были «Наука ненависти» М. А. Шолохова и «Русский характер» А. Н. Толстого. Слова М. А. Шолохова: «И если любовь к Родине хранится у нас в сердце и будет храниться до тех пор, пока эти сердца бьются, то ненависть к врагу мы носим на кончиках штыков» — в начале войны были вдохновляющими, зовущими к борьбе с врагом. Вместе с ростом ненависти к фашистам и сопротивлением ему росла и литература. Летом 1942 г., в один из самых тяжелых периодов, было опубликовано одно из первых крупных произведений о военных днях — повесть В. С. Гроссмана «Народ бессмертен». Были опубликованы сборники рассказов Л. С. Соболева «Морская душа», В. М. Кожевникова «Март — апрель», повесть В. Л. Василевской «Радуга».

С первых дней боев театр тоже служил фронту. Были созданы мобильные фронтовые актерские бригады, которые выезжали со своими концертами и спектаклями в воинские части, часто на передовую. В их составе были известные артисты: Л. А. Русланова, М. Н. Гаркави, И. М. Москвин, В. И. Качалов, А. К. Тарасова, А. А. Яблочкина, П. М. Садовский, Н. К. Черкасов, А. Л. Абрикосов и многие другие. Со временем на фронте ставились пьесы. В 1942 г. в «Правде» были напечатаны пьесы «Фронт» А. Е. Корнейчука и «Русские люди» К. М. Симонова, которые сыграли важную роль в укреплении морального духа и боеспособности Красной армии и партизанских отрядов. Пьеса Л. М. Леонова «Нашествие» отразила глубинные внутренние мотивы сопротивления народа фашизму. Большую роль в укреплении боевого духа воинов Красной армии и населения в тылу сыграли советские кинофильмы, в том числе и документальные. Показывали киносюжеты о героизме защитников Ленинграда, Москвы, других городов, отражали напряженность оборонительных боев Красной армии, их первые успехи, а также действия партизан в тылу врага. Наиболее заметными в то трудное время стали фильмы «Разгром немецко-фашистских войск под Москвой» и «Ленинград в борьбе». Свою роль играла и кинохроника боев за Севастополь, Сталинград, на Курской дуге и других.

С первого дня войны с воинами Красной армии, партизанами, тружениками тыла сражалась песня. Музыка помогала пережить трудности, укрепляла силы в обороне и звала в атаку, укрепляла веру в победу. Вслед за «Священной войной» А. В. Александрова появились другие песни: «Синий платочек», «Землянка», а в осажденном Ленинграде в августе 1942 г. звучала симфония № 7 Д. Д. Шостаковича, посвященная городу-герою. Широко исполнялись и песни прошлого: «Ермак», «Бородино», «Варяг», «Прощание славянки» и другие.

В условиях, когда фронт все дальше уходил на запад и шло освобождение временно оккупированной немцами советской территории, остро встал вопрос о повышении уровня массово-политической и культурно-просветительной работы среди населения. Необходимо было мобилизовать людей на восстановительные работы на освобожденной от противника территории России, Украины, Белоруссии, Прибалтики, Молдавии. Одновременно нужно было вести воспитательную работу и повышать культуру народа, который подвергся воздействию фашистской пропаганды, перенес жесточайший террор врага, наитяжелейшие моральные испытания и материальные лишения. И дело это оказалось чрезвычайно сложным.

С началом освобождения Красной армией европейских государств и ее боевыми действиями за рубежом в идейно-политической работе все большее место занимало разъяснение освободительной миссии Советского Союза. Победы на фронте и международной арене повышали интерес советских людей к вопросам внешней и внутренней политики государства, особенно потому, что приближался час справедливого возмездия агрессору. При этом в процессе воспитания советских людей в духе ненависти к фашизму гитлеровская клика не отождествлялась со всей немецкой нацией. Неизменно подчеркивалась необходимость уважения ко всем народам.

В последние два года войны особенно широко использовались все формы воздействия на массы: печать, радио, лекции, беседы, литература, искусство, наука; ученые, педагоги, писатели, журналисты читали лекции о положении на фронтах Отечественной войны,

странах антифашистского блока, литературе и искусстве, достижениях науки и техники. Среди лекторов, выступавших перед фронтовиками и трудящимися, были ученые Академии наук СССР С. И. Вавилов, Б. Д. Греков, Н. С. Державин, А. М. Панкратова, Е. В. Тарле, а также сотрудники Академии наук УССР и БССР и лекционного бюро Всесоюзного комитета по делам высшей школы при СНК СССР. Большое значение придавалось пропаганде естественнонаучных знаний.

По мере развертывания вооруженной борьбы на территории стран Восточной Европы усиливалось внимание к духовному потенциалу народа, принявшего на себя основной удар фашистской агрессии. Зарубежная общественность, обращалась к истории и современной им жизни СССР. Чтобы удовлетворить эти потребности, Совинформбюро отправляло за границу необходимые материалы для статей во все возрастающем количестве, их получали многие радиостанции, телеграфные и газетные агентства, тысячи газет и журналов. Велась наступательная контрпропаганда. Многое сделала в этом направлении группа деятелей литературы и искусства, сотрудничавшая с Совинформбюро, в которую входили талантливые писатели и журналисты: Б. Л. Горбатов, Л. М. Леонов, Б. Н. Полевой, К. М. Симонов, А. А. Сурков, А. Н. Толстой, К. А. Тренёв, К. А. Федин, И. Г. Эренбург, а также историки Е. М. Жуков, Е. В. Тарле и другие. Большую работу в Лондоне вел Эрнст Генри (С. Н. Ростовский). Популяризация за границей массового героизма советского народа, его культуры содействовала росту симпатий к России. Все средства и участки идеологического фронта были подчинены мобилизации духовных и физических сил сражающегося народа для нанесения ударов по врагу.

Представители общественных наук — историки, философы, экономисты, этнографы, юристы — продолжали решать главные задачи: укрепление духовного потенциала общества и дальнейшая мобилизация его сил на разгром фашизма, разоблачение нацизма, в том числе его антинаучной теории расизма. В этих целях в трудах и выступлениях крупных советских ученых отражалось героическое прошлое русского народа, освещались события Второй мировой войны, их историческое значение, развитие культуры, русской общественной мысли, героизм народа, разоблачались преступления фашизма.

В духовной жизни общества по-прежнему видное место принадлежало литературе и искусству, которые всеми средствами художественного воздействия помогали мобилизовать народ на окончательный разгром врага, возвеличивали героизм людей на фронте и в тылу. Однако изменился характер и вид изданий. Главными темами издаваемой литературы были Великая Отечественная война, военное дело. Одновременно заметно стал расти выпуск художественных произведений, которые отражали лучшие черты русского национального характера, патриотизм русских, советских людей. Литературные произведения осмысливали основные события войны. К. М. Симонов в 1944 г. опубликовал повесть «Дни и ночи», посвященную обороне Сталинграда. Тогда же А. А. Бек в повести «Волоколамское шоссе», освещая Московскую битву, раскрыл природу подвигов и побед. Он показал, что смелость командирской мысли, новаторство, чувство высокого долга перед Родиной быстро развивались в условиях суровой войны, усиливая мощь Красной армии. Характеру советского человека, совершающего подвиги в борьбе с врагом, посвящен документальный роман «Молодая гвардия» А. А. Фадеева.

Большой эмоциональной силой обладала публицистика Б. Л. Горбатова, Б. Н. Полевого, К. М. Симонова, Н. С. Тихонова, И. Г. Эренбурга, О. Ф. Берггольц, в которой обличались преступления фашистов против человечности, культуры. Острые публицистические произведения, очерки, статьи публиковали Вс. В. Вишневский, Л. М. Леонов, М. А. Шолохов, К. А. Федин и другие. Большой отряд писателей работал в центральных и фронтовых редакциях.

В поэтическом творчестве Н. Н. Асеева, М. А. Светлова, О. Ф. Берггольц, А. Т. Твардовского и других поэтов раскрыты образ советского солдата, его любовь к Родине, вера в победу. Поэма «Василий Тёркин» А. Т. Твардовского стала бессмертным памятником рядовому воину, символом всего воюющего народа. Весной 1945 г., когда все ждали близкую победу,

О. Ф. Берггольц писала: «Она у твоего порога. Дыханье переводит и молчит. Ну, день, ну, два, еще совсем немного...». В произведениях А. А. Суркова, М. В. Исаковского и ряда других писателей осмысливается великий подвиг народа.

Тема войны и победы была главной и в драматургии. Подлинно народно-героическими спектаклями стали: «Сталинградцы» Ю. П. Чепурина, «У стен Ленинграда» Вс. В. Вишневского, «Песня о черноморцах» Б. А. Лавренёва и другие. Зрители проявляли большой интерес к русской классике, созвучной героике войны. Театры страны поставили свыше сотни оперных и драматических произведений: А. Н. Островского «Волки и овцы» и «Бешеные деньги», А. П. Чехова «Чайка», Л. Н. Толстого «Живой труп», И. С. Тургенева «Месяц в деревне» и другие.

Широкий размах имела концертная деятельность музыкантов на фронтах и в тылу. Выступали певцы В. В. Барсова, Л. А. Русланова, М. В. Михайлов, Л. О. Утёсов, К. И. Шульженко, скрипач Д. Ф. Ойстрах, пианист Э. Г. Гилельс, исполнительница народных песен и танцев Т. Ханум, Ансамбль песни и пляски Красной армии под руководством А. В. Александрова. Последние фронтовые спектакли игрались перед героями, взявшими Рейхстаг.

На завершающем этапе войны появились песни, которые украшали досуг в часы затишья и шагали рядом с солдатами до Берлина: «Давно мы дома не были» В. П. Соловьёва-Седого (слова А. И. Фатьянова), «Под звездами балканскими» М. И. Блантера (слова М. В. Исаковского), «Ходили мы походами» К. Я. Листова (слова А. А. Жарова), «Казаки в Берлине» братьев Покрассов (слова Ц. Солодаря). Большой популярностью продолжали пользоваться русские народные песни, отвечавшие происходящим событиям, в которых было слито личное и общее, интимное и гражданственное, духовные чаяния фронта и тыла.

События завершающего периода войны отражены в картинах «Освобожденная Франция» (С. И. Юткевич), «Берлин» (Ю. Я. Райзман) и других. Кинодокументалисты запечатлели решающие сражения Великой Отечественной войны. Битву за Берлин снимали многие операторы; они с документальной точностью и большой художественной силой показали падение столицы рейха. Документальные фильмы о победах Красной армии получили огромный международный резонанс.

Одновременно на киноэкранах появился фильм С. М. Эйзенштейна «Иван Грозный», выходили комедии, экранизировались водевили А. П. Чехова «Юбилей» и «Свадьба». Музыкальный фильм «В шесть часов вечера после войны» режиссера И. А. Пырьева рассказывал о стойкости и моральном облике людей, сумевших пронести любовь и верность сквозь грозные годы. Деятели изобразительного искусства все чаще обращались к темам изгнания врага с родной земли, победы русского оружия, мирного созидательного труда. Продолжали создаваться картины бытового, портретного и пейзажного жанров. Мечту о мирной жизни убедительно выразили А. А. Дейнека в картине «Раздолье», А. А. Пластов в картинах «Жатва» и «Сенокос» и другие. Черты мужества, открытости, нравственной красоты советских людей запечатлены в скульптурных портретах генерала И. Д. Черняховского, партизанского командира С. А. Ковпака, летчика-истребителя И. Н. Кожедуба и других героев войны. Получила распространение демонстрация художественных произведений на выставках 1944–1945 гг., в том числе в освобожденных районах России, Украины, Белоруссии, Эстонии, Молдавии. Проводились выставки фронтовых художников студии имени М. Б. Грекова, произведений И. Е. Репина, шедевров русской архитектуры.

Литература и искусство всех жанров внесли существенный вклад в достижение победы. Они несли большой морально-нравственный заряд, выражали надежды, чувства и мысли всего многонационального народа, его веру в победу. Вместе с тем в творчестве литераторов, художников, мастеров театра и кино нередко замалчивались трудности и лишения, перенесенные народом. Преобладали победный пафос, дух героизма и самоотверженности.

Во время войны, особенно в последние годы, в духовном развитии общества значительное место занимали культурно-просветительные учреждения. Клубы, дворцы культуры, избы-читальни, библиотеки вели разнообразную работу среди населения. Проводились лекции, доклады, организовывалась художественная самодеятельность, устраивались концерты

и спектакли, демонстрировались кинофильмы. Музеи развертывали выставки. Когда Красная армия вела успешные наступательные операции на фронте и почти ежедневно передавались сообщения о победах, Советское государство принимало меры по восстановлению учреждений культуры в освобожденных районах.

Урон, нанесенный советской культуре агрессорами, был огромным. По данным Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба, из 992 музеев СССР было разграблено 407, в их числе 173 в Российской Федерации. Погибли богатейшие музеи Смоленска, Сталинграда, Новгорода, Полтавы, Киева, Минска, других городов. Были уничтожены тысячи исторических и культурных памятников. За годы войны из нашей страны вывезено около 565 тыс. единиц хранения музейных ценностей. Среди них произведения звезд всемирной величины: Рембрандта, Рафаэля, Тициана, Брейгеля, Репина, Сурикова, Левитана, Кипренского и других. Были разрушены и разграблены великие архитектурные ансамбли пригородов Ленинграда, 44 тыс. зданий театров и клубов, 1670 церквей, 532 синагоги, 237 костелов и другие здания религиозных культов. Расхищено и уничтожено только в массовых библиотеках СССР 100 млн книг (по последним данным, эта цифра занижена). В Российской Федерации было разрушено 8 тыс. клубов, домов культуры, изб-читален, свыше 4 тыс. библиотек[117].

В рядах сражающейся культуры особую роль играли историческая наука и научно-популярная литература о войне. Они были описательно-познавательными по форме и героико-патриотическими по содержанию и характеру, активными и оперативными. Но это было и историографией подвига. Статьи, брошюры, книги, выходившие в свет, непосредственно входили в ткань войны, становились ее специфической составляющей, в той или иной мере факторами войны и победы. В них раскрывались причины войны, ее справедливый характер со стороны Советского Союза, описывались отдельные эпизоды и этапы вооруженной борьбы, показывался героизм воинов на фронте и тружеников в тылу, разоблачались фашизм, бесчеловечный «новый порядок», насаждаемый гитлеровцами на временно оккупированной территории СССР. Освещались вопросы перестройки народного хозяйства на военный лад, раскрывался опыт предприятий, колхозов, совхозов по обеспечению нужд фронта, ход социалистического соревнования. Большое внимание уделялось анализу международных отношений, показу борьбы народов против фашизма, образованию и функционированию антигитлеровской коалиции.

Одной из важнейших задач исторических публикаций в годы войны являлось освещение боевых традиций и героического прошлого народов Советского Союза, национальных и интернациональных традиций, сложившихся в борьбе с агрессорами, вторгавшимися в нашу страну с востока, юга и запада. Это было необходимо для укрепления морально-политического единства советского народа, формирования патриотизма, усиления морально-боевого духа воинов на всех этапах борьбы с захватчиками. Но, пожалуй, особо важно это было во время неудач и поражений Красной армии, в период утраты городов и сел, промышленных и сельскохозяйственных предприятий.

Тогда же издавались сборники документов периода Гражданской войны в нашей стране, отражавших события, которые перекликались с событиями Великой Отечественной войны: о героической обороне Петрограда в 1919 г., разгроме немецких оккупантов на Украине в 1918 г., обороне Царицына в 1918 г. В течение всей войны в центре внимания исторических публикаций находились боевые традиции русского и других народов СССР, их героическое прошлое, победы русского оружия, выдающиеся политические и военные деятели нашей страны, герои революционного движения. Одновременно издавались материалы о трудовой и воинской доблести советских людей в их борьбе с гитлеровскими захватчиками.

Таким путем формировалась историография Великой Отечественной войны, совершенствовалась организация научной работы, создавались научные организации, подбирались кадры исследователей, накапливался материал. В ноябре 1941 г. Президиум Академии наук СССР образовал Комиссию по созданию «Летописи Отечественной войны», которая потом стала называться Комиссией по истории Отечественной войны. Возглавляли ее Г. Ф. Александров

и член-корреспондент Академии наук СССР И. И. Минц. Комиссии по сбору материалов по истории войны были созданы в областях, краях, республиках, наркоматах и учреждениях, в армии и на флоте. По сбору и хранению материалов о Великой Отечественной войне большую работу проводили государственные архивы СССР. Создавалась богатейшая документальная основа трудов по истории Великой Отечественной войны.

Особую роль в этом направлении сыграли военно-научные учреждения и военные учебные заведения, военное командование и штабы различных уровней. Уже в июле 1941 г. Генеральным штабом в действующую армию были направлены офицеры для изучения опыта боевых действий соответствующих родов войск, боевых приемов наших войск, тактики противника. В Оперативное управление Генерального штаба Красной армии начали поступать материалы, обобщающие боевой опыт наших войск и новые боевые приемы войск противника, выводы и предложения по организации, вооружению и боевому применению войск Красной армии, по организации, ведению и обеспечению боя (операции) и управлению войсками. В апреле 1942 г. был создан специальный отдел (впоследствии управление) по изучению и обобщению опыта войны с целью его оперативного использования в действующей армии. Подобные органы (отделы и отделения) были сформированы в Главном политическом управлении РККА, штабах видов вооруженных сил и родов войск, фронтов и армий, флотов и флотилий, главных и центральных управлениях НКО.

Всего за годы войны отделами и управлениями Генерального штаба, штабами видов Вооруженных сил СССР и родов войск было издано свыше 800 книг и брошюр о боевых действиях и развитии советского военного искусства. Подобного рода материалы (научные труды, учебные пособия, лекции) в большом количестве готовили также военные академии.

Большое внимание уделялось подготовке и изданию научно-популярной литературы для массового читателя. Интерес к ней был огромен. В Академии наук СССР была образована специальная Комиссия по изданию научно-популярной литературы под руководством академика В. Л. Комарова. Издательство политической литературы опубликовало серию книг, в которую вошли сборники «Битва за Москву», «Героический Ленинград», «О героическом Сталинграде», «Орловская битва». Воениздат большими тиражами выпустил серию брошюр о героической обороне Одессы, разгроме гитлеровцев под Москвой, Сталинградом, Ростовом, Курском, в Маловишерской, Елецкой и ряде других операций, о боевых действиях флота. Широко, достаточно полно и оперативно освещались события Великой Отечественной войны в общественно-политических и военных журналах, фронтовых, флотских, окружных, армейских и дивизионных газетах. Это поистине летопись героизма советских воинов.

В военные годы в области историографии была проделана большая работа по созданию источниковой базы истории Великой Отечественной войны, накоплен и систематизирован значительный материал, заложена основа для дальнейшего, более глубокого изучения событий войны для последующего развития ее историографии. Именно тогда формировались концепции, взгляды на военно-исторические события, их военно-политические, экономические и общеисторические оценки. Периодическая печать военных лет активно пропагандировала военно-историческую литературу, публикуя рецензии и библиографические обзоры вышедших книг и брошюр по истории Великой Отечественной войны. Историческая литература в годы войны в основном имела или оперативный, или публицистический характер, одновременно обобщая огромный фактический материал. Она выполнила свое историческое предназначение, способствуя борьбе советского народа с фашистскими захватчиками и их разгрому. Конечно, она не избежала определенных недостатков, обусловленных как объективными, так и субъективными обстоятельствами. Нацеленная на решение задач по мобилизации духовных сил народа на разгром врага, на воспитание уверенности в победе, эта литература акцентировала внимание на позитивных эпизодах борьбы с захватчиками, не останавливаясь подробно на неудачах и их причинах. В целом она отвечала уровню и возможностям того времени.

Таков вклад литературы и искусства, советской культуры в целом в борьбу с фашизмом и победу над ним. Но это был и их собственный подвиг как сторона, часть общего подвига Красной армии и всего советского народа в Великой Отечественной войне.

Вклад общественных организаций и Церкви в победу

«Рабочий класс, колхозное крестьянство, интеллигенция, все этносы, народности, женщины и мужчины, молодежь были поставлены перед необходимостью осознать и защитить общие коренные интересы. Государственный патриотизм, социально-политическая сплоченность, гражданская зрелость нашего народа стали основой их исторического творчества, повышения ответственности за общенародные дела, их боевого духа на фронте, в партизанских действиях и трудового энтузиазма в тылу»[118].

Государственный Комитет Обороны руководил страной, как известно, не только через аппарат ЦК ВКП(б), СНК СССР, но и через центральные органы общественных организаций. Благодаря возросшему вниманию руководства страны роль массовых общественных организаций и добровольных обществ в годы войны значительно возросла. Развитию активности граждан способствовали профессиональные союзы, комсомол, кооперативные объединения, оборонные, научно-технические, культурные, спортивные общества, пионерская и другие массовые организации.

Наиболее многочисленными среди них были профсоюзы, которые имелись на всех предприятиях, стройках и в учреждениях страны. Большой вклад профессиональные союзы внесли в организацию военного производства. Они содействовали перемещению тысяч предприятий на восток страны, проводили массовую подготовку новых кадров рабочих, особенно из числа женщин и молодежи. Развернувшееся соревнование за увеличение выпуска военной продукции непосредственно направлялось профсоюзными организациями. На 1 января 1944 г. в соревновании участвовало более 80% всех рабочих и служащих. В результате производительность труда в период войны на основных предприятиях повысилась на 40–50%[119]. В целях мобилизации сил народа на отпор врагу профсоюзы участвовали в проведении Всевобуча, подготовке военных резервов, укреплении местной противовоздушной обороны, организации шефства предприятий над воинскими частями. Большинство профсоюзных санаториев и домов отдыха были преобразованы в госпитали для раненых и больных воинов.

В годы военного лихолетья, как и в мирное время, профессиональные союзы контролировали состояние охраны труда и техники безопасности на предприятиях и в учреждениях, следили за выполнением законодательства о труде и применением прогрессивных систем его оплаты, управляли социальным страхованием, выдавали рабочим и служащим пособия по временной нетрудоспособности, добивались улучшения медицинского обслуживания населения. Миллионы женщин, занятых в мирное время домашним хозяйством, вовлекались в производственную и общественную жизнь: профсоюзы заботились об улучшении условий их труда, вели борьбу с детской беспризорностью и безнадзорностью.

В суровых условиях военного времени профсоюзные органы непосредственно руководили отделами рабочего снабжения (орсами), содействовали развертыванию подсобных хозяйств, коллективного и индивидуального огородничества. К концу войны огородничеством в нашей стране занимались свыше 18 млн рабочих и служащих[120]. Благодаря коллективным и индивидуальным огородам городское население в 1942–1945 гг. получило дополнительно более 26 млн тонн картофеля и овощей[121].

Большая роль принадлежала молодежи, комсомолу, насчитывавшему в годы войны более 9 млн членов: он дал Красной армии и флоту 3500 тыс. человек[122]. Молодые люди самоотверженно сражались с захватчиками на фронте, в партизанских отрядах и подполье. Наравне с юношами стойко переносили все тяготы войны и геройски бились с врагом и девушки. К январю 1942 г. в рядах вооруженных сил было 350 тыс. комсомолок, в последующие годы их число значительно возросло. В действующую армию отправлялись как рядовые члены ВЛКСМ, так и руководящие работники. В 1941 г. на военную работу перешли 30% секретарей обкомов, горкомов и райкомов ВЛКСМ. В дальнейшем в вооруженные силы были направлены еще 1200 секретарей обкомов, первых секретарей горкомов и райкомов и свыше 66 тыс. секретарей первичных комсомольских организаций[123].

Большую работу вели организации Всевобуча. В процессе обучения создавались комсомольско-молодежные подразделения снайперов, автоматчиков, пулеметчиков, минометчиков и воинов других специальностей. Эти подразделения подготовили свыше 1700 тыс. специалистов. Кроме того, были созданы специальные подразделения из девушек, подготовившие 214 тыс. снайперов, пулеметчиков и других специалистов[124]. Из молодежи формировались кадры для борьбы в тылу врага. Комсомол возглавлял патриотическое движение молодежи в тылу. Оно проявлялось в самых различных формах: организация комсомольско-молодежных бригад, создание Фонда помощи детям-сиротам и прочее. Юноши и девушки проявляли истинный трудовой героизм. Советская молодежь внесла в Фонд обороны страны около миллиарда рублей.

Государство высоко оценило заслуги комсомола: 3500 тыс. комсомольцев были награждены орденами и медалями СССР, а 3 тыс. из них удостоены звания Героя Советского Союза[125]. За боевые заслуги орденами и медалями награждены 100 тыс. девушек, 58 из которых получили звание Героя Советского Союза[126].

Во многих делах взрослым помогали школьники. Прежде всего, они трудились на полях колхозов и совхозов. В соответствии с постановлением правительства от 13 апреля 1942 г. о привлечении учащихся школ к полевым работам свыше 20 млн школьников в летние каникулы 1942 г. выработали 757 млн трудодней[127]. Активно участвовали они в восстановлении разрушенных школ и других зданий, выходили на воскресники, отдавая заработанные средства Красной армии. Во многих школах были созданы различные мастерские, продукция которых была нужна фронту и народному хозяйству. Летом 1942 г. в школьных мастерских Москвы работали 17 тыс. учащихся. Они выпустили продукции на 30 млн рублей[128]. Школьники занимались сбором лекарственных и других полезных растений. Только за лето 1942 г. они собрали более половины всех заготовленных в стране дикорастущих растений[129]. Учащиеся активно шефствовали над лечебными учреждениями. Они украшали цветами госпитали, читали раненым книги, помогали им писать письма, выступали с концертами художественной самодеятельности[130].

Весьма важную роль в годы войны сыграла потребительская кооперация. Она отвечала за снабжение рабочих и интеллигенции в сельской местности, заготовку некоторых видов сырья и организацию встречной продажи колхозникам промышленных товаров. Через потребкооперацию снабжалась шестая часть всего населения деревни, в том числе детские сады, ясли, интернаты инвалидов войны, эвакуированные граждане[131]. В условиях войны потребительской кооперации пришлось заняться производством обуви, одежды, обозных и шорных изделий и прочего. Кооперативные организации заготавливали овощи, дикорастущие растения и плоды, пушнину и многое другое. Все это шло на удовлетворение нужд фронта и тыла.

Наряду с другими общественными организациями потребительская кооперация активно помогала народному хозяйству материальными средствами. Ее пайщики за военные годы приобрели облигаций на 2600 млн рублей. Эти деньги были использованы в интересах ведения войны. Кроме того, пайщики и работники потребкооперации из своих средств и отчислений от прибылей внесли в Фонд обороны 105,2 млн рублей[132].

Для подготовки молодежи к прохождению службы в вооруженных силах в предвоенные годы были образованы такие организации, как Союз обществ друзей обороны и авиационно-химического строительства СССР (Осоавиахим)[133], «Общество спасания на водах» (ОСВОД), Общество друзей радио, Автодор, и другие[134]. К началу войны Осоавиахим насчитывал в своих рядах 13 млн членов, объединенных в 329 тыс. первичных организаций, которые проводили оборонно-массовую работу среди населения. В Центральном аэроклубе СССР имени В. П. Чкалова в Тушино и других клубах без отрыва от производства обучались одновременно до 8 тыс. юношей и девушек — будущих летчиков. Свыше 30 тыс. спортсменов осваивали планеризм. В 1941 г. в Осоавиахиме завершили подготовку около 400 тыс. летчиков запаса, пилотов-планеристов, парашютистов, авиамехаников, морских специалистов, автомобилистов, мотоциклистов и связистов[135]. После 17 сентября 1941 г., когда по решению ГКО было

создано Управление Всевобуча, осоавиахимовские организации наряду с оборонно-массовой работой среди населения продолжали готовить резервы для Красной армии.

За годы войны Осоавиахим подготовил 987 тыс. общественных инструкторов для обучения населения по программам противовоздушной и противохимической обороны (ПВХО)[136]. Подготовка ими советских граждан к противовоздушной обороне играла весьма важную роль. 99% всех пожаров, возникших в результате воздушных налетов противника, ликвидировали группы самозащиты, обученные по программе Осовиахима[137]. 19 февраля 1944 г. постановлением ГКО Осоавиахиму были поручены разминирование освобожденной территории, сбор оставшейся на полях сражений боевой техники, оружия и боеприпасов.

Союз обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР насчитывал в 1941 г. 7,9 млн членов. Организации Красного Креста помогали раненым и больным воинам вернуться в строй, участвовали в подготовке среднего и младшего медперсонала. За годы войны ими было подготовлено около 300 тыс. медицинских сестер, более 500 тыс. сандружинников и до 30 тыс. санитаров[138]. Большинство выпускников медицинских школ Красного Креста направлялись в действующую армию — в роты, батальоны и полки. Фронтовые и тыловые лечебно-профилактические учреждения не испытывали недостатка в среднем и младшем медперсонале[139]. Организации Красного Креста занимались также обучением гражданского населения по программе «Готов к санитарной обороне» (ГСО). За четыре года войны они подготовили 23 млн значкистов ГСО. Из них создавали санитарные дружины и посты, которые помогали органам здравоохранения в проведении всех профилактических мероприятий среди населения[140]. Многое сделал Красный Крест и для организации донорства. За годы войны доноры, в том числе военнослужащие, дали фронту более 1,7 млн литров крови. Противоэпидемические отряды на освобожденной территории обследовали свыше 500 тыс. дворов, подвергли санитарной обработке 400 тыс. граждан, отремонтировали 7 тыс. колодцев и построили около 2 тыс. бань[141].

Большой вклад в общее дело внесла инженерно-техническая общественность, организованная в научные инженерно-технические общества. В них входили часть технической интеллигенции и рабочие, новаторы производства. Руководящим ядром этой системы являлся Всесоюзный совет научных инженерно-технических обществ (ВСНИТО). В нем имелось несколько отраслевых комитетов, объединявших родственные отрасли науки и техники. Каждому такому комитету поручалась разработка какой-либо комплексной проблемы. Обычно ее расчленяли на отдельные темы, привлекая к их разработке отраслевые общества, научно-исследовательские и проектные организации, виднейших ученых и инженеров-практиков.

Всю свою творческую энергию инженерно-технические общества направляли на удовлетворение запросов вооруженных сил и оборонной промышленности. ВСНИТО был инициатором создания новых специальных производств в военной промышленности, разрабатывал технологию и осуществлял техническое консультирование в течение всего периода освоения этих производств. В период войны инженерно-технические общества внедрили в производство большое количество рационализаторских предложений, подготовили к изданию более 500 справочников и пособий[142]. Примером полезной инициативы инженерно-технических обществ могут служить многие факты. Так, Ленинградское отделение общества машиностроителей разработало новую технологию отливки мин, снарядов и скоростной серийной постройки малых судов[143]. Инженерно-техническое общество лесной промышленности предложило применять на строительстве железных дорог шпалы облегченного типа, что позволило увеличить изготовление шпал на 53%. Общество легкой промышленности разработало комплекс мероприятий по расширению сырьевой базы кожевенной промышленности, в частности была увеличена выработка обувной кирзы на 45%[144]. Общество железнодорожного транспорта разработало и внедрило метод увеличения пропускной способности железных дорог, а также ускоритель набора воды паровозами. Это дало большую экономию времени и средств. Общество водного транспорта разработало новый метод расчета портовых гидротехнических сооружений, сконструировало плавучий причал из деревянных понтонов для

десантных операций, предложило новую систему эксплуатации водного транспорта. Это повысило пропускную способность пристаней и портов[145].

Трудно переоценить деятельность добровольных спортивных обществ, в которых к началу 1941 г. насчитывалось 3105 тыс. физкультурников[146]. В предвоенные годы особенно широкое распространение получил физкультурный комплекс «Готов к труду и обороне СССР» (ГТО) и соответствующий значок, выдаваемый за его выполнение с 1931 г. Комплекс освоили многие миллионы юношей и девушек, что способствовало их физическому развитию. С началом войны основной состав инструкторов и физкультурников спортивных обществ ушел на фронт. Оставшиеся в тылу активисты участвовали в подготовке резервов для действующей армии. За военные годы были подготовлены несколько миллионов человек по программам военно-лыжного обучения, а также сотни тысяч — по рукопашному бою и плаванию с боевым снаряжением. Из состава альпинистских спортивных организаций было сформировано около 40 горнострелковых отрядов, которые в 1942–1943 гг. внесли весомый вклад в боях на Кавказе.

Важную работу вели созданные в годы войны в системе Советского информационного бюро, учрежденного постановлением ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР от 24 июня 1941 г. (начальник — секретарь ЦК ВКП(б) А. С. Щербаков, его заместитель — С. А. Лозовский[147], являвшийся также заместителем наркома иностранных дел), антифашистские комитеты (Всеславянский комитет, Антифашистский комитет советских ученых, Антифашистский комитет советских женщин, Антифашистский комитет советской молодежи и Еврейский антифашистский комитет). Они были созданы в целях установления связей со всеми друзьями советского народа, распространения документов о его героической борьбе против фашизма, получения материальной помощи от различных общественных организаций за рубежом. Это укрепляло международные связи СССР, обеспечивало его поддержку общественностью стран антигитлеровской коалиции. Работа комитетов носила также актуальный идеологический характер, способствовала разоблачению человеконенавистнической идеологии фашизма — идеологии расизма, агрессии, геноцида в отношении порабощенных народов. Ей противопоставлялись такие общечеловеческие идеи, понятные и близкие любому народу Земли, как мир, национальная независимость и суверенитет, солидарность в борьбе с агрессором, равноправие и дружба народов, демократия, справедливость, гуманизм, веротерпимость. Декларирование этих идей, хотя и во многом не совпадавших с политикой и практикой руководства СССР предвоенных лет, а также периода войны, рождало у людей надежды на серьезные изменения, которые должны последовать в жизни страны после войны. Эти идеи привлекали к СССР симпатии демократической общественности за рубежом, способствовали росту его международного авторитета и влияния.

Антифашистские комитеты стали центрами, объединявшими не только интеллигенцию в стране, но и все патриотические слои общества. Эти комитеты снабжали статьями и материалами соответствующую печать во многих странах, вели большую организационно-политическую работу по закреплению связей с родственными организациями в других странах. Рассекреченные материалы архивов позволяют по стенограммам и протоколам заседаний проследить ход работы в этих комитетах: микроклимат, который был в годы войны среди членов этих комитетов; механизм руководства комитетами со стороны соответствующих отделов ЦК ВКП(б) и НКИД СССР. Документы свидетельствуют и о целом ряде проблем в ходе работы комитетов, сложностях в решении ряда важных вопросов, подозрительности и мелочной опеке при решении текущих вопросов.

В советский период, говоря о деятельности Совинформбюро, обычно отмечали только положительные моменты, а острые проблемы, как правило, опускались. Например, освещение работы Еврейского антифашистского комитета. Его деятельность вообще замалчивали[148]. Заговорили об этом комитете в периодической печати лишь с начала 1990-х гг.

Деятельность антифашистских комитетов в СССР в годы Великой Отечественной войны убедительно свидетельствует об осознании советскими людьми своей силы и о чувстве человеческого достоинства, которое им было присуще. Они организовывали и проводили различные мероприятия, в том числе антифашистские митинги женщин, молодежи, про-

фсоюзов, ученых, спортсменов с трансляцией по радио за границу. Комитеты поддерживали связи с зарубежными организациями. Однако состав членов комитетов, делегаций, выезжавших за границу, ораторов на митингах, тексты речей и обращений — все многократно проверялось и утверждалось в Управлении пропаганды и агитации ЦК ВКП(б). В своей повседневной деятельности комитеты по указанию А. С. Щербакова подчинялись руководству Совинформбюро[149].

И все же деятельность антифашистских комитетов имела значительный эффект и на международной арене как зачаток народной дипломатии, и внутри страны, демонстрируя широкую поддержку Советского Союза со стороны народов зарубежных стран. Профсоюзный, молодежный, женский комитеты заложили основы послевоенных международных общественных организаций.

В работе творческих союзов писателей, кинематографистов, композиторов, театральных деятелей ведущими темами стали патриотизм, ненависть к гитлеровским захватчикам, героизм советских людей в тылу и на фронте, на захваченных врагом территориях, справедливость защиты Отечества. В годы войны было издано около 170 млн экземпляров художественных произведений[150]. Несомненный вклад в победу внесли советские композиторы и кинематографисты. Широкий размах приобрели выступления на фронтах концертных бригад, в составе которых находились популярные певцы и актеры: М. И. Жаров, И. С. Козловский, Н. А. Крючков, М. В. Михайлов, Л. А. Русланова, Е. В. Самойлов, А. К. Тарасова, М. А. Ладынина, Л. О. Утёсов, К. И. Шульженко и другие. За годы войны 3685 бригад дали для воинов свыше 1,3 млн спектаклей и концертов[151]. В целом, несмотря на трудности военного времени, общественные организации и творческие союзы активизировали свое участие в жизни страны, которое стало более эффективным.

Русская православная церковь на протяжении почти тысячи лет воспитывала русских людей на идеалах любви к ближнему, родной земле. Для православных людей патриотизм — это заложенное в самой природе человека чувство любви к Отечеству, выражающее общность интересов христианина с интересами Родины. Церковь идеологически цементировала общество, а в годину тяжких испытаний вдохновляла русских воинов и весь народ на борьбу с захватчиками.

Как знать, возможно, предвидя неизбежную жестокую схватку с фашизмом, руководство СССР осознало, что на этот многовековой опыт Церкви еще придется опереться при мобилизации духовных сил народа. Во всяком случае, некоторые признаки назревавших изменений политики государства в отношении религии и Церкви, во многом определяющих национальное сознание, обозначились уже в предвоенные годы.

По данным переписи населения 1937 г., о своей вере в Бога заявили более 45% населения СССР, две трети жителей сельской местности и не менее трети горожан[152]. Возрождая отдельные русские традиции, власть сочла необходимым умерить антирелигиозный пыл партийных лидеров и государственных чиновников. В ноябре 1939 г. Политбюро своим решением отменило указание В. И. Ленина от 1 мая 1919 г. «О борьбе с попами и религией». Одновременно утратили силу соответствующие инструкции, «касающиеся преследования служителей Русской православной церкви и православноверующих». Определенные послабления последовали тем гражданам, которые были осуждены по статьям закона, предусматривавшим уголовное преследование за отправление культа. По указанию высшего руководства страны Наркомат внутренних дел осуществил «ревизию» осужденных данной категории, чтобы «освободить из-под стражи и заменить наказание на не связанное с лишением свободы осужденным по указанным мотивам, если деятельность этих граждан не принесла вреда советской власти»[153]. Что и было сделано. Однако более полное развитие эта наметившаяся позитивная тенденция получила лишь в ходе войны.

Несомненно, репрессии, обрушившиеся в предвоенные годы на религиозных деятелей, нанесли огромный урон. Публикации средств массовой информации тех лет, отражавшие официальную точку зрения, пропагандировали, что религиозные организации приносят советскому обществу только вред и чем скорее оно избавится от «недобитых контрреволюционеров», тем лучше. Регулярная плановая расправа с религиозными деятелями всех

конфессий страны рассматривалась и И. В. Сталиным, и руководством НКВД как одно из главных направлений внутренней идеологической политики в предвоенные годы[154]. Среди многочисленных жертв репрессий были и рядовые сельские священники, и архиепископы, и ученые-богословы. Репрессивная политика была направлена против служителей православия и религиозных деятелей других вероисповеданий. Немало духовных лиц оказались в ссылке, в лагерях и тюрьмах. «За грехи свои» несли они тяжкий крест на Соловецких островах, в Сибири, на Дальнем Востоке. Были и такие, кому назначались меры более суровые. Митрополит Ювеналий говорил об этом в докладе «Тысячелетие крещения Руси» на торжественном собрании в Большом театре 10 июня 1988 г., отметив, что «церковь разделяла судьбу своих сограждан, репрессиям подвергались и верующие».

Патриотическому настрою верующих способствовала поддержка Русской православной церковью и духовенством других конфессий справедливых целей войны. Глава РПЦ Патриарший Местоблюститель митрополит Сергий 22 июня 1941 г. обратился к верующим с посланием, в котором призывал их помнить «не о личных опасностях, а о священном долге перед Родиной и верой». В мае 1942 г. в Уфе совещание при центральном духовном управлении мусульман приняло обращение к верующим с призывом защищать родную землю[155]. Патриотическую позицию разделяло руководство и других конфессий.

Страшная война, навязанная Советскому Союзу германским фашизмом, явилась серьезным испытанием для всех народов страны. Учитывая многонациональность и поликонфессиональность СССР, жестокие репрессии, которым подверглись последователи всех вероисповеданий, особенно мусульмане (вплоть до самого начала войны продолжались массовое закрытие мечетей и широкомасштабные репрессии в отношении религиозных деятелей), а также национальные обиды, нанесенные русификаторской политикой царского самодержавия и действиями советского режима, А. Гитлер и его окружение полагали, что нападение на Советский Союз будет способствовать обострению межнациональных противоречий и приведет к восстаниям мусульманских, буддистских, католических, лютеранских этнонациональных общностей против советской власти, к развалу державы.

При этом особые надежды нацистские лидеры возлагали на мусульман как наиболее крупное и, может быть, наиболее обиженное национальное меньшинство. Однако такие ожидания не оправдались. Сотни тысяч мусульман Советского Союза сразу же после начала войны, отставив в сторону обиды, нанесенные властью, решительно влились в ряды защитников своей Родины. Патриотическая позиция рядовых верующих и их духовных наставников нашла свое выражение в самых разных формах: активное участие в сражениях на фронте и в тылу врага, сбор средств в Фонд обороны, снабжение Красной армии оружием, снаряжением, продовольствием, поддержка семей воинов, ушедших на фронт, забота о миллионах сограждан, эвакуированных из районов боевых действий. Руководители мусульманских религиозных организаций, имамы мечетей в своих обращениях к верующим и в проповедях призывали правоверных, не жалея сил, сражаться с фашистскими захватчиками, оказывать всемерную помощь Красной армии, советскому государству в деле борьбы за освобождение оккупированных врагом земель и разгрома гитлеризма, молиться за победу.

Горе, страдания, которые принесла война, переживания за судьбу родных и близких привели в церкви многих новых прихожан, особенно женщин. Церковь для них была местом утешения, поддержки морального духа и веры в успешное завершение войны.

Во время служб в церквах проводился сбор пожертвований на вооружение Красной армии, содержание раненых и больных, для оказания помощи детям-сиротам, потерявшим своих родителей. 30 декабря 1943 г. в ответ на призыв митрополита Сергия церковные и приходские общины начали сбор средств на сооружение танковой колонны. Каждый верующий добровольно вносил в фонд, сколько мог. В результате только за четыре месяца 1943 г. было собрано 8 млн рублей на постройку танковой колонны имени Дмитрия Донского. Сбор пожертвований верующих продолжался всю войну. Всего в 1941–1945 гг. верующие собрали более 300 млн рублей. На их средства была создана также авиационная эскадрилья имени Александра Невского.

Укреплению надежд на возможность либерализации отношения государства к духовным запросам верующих, в частности мусульман, к их священной религии способствовал и такой факт. В марте 1943 г. И. В. Сталин направил телеграмму председателю Центрального духовного управления муфтию Габдрахману Расулеву с просьбой передать благодарность мусульманам, участвовавшим в сборе средств на постройку танковой колонны. Телеграмма И. В. Сталина была опубликована в печати вместе с телеграммой муфтия.

Сыновья и дочери мусульман Советского Союза выказали чудеса героизма, сражаясь с грозным врагом. Письма земляков воинам-мусульманам поднимали их моральный дух. Тем более что в этих письмах сообщалось о заботе, которую проявляет Родина об их семьях. Такое письмо в июне 1943 г. пришло на фронт и старшине Б. Абзалову, награжденному за храбрость орденом Отечественной войны 2-й степени, из Гиждуванского района Бухарской области. Односельчане писали, что они выстроили для его семьи новый дом, обеспечили двумя коровами, сшили детям новую одежду. Об этом писала «Правда Востока» 16 июня 1943 г.

Подавляющее большинство духовенства и верующих, оказавшихся на оккупированной территории, естественно, не поддерживали оккупантов. Священники оказывали помощь попавшим в плен советским военнослужащим, принимали участие в партизанском движении[156]. В то же время гитлеровцы пытались использовать Церковь в своих целях. Они открывали закрытые при советской власти церкви, принуждали священников проводить во время религиозных служб линию на поддержку германской армии. Партизаны с самого начала убивали попов, считая их пособниками оккупантов. Но постепенно все вставало на свои места. Уже с начала 1942 г. партизаны и подпольщики сориентировались. Они стали выделять священников, которые в своих проповедях открыто говорили о неизбежности победы русского оружия, служили молебны за здравие односельчан, находившихся в Красной армии. «Главное управление имперской безопасности, идя навстречу Церкви, делая, казалось, верный и совершенно беспроигрышный тактический ход в 1941 г., стратегически все равно проиграло. Не смогли немцы оценить силу патриотизма, заложенную в Русской православной церкви»[157].

Церковь осудила тех своих служителей, которые сотрудничали с оккупационной администрацией. Состоявшийся в Москве в сентябре 1943 г. Архиерейский собор особо отметил, что «всякий виновный в измене общецерковному делу и перешедший на сторону фашизма как противник Креста Господня, да числится отлученным, а епископ или клирик — лишенным сана»[158]. Отлучению от Церкви были подвергнуты, в частности, члены группы духовенства Белоруссии, которая в телеграмме А. Гитлеру благодарила его «за освобождение Белоруссии от московско-большевистского ига», епископ Владимиро-Волынский Поликарп (Сикорский), сотрудничавший с оккупантами, митрополит Алексий (Гранадский), благословивший украинских националистов, возглавляемых С. А. Бандерой[159]. На совести бойцов ОУН — УПА, которых по имени вождя стали называть бандеровцами, множество преступлений: истребление тысяч поляков, чехов, евреев, советских мирных граждан и военнослужащих.

Нацистская пропаганда всячески стремилась представить Третий рейх якобы защитником христианства, объявив войну против СССР «новым крестовым походом». Лицемерие этой пропаганды раскрывалось в посланиях главы РПЦ к пастве: «Гитлеровский молох продолжает вещать миру, будто он поднял меч «на защиту религии» и «спасение» якобы поруганной веры... Всему миру ясно, что фашистские изверги являются сатанинскими врагами веры и христианства. Фашистам с их убеждениями и деяниями, конечно, совсем не по пути за Христом и христианской культурой»[160].

В этих условиях советское руководство, и прежде всего И. В. Сталин, приняло решение изменить отношение властей к Русской православной церкви и другим конфессиям. В 1941 г. были ослаблены гонения на Церковь и антирелигиозная пропаганда, перестали издаваться журналы «Антирелигиозник» и «Безбожник». В то же время советское правительство поддерживалось церковнослужителями, которые активно включились в мобилизацию духовных сил народа на разгром нацистской Германии. Во время празднования дня Красной армии 23 февраля 1943 г. митрополит Сергий и И. В. Сталин обменялись посланиями. И. В. Ста-

лин от имени советского правительства выразил Церкви благодарность за оказываемую государству помощь. Эти документы, опубликованные в газете «Правда», имели большое общественно-политическое значение.

Улучшению отношения советского политического руководства к Церкви во многом способствовал и внешнеполитический аспект. Тенденция к улучшению отношений государства с церковью отчетливо проявилась как раз накануне встречи руководителей трех великих держав антигитлеровской коалиции в Тегеране. 4 сентября 1943 г. в Кремле состоялась встреча И. В. Сталина, В. М. Молотова и Л. П. Берии с высшими иерархами Русской православной церкви, которая закрепила начавшийся диалог и сотрудничество. На встрече был положительно решен вопрос об увеличении количества действующих церквей, возвращении из ссылок и тюрем ряда священнослужителей. 8 сентября 1943 г. Архиерейский собор избрал митрополита Сергия Патриархом Московским и всея Руси. Восстановление патриаршества явилось крупным общественным событием. При Совете народных комиссаров СССР был образован Совет по делам Русской православной церкви, регулировавший взаимоотношения государства с церковью. Правительство дало согласие на открытие духовных семинарий и академии для подготовки священнослужителей. Церковь получила право создавать предприятия для изготовления религиозной утвари и прочего, был разрешен печатный орган Московской патриархии. Но и после этого верующим было нелегко преодолевать различные бюрократические препятствия. Так, в Совет по делам Церкви только в 1944–1945 гг. поступило 5770 ходатайств об открытии церквей, из них было удовлетворено только 414[161].

Все лучшее в патриотической деятельности Русской православной церкви и других ведущих конфессий в годы Великой Отечественной войны дает основание для вывода о том, что религиозные организации страны, несмотря на предвоенные гонения и жесткий контроль в военный период, внесли значительный вклад в достигнутую Великую Победу.

Награды героям

К началу Великой Отечественной войны в СССР сложилась отражавшая свое время система наград и степеней отличия за воинские и трудовые подвиги. Высшие из них — звание Героя Советского Союза (учреждено 16 апреля 1934 г.), звание Героя Социалистического Труда (учреждено 27 декабря 1938 г.).

Удостоенному звания Героя Советского Союза вручались высшая награда СССР — орден Ленина и знак отличия — медаль «Золотая Звезда» (автор медали — архитектор М. И. Мержанов, учреждена 1 августа 1939 г.). Она изготавливалась из золота и с помощью соединительного кольца присоединялась к четырехугольной колодке, обтянутой муаровой лентой красного цвета. Первоначальный вариант колодки (до 1943 г.) не имел соединительного кольца и был меньше размером. Общая масса медали «Золотая Звезда» — 34,8 грамма. Первым кавалером «Золотой Звезды» стал летчик, герой-челюскинец А. В. Ляпидевский. К началу Великой Отечественной войны в стране насчитывалось 517 Героев Советского Союза.

Звание Героя Социалистического Труда являлось высшей степенью отличия за заслуги в области хозяйственного и социально-культурного строительства. Удостоенному этого звания вручались орден Ленина и знак отличия — золотая медаль «Серп и Молот» (учреждена 22 мая 1940 г.). Первым Героем Социалистического Труда стал И. В. Сталин (указ от 20 декабря 1939 г.).

История орденов Советской России началась 16 сентября 1918 г., когда декретом ВЦИК был учрежден орден Красного Знамени РСФСР. С 1 августа 1924 г. этот боевой орден стал общесоюзной высшей наградой, а с 6 апреля 1930 г. таковым являлся орден Ленина. В СССР развитие наградного дела продолжалось. 7 сентября 1928 г. был учрежден орден Трудового Красного Знамени, 6 апреля 1930 г. — орден Красной Звезды, 25 ноября 1935 г. — орден

«Знак Почета». Были учреждены и медали: «За отвагу» (17 октября 1938 г.), «За боевые заслуги» (17 октября 1938 г.), «За трудовую доблесть (27 декабря 1938 г.), «За трудовое отличие» (27 декабря 1938 г.).

В период войны орденом Ленина (авторы эскизов ордена — художники И. И. Дубасов, Н. Д. Шадр, П. И. Таёжный, С. И. Дмитриев) было произведено свыше 41 тыс. награждений. Орден Ленина вручался также городам и крепостям, которым были присвоены звания Город-Герой и Крепость-Герой.

Орден Трудового Красного Знамени (авторы рисунка ордена — художник В. К. Куприянов и медальер В. В. Голенецкий) был учрежден для награждения за большие трудовые заслуги перед Советским государством и обществом в области производства, науки, культуры, литературы, искусства, народного образования, здравоохранения, в государственной, общественной и других сферах трудовой деятельности. В период Великой Отечественной войны орденом Трудового Красного Знамени были награждены более 21,5 тыс. тружеников тыла.

Орден «Знак Почета» (автор проекта ордена — художник Д. С. Голядкин) был учрежден для награждения за высокие достижения в производстве, научно-исследовательской, государственной, социально-культурной, спортивной и иной общественно полезной деятельности, а также за проявления гражданской доблести. Всего за время существования ордена «Знак Почета» было произведено свыше 1,5 млн награждений, в том числе 66 тыс. в годы Великой Отечественной войны.

Орден Красного Знамени (автор проекта — художник В. В. Денисов) был учрежден для награждения за особую храбрость, самоотверженность и мужество, проявленные при защите Отечества. Первым кавалером ордена Красного Знамени стал Маршал Советского Союза В. К. Блюхер. За многолетнюю историю ордена было произведено около 600 тыс. награждений. Многие советские военачальники несколько раз награждались этим орденом. Так, маршал авиации И. И. Пстыго удостаивался ордена Красного Знамени семь раз, Маршалы Советского Союза С. М. Будённый, К. Е. Ворошилов, К. К. Рокоссовский, главный маршал авиации А. И. Колдунов, генералы армии А. Л. Гетман, С. П. Иванов, И. Г. Павловский, Е. Е. Мальцев, А. И. Радзиевский и другие — шесть раз, Маршалы Советского Союза К. С. Москаленко, С. К. Тимошенко — пять раз. Всего за годы войны состоялось 238 тыс. награждений орденом Красного Знамени. Среди них — более 3270 награждений соединений, частей, подразделений и предприятий.

Орден Красной Звезды (авторы проекта ордена — В. К. Куприянов и В. В. Голенецкий) — военный орден. Награждение орденом производилось за личное мужество и отвагу в боях, отличную организацию и умелое руководство боевыми действиями, а также за большие заслуги в деле обороны Союза ССР как в военное, так и в мирное время, в обеспечении государственной безопасности. Впоследствии орден Красной Звезды вручался за выслугу лет, чем был сильно обесценен как военный орден. Первым кавалером ордена Красной Звезды стал Маршал Советского Союза В. К. Блюхер. Ему был вручен орденский знак № 1. В годы Великой Отечественной войны орденом Красной Звезды было произведено более 2 млн 860 тыс. награждений. В числе награжденных 1740 воинских частей и соединений (в том числе 14 чехословацких и польских частей, воевавших на территории СССР). А всего орденом было произведено около 4 млн награждений.

До начала Великой Отечественной войны среди награжденных орденами и медалями СССР значились свыше 100 тыс. военнослужащих[162]. Награждение производилось только указами Президиума Верховного Совета СССР. В годы Великой Отечественной войны право награждения военнослужащих было предоставлено различным категориям военного командования, а также были разработаны дополнительные правила и условия представления к награждению и поощрения бойцов и командиров. Право награждения орденами и медалями СССР сохранялось за военным командованием до 1947 г.

Всенародным чествованием героев битвы с фашизмом стало учреждение новых орденов и медалей, носящих славные имена наших предков. Тем самым эстафета подвига во имя Отчизны продлевалась далеко за пределы советской истории — в глубину веков ратоборства

России с захватчиками и поработителями. Боевые традиции, мужество и храбрость пращуров как бы вновь воскресали во всей своей славе в подвигах их наследников.

Самым «победоносным» из новых наград стал орден, носящий имя великого русского генералиссимуса А. В. Суворова, подарившего России небывалые победы и «Науку побеждать». Автором проекта ордена А. В. Суворова является архитектор Центрального военно-проектного института П. И. Скокан. При награждении орденами Суворова 1, 2 и 3-й степеней главнейшим и непременным условием было успешное проведение боевых операций меньшими, чем у противника, силами. Высшей степенью ордена является 1-я степень, которой награждались командующие фронтами и армиями, их заместители, начальники штабов, начальники оперативных управлений и оперативных отделов и начальники родов войск (артиллерии, воздушных сил, бронетанковых и минометных) фронтов и армий. Орденом Суворова 2-й степени награждались командиры корпусов, дивизий и бригад, их заместители и начальники штабов. Орденом Суворова 3-й степени награждались командиры полков, батальонов и начальники штабов полков, а с 8 февраля 1943 г. и командиры рот.

Знак ордена Суворова 1-й степени представляет собой платиновую выпуклую пятиконечную звезду, поверхность которой выполнена в виде расходящихся лучей. В середине звезды, в ободке, золотой круг, покрытый темно-серой эмалью с красной эмалевой полоской в верхней части круга и красной эмалевой звездочкой в середине верхнего луча звезды, с надписью в верхней части по окружности золотыми буквами «АЛЕКСАНДР СУВОРОВ». Нижняя часть круга окаймлена золотым лаврово-дубовым венком. В центре круга расположено накладное золотое полированное погрудное рельефное изображение А. В. Суворова (с гравюры 1818 г. работы художника Н. И. Уткина). Надпись «АЛЕКСАНДР СУВОРОВ» на орденах 2-й и 3-й степеней выполняется красной эмалью. Эмалевая красная звездочка в верхнем луче звезды у ордена второй и третьей степени отсутствует. Знак ордена Суворова 2-й степени изготавливается из золота. Круг в середине звезды, изображение А. В. Суворова и венок изготовляются из серебра. Знак ордена Суворова 3-й степени изготовляется целиком из серебра.

Первыми кавалерами ордена Суворова 1-й степени (указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 января 1943 г.) стали выдающиеся полководцы Красной армии: представители Ставки ВГК маршал Г. К. Жуков (орденский знак № 1) и генерал А. М. Василевский (знак № 2), маршал артиллерии Н. Н. Воронов (знак № 3), командующие фронтами генералы Н. Ф. Ватутин (знак № 4), К. К. Рокоссовский (знак № 5), Ф. И. Толбухин (знак № 6), Л. А. Говоров (знак № 7). За годы войны 51 военачальник дважды награждался орденом Суворова 1-й степени, а 18 человек — трижды. Первыми кавалерами ордена Суворова 2-й степени стали танкисты генералы В. М. Баданов, П. А. Ротмистров, В. Т. Вольский, Е. Г. Пушкин и другие. Руководимые ими танковые соединения отличились в боях по разгрому противника на Дону и Волге. Так, танкисты 24-го танкового корпуса под командованием генерала В. М. Баданова с 17 по 24 декабря, пройдя по вражеским тылам около 300 км, уничтожили в боях около 7 тыс. солдат и офицеров, разгромили крупный вражеский аэродром, захватили эшелон с новыми самолетами, большое количество военного имущества неприятеля, уничтожили более 200 вражеских боевых машин. Первым кавалером ордена Суворова 3-й степени стал командир 104-й отдельной стрелковой бригады полковник Э. Н. Гаранин. Всего орденами Суворова 1, 2 и 3-й степеней произведено 7268 награждений, в том числе 1529 соединений, частей и военно-учебных заведений.

В основу статута ордена Кутузова 1, 2 и 3-й степеней были заложены кутузовские боевые качества: умелая, цепкая оборона, малые потери живой силы, изматывание противника и затем переход в решительное контрнаступление. Высшей степенью ордена является 1-я степень, которой награждались командующие фронтами и армиями, их заместители и начальники штабов. Орденом Кутузова 2-й степени награждались командиры корпусов, дивизий, бригад и начальники штабов, а 3-й степени — командиры полков, батальонов, рот и начальники штабов полков.

Орден Кутузова 1-й степени изготавливается из золота и представляет собой изображение выпуклой пятиконечной звезды, поверхность которой выполнена в виде расходящихся

лучей. Середина звезды представляет собой круг, покрытый белой эмалью с золотым лавро-во-дубовым венком по окружности, перевитым внизу красной эмалевой лентой. В центре круга золотое рельефное изображение М. И. Кутузова на фоне серебряной кремлевской башни, увенчанной пятиконечной звездочкой, покрытой рубиново-красной эмалью. Вокруг изображения М. И. Кутузова на белой эмалевой ленте надпись «МИХАИЛ КУТУЗОВ». Ободки ленты и надпись золотые. Промежутки между концами золотой звезды покрыты пятью пучками серебряных лучей, выходящих из-под белой эмалевой ленты. Знак ордена Кутузова 2-й степени изготавливается из серебра, без венка по кругу.

В числе первых орденом Кутузова 1-й степени были награждены командующие фронтами: генерал армии И. В. Тюленев, генерал-полковник М. А. Пуркаев, начальники штабов фронтов генерал-лейтенанты Г. Ф. Захаров и М. С. Малинин, командующие армиями генерал-лейтенанты И. В. Галанин (орденский знак № 1), К. И. Галицкий, А. С. Жадов, К. А. Коротеев, П. Л. Романенко, В. З. Романовский, И. И. Федюнинский. Среди первых кавалеров ордена Кутузова 2-й степени — генералы А. Г. Селиванов, В. Ф. Герасименко, П. М. Козлов, К. С. Мельник; ордена Кутузова 3-й степени (указ от 7 августа 1943 г.) — майор Н. П. Губин, однако знак № 1 был вручен начальнику штаба артиллерии армии М. Т. Парфёнову (указ от 21 сентября 1943 г.). Всего орденом Кутузова 1, 2 и 3-й степеней было произведено 7329 награждений, в том числе 1590 частей и соединений.

Орденом Александра Невского награждались командиры дивизий, бригад, полков, батальонов, рот и взводов. Знак ордена Александра Невского представляет собой выпуклую, покрытую рубиново-красной эмалью пятиконечную звезду на фоне десятиконечной правильной фигуры, на поверхности которой расположены расходящиеся полированные лучи. Красная звезда имеет позолоченные ободки. В середине звезды — круглый окованный щит с рельефным изображением Александра Невского и надписью по окружности выпуклыми буквами: «АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ». Щит окаймлен лавровым позолоченным венком. Нижние концы ветвей венка покрыты фигурным щитком с позолоченным изображением на нем серпа и молота. На фоне лучей десятиконечной фигуры изображены концы двух позолоченных бердышей, скрещенных позади круглого щита. В нижней части ордена скрещены позади фигурного щитка позолоченные меч, копье, лук и колчан со стрелами. Знак ордена Александра Невского изготавливался из серебра.

Впервые награждение орденом Александра Невского произведено 5 ноября 1942 г. Первым кавалером стал командир батальона морской пехоты старший лейтенант И. Н. Рубан. Ныне установлено, что орден Александра Невского № 1 никому не вручался, а был оставлен на хранение в музее Монетного двора. Орденский знак № 2 вручен капитану С. П. Цыбулину (62-я армия). Всего же орденом Александра Невского было произведено свыше 42,1 тыс. награждений, в том числе 1473 воинские части и соединения Красной армии и Военно-морского флота[163]. Ордена Александра Невского были удостоены также 59 иностранных граждан, в том числе летчики легендарного полка «Нормандия — Неман».

В дни, когда велась борьба за освобождение Украины от немецких захватчиков, 10 октября 1943 г. был учрежден орден Богдана Хмельницкого 1, 2 и 3-й степеней. Предложение об учреждении этого ордена было внесено кинорежиссером А. П. Довженко. В советской наградной системе это был единственный орден с надписью на украинском языке, хотя официально об этом не было нигде сообщено. Знак ордена Богдана Хмельницкого 1-й степени представляет собой изображение выпуклой пятиконечной звезды, поверхность которой выполнена в виде расходящихся лучей. Середина звезды представляет собой золотой круг, окаймленный серебряным фигурным ободком. В центре круга золотое рельефное погрудное изображение Богдана Хмельницкого с булавой в правой руке. В верхней части круга по краю надпись на украинском языке «БОГДАН ХМЕЛЬНИЦЬКИЙ». Промежутки между концами золотой звезды покрыты пятью пучками серебряных лучей, выходящих из-под фигурного ободка. Знак ордена изготавливается из золота с серебряными пучками лучей и серебряным ободком по кругу. Знак ордена Богдана Хмельницкого 2-й степени отличается тем, что выпуклая пятиконечная звезда выполнена не из золота, как в ордене первой степени, а из серебра.

Круг в центре звезды выполнен из золота, как в ордене первой степени. Знак ордена Богдана Хмельницкого 3-й степени выполнен полностью из серебра.

В числе первых орденом Богдана Хмельницкого 1-й степени были награждены начальник штаба 1-го Украинского фронта генерал-лейтенант А. Н. Боголюбов, командующие армиями генерал-полковники А. А. Гречко и К. С. Москаленко, генерал-лейтенанты Н. А. Гаген, Ф. Ф. Жмаченко, Н. П. Пухов, И. Д. Черняховский, генерал-лейтенант танковых войск М. Е. Катуков, генерал-лейтенант авиации С. А. Красовский. Орден Богдана Хмельницкого № 1 был вручен командующему 12-й армией генерал-майору А. И. Данилову. Под его руководством армия в результате глубокого маневра 14 октября 1943 г. освободила г. Запорожье. Всего орденом Богдана Хмельницкого было произведено 8451 награждение, в том числе 1076 частей и соединений.

8 ноября 1943 г. Президиум Верховного Совета СССР учредил высший военный орден Победы для награждения высшего командного состава за успешное проведение боевых операций в масштабе нескольких фронтов или одного фронта, в результате которых обстановка в корне менялась в пользу Красной армии или Объединенных Наций. Знак ордена Победы представляет собой выпуклую пятиконечную рубиновую звезду, окаймленную бриллиантами. В промежутках между концами звезды расходящиеся лучи, усеянные бриллиантами. Середина звезды представляет собой круг (медальон), покрытый голубой эмалью, окаймленный платиновым с нанесением позолоты лаврово-дубовым венком, в центре которого изображение Кремлевской стены с мавзолеем Ленина и Спасской башней в центре. Над изображением надпись белыми эмалевыми буквами «СССР». Характерная особенность лаврово-дубовых венков состоит в том, что они не похожи один на другой, поскольку сделаны ручным способом. В нижней части круга на красной эмалевой ленточке надпись белыми эмалевыми буквами «Победа». Знак ордена Победы изготавляется из платины. Общий вес бриллиантов — 16 карат. Для награжденных орденом Победы была учреждена мемориальная доска для внесения на нее имен кавалеров ордена Победы. Мемориальная доска установлена в Большом Кремлевском дворце.

За выдающиеся заслуги в Великой Отечественной войне орденом Победы были награждены 16 советских и иностранных военачальников. Этого ордена удостоились: И. В. Сталин (дважды), А. М. Василевский (дважды), Г. К. Жуков (дважды), Л. А. Говоров, И. С. Конев, Р. Я. Малиновский, К. А. Мерецков, К. К. Рокоссовский, С. К. Тимошенко, Ф. И. Толбухин, А. И. Антонов. 6 июня 1945 г. указом Президиума Верховного Совета СССР орденом Победы были награждены верховный главнокомандующий экспедиционными силами союзников в Западной Европе генерал армии США Д. Эйзенхауэр и фельдмаршал Б. Монтгомери (Великобритания), командующий группой союзных армий, высадившихся в Нормандии. 6 июля 1945 г. орденом Победы был награжден румынский король Михай I, а в августе 1945 г. — маршал Польши М. Роля-Жимерский. Пятым иностранным гражданином, награжденным высшим военным орденом СССР, стал председатель Национального комитета освобождения Югославии, верховный главнокомандующий Народно-освободительной армией Югославии маршал И. Б. Тито.

Особое место в ряду правительственных наград СССР занимал орден Славы, который был учрежден Президиумом Верховного Совета СССР 8 ноября 1943 г. для награждения рядового и сержантского состава за личную храбрость, мужество и бесстрашие. Знак ордена Славы представляет собой пятиконечную звезду размером между противолежащими вершинами 46 мм. Поверхность лучей звезды слегка выпуклая. На лицевой стороне в средней части звезды — круг-медальон диаметром 23,5 мм с рельефным изображением Кремля со Спасской башней в центре. По окружности медальона — лавровый венок. В нижней части круга выпуклая надпись «СЛАВА» на красной эмалевой ленточке. На оборотной стороне ордена — круг диаметром 19 мм с рельефной надписью в середине «СССР». По краю звезды и круга на лицевой стороне — выпуклые бортики. Знак ордена 1-й степени изготавливается из золота. Знак ордена 2-й степени изготавливается из серебра, причем круг с изображением Кремля со Спасской башней позолочен. Знак ордена 3-й степени серебряный, без

золочения в центральном круге. Для орденской ленты был избран оранжево-черный цвет, повторявший цвет самой почетной боевой награды дореволюционной России — ордена Святого Георгия, более известного как Георгиевский крест. Награжденным орденами Славы трех степеней были установлены определенные льготы и преимущества наравне с Героем Советского Союза.

Орден Славы 3-й степени № 1 был вручен наводчику роты противотанковых ружей (ПТР) 109-го стрелкового полка 74-й стрелковой дивизии рядовому И. В. Харину. В боях за деревню Дмитриевка 14–16 ноября 1943 г. из противотанкового ружья он поджег два средних танка и автомашину с грузом противника, чем способствовал успеху своего подразделения. До этого И. В. Харин был награжден орденом Красной Звезды и медалью «За боевые заслуги». Орден Славы 2-й степени № 1 получил командир отделения батальона автоматчиков 1-й гвардейской танковой бригады младший сержант В. П. Блинков, отличившийся 26 марта 1944 г. в боях за г. Кальмиц Станиславской области. Орденом Славы 3-й степени он был отмечен в наступательных боях зимой 1943–1944 гг. Первыми кавалерами ордена Славы трех степеней стали ефрейтор М. Т. Питенин и старший сержант К. К. Шевченко (указ от 29 июля 1944 г.). Всего кавалерами ордена Славы трех степеней стали 2638 человек. Среди них четыре женщины: снайпер Н. П. Петрова (награждена посмертно), пулеметчик сержант Д. Ю. Станилиене, медицинская сестра старшина М. С. Нечепорук и воздушный стрелок-радист гвардии старшина Н. А. Журкина. Полные кавалеры ордена Славы А. В. Алешин, И. Г. Драченко, П. Х. Дубинда и Н. И. Кузнецов — одновременно и Герои Советского Союза. Орденом Славы 2-й степени были награждены 46 473 человека, 3-й — около 980 тыс. человек.

Одним из первых орденов, учрежденных в годы Великой Отечественной войны, является орден Отечественной войны 1-й и 2-й степеней (указ от 20 мая 1942 г.). Статут нового ордена подробно и конкретно определял подвиги и заслуги, за которые могло быть произведено награждение им. Знак ордена Отечественной войны 1-й степени представляет собой изображение выпуклой пятиконечной звезды, покрытой рубиново-красной эмалью на фоне золотых лучей, расходящихся в виде пятиконечной полированной звезды, концы которой размещены между концами красной звезды. В середине красной звезды — золотое изображение серпа и молота на рубиново-красной круглой пластинке, окаймленной белым эмалевым пояском, с надписью «ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА» и с золотой звездочкой в нижней части пояска. Красная звезда и белый поясок имеют золотые ободки. На фоне лучей золотой звезды изображены концы винтовки и шашки, скрещенных позади красной звезды. Приклад винтовки обращен вправо вниз, эфес шашки — влево вниз. Изображения винтовки и шашки оксидированы. Знак ордена Отечественной войны 1-й степени изготавливается из золота и серебра. Знак ордена Отечественной войны 1-й степени, в отличие от ордена 1-й степени, изготовлялся из серебра. Нижняя лучистая звезда полирована. Изображение винтовки и шашки оксидировано. Остальные части ордена, не покрытые эмалью, позолочены.

Орден Отечественной войны стал первой фронтовой наградой. Его учреждение совпало по времени с тяжелыми боями советских войск в Крыму и под Харьковом. В числе первых награжденных орденом Отечественной войны 1-й степени (указ от 2 июля 1942 г.) были воины-артиллеристы: капитан И. И. Криклий, младший политрук И. К. Стаценко, старший сержант А. В. Смирнов, отличившиеся в ожесточенных боях на харьковском направлении. В мае 1942 г. артиллеристами гвардейского дивизиона капитана И. И. Криклия за два дня непрерывных боев было уничтожено 32 танка противника. Сам он лично подбил пять боевых машин, но был смертельно ранен в бою. Старший сержант А. В. Смирнов со своим расчетом бесстрашно отражал танковые атаки врага. Когда погибли все номера расчета, он продолжал вести огонь из орудия. Он стрелял даже после того, когда осколком снаряда ему оторвало кисть руки. Всего в бою отважный воин уничтожил шесть немецких танков. Политрук И. К. Стаценко не только руководил подчиненными, но и сам уничтожил несколько боевых машин врага.

Орденом Отечественной войны 1-й степени в годы сражений были награждены многие тысячи представителей различных родов войск, а также более 12 тыс. партизан[164]. За активное

участие в борьбе против нацистской Германии, за мужество и доблесть в годы войны более тысячи граждан из 16 зарубежных стран удостоились ордена Отечественной войны. Всего за годы войны этим орденом было произведено награждений: орденом 1-й степени — около 350 тыс., 2-й степени — свыше 1 млн. В связи с 40-летием Победы указом Президиума Верховного Совета СССР от 11 марта 1985 г. практически все участники сражений с фашизмом награждены орденами Отечественной войны 1-й и 2-й степеней.

Более чем 300-летняя история российского Военно-морского флота богата замечательными боевыми победами. Особое место в когорте героев, покрывших неувядаемой славой его боевые знамена, принадлежит замечательным русским флотоводцам адмиралам Ф. Ф. Ушакову и П. С. Нахимову. Их имена увековечены в наградах Великой Отечественной войны. Для награждения личного состава ВМФ за отличия и заслуги, проявленные в боях, Президиум Верховного Совета СССР 3 марта 1944 г. учредил ордена Ушакова 1-й и 2-й степеней, Нахимова 1-й и 2-й степеней, медали Ушакова и Нахимова.

Знак ордена Ушакова 1-й степени (автор рисунка ордена — капитан 1 ранга, впоследствии вице-адмирал Б. М. Хомич) представляет собой платиновую выпуклую пятиконечную звезду, поверхность которой выполнена в виде расходящихся лучей. В середине звезды в ободке, выполненном в виде троса, золотой круг, покрытый голубой эмалью, с надписью золотыми буквами в верхней части по окружности: «АДМИРАЛ УШАКОВ». В центре круга расположено золотое полированное погрудное рельефное изображение Ф. Ф. Ушакова. Круг с ободком наложен на черный (оксидированный) якорь, к скобе которого прикреплена черная (оксидированная) якорцепь, обрамляющая круг. Под кругом, поверх якорцепи и рогов якоря, наложены золотые лавровая и дубовая ветви, на соединении которых помещено золотое изображение серпа и молота. Знак ордена Ушакова 2-й степени отличается тем, что звезда знака золотая, круг с ободком покрыт голубой эмалью, буквы надписи и погрудное изображение Ф. Ф. Ушакова серебряные, а под кругом на тренде якоря помещено серебряное изображение серпа и молота. Знак ордена Ушакова 2-й степени лаврово-дубовых ветвей не имеет.

Орденом Ушакова 1-й степени был награжден командующий Балтийским флотом вице-адмирал В. Ф. Трибуц за умело проведенную совместно с Ленинградским фронтом операцию по освобождению Эстонии. В числе первых орденом Ушакова 1-й степени также были награждены командир бригады подводных лодок Черноморского флота контр-адмирал П. И. Болтунов и командующий военно-воздушными силами Черноморского флота генерал-лейтенант авиации В. В. Ермаченков, особо отличившиеся при освобождении Крыма. Всего орденом Ушакова 1-й степени было сделано 47 награждений, в том числе 10 награждений соединений, частей и учебных заведений ВМФ; 2-й степени — 194 награждения, в том числе 13 награждений соединений и частей ВМФ.

Знак ордена Нахимова 1-й степени представляет собой выпуклую пятиконечную рубиновую звезду, имеющую окантовку из черного (оксидированного) металла, образующую по концам лучей лапы якорей. Основа звезды и окантовка серебряные. В середине звезды в черном ободке золотой круг, покрытый голубой эмалью, с надписью в верхней части по окружности «АДМИРАЛ НАХИМОВ». В центре круга расположено золотое полированное погрудное рельефное изображение П. С. Нахимова. В нижней части круга под изображением П. С. Нахимова две лавровые ветви, изогнутые по окружности, на соединении которых помещено изображение серпа и молота, а по краю круга нанесено изображение из выпуклых точек. Между концами рубиновой звезды, обрамляя золотой круг, проложены звенья якорцепи, из-под которых выходят пучки золотых расходящихся лучей. Знак ордена Нахимова 2-й степени отличается тем, что звезда знака покрыта рубиново-красной эмалью, а круг в середине звезды со всеми изображениями на нем и лучи, выходящие из-под звеньев якорцепи, серебряные. Знак ордена 1-й степени изготавливается из золота и серебра, а 2-й степени — из серебра.

Первым кавалером ордена Нахимова 1-й степени стал генерал-лейтенант береговой службы П. А. Моргунов. Руководимые им силы береговой обороны Черноморского флота успешно срывали все попытки врага остановить наступление советских войск на Севастополь,

который был освобожден 9 мая 1944 г. Самым первым ордена Нахимова 2-й степени удостоился летчик 46-го штурмового авиационного полка Северного флота младший лейтенант Н. И. Васин (приказ командующего флотом от 5 апреля 1944 г.). Всего орденом Нахимова 1-й степени было произведено 82 награждения, в том числе четыре части и соединения ВМФ, а 2-й степени — 469 награждений, в том числе две части ВМФ.

Первыми награжденными медалью Ушакова стали: на Черноморском флоте — мичманы С. В. Горохов, В. П. Степаненко и старшина 1-й статьи В. И. Шевбунов; на Северном флоте — старшина 2-й статьи Н. В. Фадеев; на Балтийском флоте — старший краснофлотец А. К. Афанасьев, старшины 1-й статьи Н. В. Беляев и Е. А. Бычинский. В связи с 50-летием школы юнг на Соловецких островах указом Президента Российской Федерации от 7 июля 1992 г. медалью Ушакова были награждены около тысячи граждан Российской Федерации, бывших юнг, принимавших непосредственное участие в боевых действиях.

Одними из первых медалью Нахимова были награждены: разведчики сержант И. А. Колосов, краснофлотцы Е. В. Толстов и Ф. Г. Мошков (Северный флот), краснофлотец Н. Д. Белик, старшина 1-й статьи Г. И. Беликов, главный старшина И. Ф. Белкин (Черноморский флот), краснофлотец Н. Г. Вавилкин, старшина 1-й статьи В. А. Васильев, краснофлотец А. С. Гаврилов (Балтийский флот).

Одной из наиболее почитаемых медалей в годы войны являлась медаль «За отвагу». Она была учреждена еще 17 октября 1938 г. (автор рисунка медали — художник С. И. Дмитриев). За годы Великой Отечественной войны медалью «За отвагу» было произведено свыше 4 млн 230 тыс. награждений. Другой медалью, учрежденной еще в предвоенные годы вместе с медалью «За отвагу», была медаль «За боевые заслуги». В период войны медалью «За боевые заслуги» было произведено 5 210 078 награждений.

В Великой Отечественной войне, еще более массово, чем в Отечественной войне 1812 г., проявились замечательные патриотические качества народа. Великим памятником доблести и славы вечно будут жить в истории славные подвиги героических защитников Ленинграда и Москвы, Одессы и Севастополя, Сталинграда и Киева, Кавказа и Заполярья. Государство отметило героическую оборону этих городов и территорий, учредив 22 декабря 1942 г. медали «За оборону Ленинграда», «За оборону Одессы», «За оборону Севастополя», «За оборону Сталинграда», 1 мая 1944 г. — медали «За оборону Москвы» и «За оборону Кавказа». 2 февраля 1943 г. была учреждена особая медаль «Партизану Отечественной войны», которая имела две степени, 5 декабря 1944 г. — медаль «За оборону Советского Заполярья» и 21 июня 1961 г. — «За оборону Киева». Весь мир выражал свое восхищение стойкостью и бесстрашием советских воинов, заслуживших эти награды. 9 июня 1945 г. Президиум Верховного Совета СССР учредил памятные медали: «За взятие Будапешта», «За взятие Кёнигсберга», «За взятие Вены», «За взятие Берлина», «За освобождение Белграда», «За освобождение Варшавы», «За освобождение Праги». Указанные награды были вручены непосредственным участникам этих событий.

В ознаменование окончания войны и разгрома фашистской Германии были учреждены медали: «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» (указ от 9 мая 1945 г., авторы медали — художники Е. М. Романов и И. К. Андрианов) и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» (указ от 6 июля 1945 г., авторы рисунка медали — художники Е. М. Романов и И. К. Андрианов). Первой медалью награждались все военнослужащие, принимавшие участие в войне в составе действующей армии, а также лица, не принимавшие участие в военных действиях, но прослужившие определенное время в рядах Красной армии и внесшие вклад в победу над оккупантами, а также партизаны и подпольщики. Этой медалью были награждены около 15 млн человек.

Медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» награждались работники промышленности, транспорта, сельского хозяйства, деятели науки и культуры, работники государственных и общественных организаций, обеспечивавшие своим трудом победу Советского Союза над фашистской Германией. Всего этой медалью были награждены более 16,1 млн человек.

После разгрома на Дальнем Востоке Японии была учреждена медаль «За победу над Японией» (указ от 30 сентября 1945 г.). Этой медалью награждались непосредственные участники боев. Ее получили более 1,8 млн чел.

Всего за боевые подвиги и отличия за период Великой Отечественной и Советско-японской войн по состоянию на 1 января 1946 г. было произведено 13 млн награждений, в том числе за боевые подвиги и отличия в боях с немецкими захватчиками — более 12 млн.[165] Из общего числа произведенных награждений звание Героя Советского Союза присвоено 11 681 человеку (в том числе 640 удостоены в послевоенные годы). Награждены второй медалью «Золотая Звезда» — 104, третьей медалью «Золотая Звезда» — три человека. Среди удостоенных высшей степени отличия в годы войны представители многих наций и народностей, населявших СССР[166]. Всего орденами произведено более 5,3 млн награждений, а медалями — 7 млн 587 тыс. награждений. По годам число награждений распределяется следующим образом: в 1941 г. — более 32 тыс. человек, в 1942 г. — более 395 тыс., в 1943 г. — более 2 млн, в 1944 г. — более 4 млн, в 1945 г. — более 5 млн человек.

Единственным в стране четырежды Героем Советского Союза стал полководец Маршал Советского Союза Г. К. Жуков. Первым в стране тремя медалями «Золотая Звезда» награжден А. И. Покрышкин (24 мая 1943 г., 24 августа 1943 г., 19 августа 1944 г.). Во время войны он был заместителем командира и командиром эскадрильи, командиром истребительного авиационного полка, затем истребительной авиационной дивизии. На фронте — с первого дня войны. Тремя медалями «Золотая Звезда» награжден еще один прославленный летчик — И. Н. Кожедуб (4 февраля 1944 г., 19 августа 1944 г., 18 августа 1945 г.).

В ожесточенных схватках с врагом с первых дней войны проявились высокие качества военнослужащих всех родов войск. На всем протяжении границы стойко отражали удары агрессора пограничники. За подвиги, совершенные в первые дни войны, 11 бойцов и командиров-пограничников удостоены звания Героя Советского Союза. Первым Героем Советского Союза в стрелковых войсках стал командир 1-й мотострелковой дивизии 2-й армии Западного фронта полковник Я. Г. Крейзер (22 июля 1941 г.), в кавалерии — командир 134-го кавалерийского полка 28-й кавалерийской дивизии майор Б. А. Кротов (9 ноября 1941 г.), в артиллерии — наводчик орудия противотанковой батареи 680-го стрелкового полка 169-й стрелковой дивизии красноармеец Я. Х. Кольчак (28 августа 1941 г.). 22 июля 1941 г. в числе первых звание Героя Советского Союза было присвоено воину-танкисту, командиру 19-й танковой дивизии 22-го механизированного корпуса генералу К. А. Семенченко. В инженерных войсках первым был удостоен звания Героя Советского Союза помощник командира саперного взвода 184-го отдельного саперного батальона 7-й армии красноармеец В. В. Карандаков (20 ноября 1941 г.). Первым Героем Советского Союза в ВВС стал Н. Ф. Гастелло (26 июля 1941 г.). Самоотверженно сражались военные моряки. 13 июля 1941 г. звание Героя Советского Союза было присвоено помощнику командира взвода Мурманского укрепленного района старшему сержанту В. П. Кислякову — первому в Военно-морском флоте.

Вклад ученых, конструкторов военной техники, вооружения, тружеников тыла в годы Великой Отечественной войны отмечен званием Героя Социалистического Труда. Одним из первых были удостоены этого звания народный комиссар авиационной промышленности А. И. Шахурин, его заместители П. В. Дементьев и П. А. Воронин, директор авиационного завода А. М. Третьяков (указ от 8 сентября 1941 г.). Героями Труда стали также конструктор одного из первых образцов реактивного оружия А. Г. Костиков (28 июля 1941 г.), конструктор танков Ж. Я. Котин и директор Кировского завода в Ленинграде И. М. Зальцман (19 сентября 1941 г.), авиаконструктор С. В. Илюшин (25 ноября 1941 г.).

После войны выяснилось, что около 3 млн наград оказались неврученными. Главной из причин была сама война. Награжденные уходили в новые бои, погибали, умирали от ран. Сказались и большие перемещения личного состава в войсках. И наконец, монетные дворы не успевали изготавливать орденские знаки. Только в 1944 г. было недодано более 1 млн орденов и медалей. Благодаря принятым мерам более 2 млн наград обрели за послевоенные годы своих владельцев. Розыск продолжается и поныне.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: Мировые войны XX века: в 4 кн. М., 2005. Кн. 4. С. 213.

[2] Военная энциклопедия: в 8 т. М., 1994. Т. 2. С. 467–468.

[3] Единство фронта и тыла в Великой Отечественной войне (1941–1945) // Материалы Всероссийской научно-практической конференции 21–22 апреля 2005 г. М., 2007. С. 33–34.

[4] Военная энциклопедия. Т. 2. С. 468.

[5] *Падерин А. А., Томан Б. А.* Государство и общество в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). М., 2002. С. 120.

[6] Военная энциклопедия: в 8 т. Т. 5. М., 2001. С. 183.

[7] Там же. Т. 8. М., 2004. С. 159.

[8] Там же. С. 126–127.

[9] *Кондакова Н. И.* Война, государство, общество. 1941–1945. М., 2002. С. 54.

[10] *Черепанов В. В.* Власть и война. Сталинский механизм государственного управления в Великой Отечественной войне. М., 2006. С. 468.

[11] *Мединский В. Р.* Война. Мифы СССР. 1939–1945. М., 2011. С. 179.

[12] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 8. Д. 41. Л. 1.

[13] Там же. Л. 28.

[14] *Мединский В. Р.* Указ. соч. С. 171–172.

[15] Война и общество в XX веке: в 3 кн. М., 2008. Кн. 2. С. 202.

[16] См.: *Горьков Ю. А.* Кремль. Ставка. Генштаб. Тверь, 1995. С. 252–262, 301.

[17] ГАРФ. Ф. 7523; Ведомости Верховного совета СССР 1941–1942 гг.

[18] *Падерин А. А., Томан Б. А.* Указ. соч. С. 185–186.

[19] *Калинин М. И.* Вопросы советского строительства. М., 1958. С. 670.

[20] Конституция и конституционные акты Союза ССР (1922–1936). Сб. документов. М., 1940. С. 186–187.

[21] *Куликова Г. Б.* Советский тыл в Великой Отечественной войне. Кн. 1. М., 1974. С. 86.

[22] *Лотарева М. И.* Деятельность местных органов народовластия по организации материальной и духовной поддержки обороны страны в годы Великой Отечественной войны (1942–1945). М., 2007. С. 24–25.

[23] *Черепанов В. В.* Указ. соч. С. 466.

[24] *Мединский В. Р.* Указ. соч. С. 615.

[25] Военно-исторический журнал. 1998. № 3. С. 3.

[26] Там же. С. 4.

[27] История второй мировой войны 1939–1945 гг.: в 12 т. М., 1982. Т. 12. С. 154.

[28] *Соловьёв Б. Г.* Экономическое противоборство СССР с Германией в Великой Отечественной войне. Ереван, 2000. С. 16–17.

[29] Военное хозяйство — Тыл Вооруженных сил России (XVIII–XX вв.) М., 2003. С. 285.

[30] Там же.

[31] Военно-исторический журнал. 1961. № 6. С. 43.

[32] *Кондакова Н. И.* Война, государство, общество. 1941–1945. М., 2002. С. 158.

[33] *Чадаев Я. Е.* Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Изд. 2-е, пер. и доп. М., 1985. С. 105.

[34] Великая Отечественная война. Вопросы и ответы. М., 1984. С. 106.
[35] *Чадаев Я. Е.* Указ. соч. С. 79.
[36] Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Статистический сб. М., 1990. С. 15.
[37] Великая Отечественная война. Вопросы и ответы. С. 108.
[38] Народное хозяйство СССР Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. С. 15.
[39] Там же.
[40] Там же.
[41] ЦАМО. Ф. 15а. Оп. 1849. Д. 1. Л. 105.
[42] Военно-исторический журнал. 1998. № 3. С. 5.
[43] Цит. по: Международная научная конференция «Вторая мировая война, Великая Отечественная война советского народа — по архивным документам». М., 1995. С. 6.
[44] Военно-исторический журнал. 1998. № 3. С. 5.
[45] Там же. 2006. № 1. С. 15.
[46] *Зверев А. Г.* Записки министра. М., 1973. С. 198.
[47] Правда. 1943. 9 января.
[48] Военно-исторический журнал. 2006. № 6. С. 15.
[49] *Вознесенский Н. А.* Указ. соч. С. 18.
[50] *Соловьёв Б. Г.* Указ. соч. С. 18.
[51] *Ковалёв И. В.* Транспорт в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.). М., 1981. С. 143.
[52] Военно-исторический журнал. 2006. № 1. С. 15.
[53] Тыл Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М., 1977. С. 350.
[54] История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. М., 1961. Т. 2. С. 560.
[55] Советский тыл в Великой Отечественной войне М., 1974. Кн. 1. С. 188.
[56] Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки: в 4 кн. М., 1999. Кн. 4. С. 85.
[57] *Кравченко Г. С.* Военная экономика СССР 1941–1945 гг. М., 1963. С. 381–382.
[58] Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945 гг. Краткая история. М., 1970. С. 571.
[59] Советская социалистическая экономика. 1917–1957 гг. М., 1957. С. 581.
[60] Военно-исторический журнал. 2006. № 1. С. 16.
[61] РЦХИДНИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 103. Л. 168–170.
[62] *Краснов В. Н.* Ленд-лиз и развитие советского флота // Вопросы истории, естествознания и техники. 1993. № 1. С. 73.
[63] История автомобильного транспорта России 1941–1945 гг. М., 1998. С. 76–77.
[64] Тыл Советской армии в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Ч. IV, V, VI. Л., 1963. С. 326.
[65] История автомобильного транспорта России 1941–1945 гг. С. 76–77.
[66] Вторая мировая война. Итоги и уроки. М., 1962. С. 225.
[67] Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 4. С. 87.
[68] ЦАМО. Ф. 87. Оп. 37009. Д. 75. Л. 358.
[69] Там же. Ф. 81. Оп. 6342. Д. 1. Л. 8, 58–61.
[70] Тыл Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М., 1977. С. 492.
[71] ЦАМО. Оп. 120370. Д. 470. Л. 110.
[72] Там же. Ф. 81. Оп. 12074. Д. 3-а. Л. 177.
[73] Тыл Советской армии. М., 1968. С. 274.
[74] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 498138. Д. 2. Л. 6, 11; Оп. 132054. Д. 18. Л. 1.
[75] Тыл Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. С. 496.
[76] Тыл Советской Армии. С. 284.
[77] Там же. С. 273.
[78] *Байбаков Н. К.* От Сталина до Ельцина. М., 1998. С. 186.
[79] Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь. М., 2010. С. 523.
[80] *Байбаков Н. К.* Указ. соч. С. 164.
[81] *Иголкин А.* Подвиг нефтяников // Нефть России. 2008. № 5.

[82] *Байбаков Н. К.* Из трудовой биографии // НТО им. Губкина И. М. 1995 г.
[83] *Байбаков Н. К.* Нефтяной фронт. М., 1995.
[84] *Зеленков В. Г., Ичетовкин Н. В.* Северо-Восток в годы Великой Отечественной войны. Магадан, 2006.
[85] *Козловский Е. А.* Уроки Великой войны: геология и национальная безопасность. М., 2009.
[86] *Байбаков Н. К.* Нефтяной фронт. М., 1995.
[87] *Иголкин А.* Новая столица советской нефтедобычи // Нефть России. 2007. № 7.
[88] *Колтунова А. Н.* Женщины на шахтах Дона в годы Великой Отечественной войны // Уголь. М., 2006. Май.
[89] *Славский Е. П.* Творцы ядерного века. М., 1998.
[90] *Пришвин М. М.* Дневники. М., 1990. С. 301.
[91] *Симонов К.* Глазами человека моего поколения. М., 1988. С. 288–289.
[92] Пятидесятилетие Великой Победы над фашизмом. История и современность. Материалы международной научной конференции 27 сентября — 3 октября 1995 г. Смоленск, 1995. С. 343.
[93] РЦХИДНИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 14. Л. 85.
[94] *Сталин И. В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1953. С. 13.
[95] Там же. С. 22, 27.
[96] Там же. С. 28.
[97] Там же. С. 51.
[98] Там же. С. 42, 78, 116–117, 118, 144 и др.
[99] Там же. С. 144.
[100] Там же. С. 160–161.
[101] Там же. С. 88, 91, 177.
[102] Там же. С. 30, 40.
[103] Народ и война. 50 лет великой Победы. СПб., 1995. С. 247–254.
[104] Великий подвиг советского народа. М., 1975. С. 210.
[105] *Толстой Л. Н.* Собр. соч. М., 1987. Т. 5. С. 280.
[106] *Кондакова И. И.* Идеологическая победа над фашизмом (1941–1945 гг.). М., 1982. С. 139.
[107] Правда. 1944. 22 июня.
[108] Сборник сообщений Чрезвычайной комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков. М., 1964. С. 430.
[109] *Сталин И. В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 46.
[110] *Симонов К. М.* Стихотворения и поэмы. М., 1982. С. 133.
[111] *Светлов М. А.* Стихотворения, песни, поэмы. М., 1983. С. 134.
[112] Правда. 1945. 14 апреля.
[113] Война Германии против Советского Союза. С. 251.
[114] Цит. по: Летописцы победы. М., 1984. С. 16–17.
[115] Цит. по: *Тюшкевич С. А.* Борьба за огонь. М., 2010. С. 212.
[116] *Сталин И. В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 2002. С. 13–14.
[117] Всероссийская Книга Памяти. 1941–1945. Обзорный том. Изд. 2-е доп. и испр. М., 2005. С. 298; *Тюшкевич С. А.* Указ. соч. С. 219.
[118] *Кондакова Н. И.* Война, государство, общество. 1941–1945. М., 2002. С. 370.
[119] Центральный архив ВЦСПС (далее — ЦА ВЦСПС). Ф. «ПМ». Материалы к отчету ВЦСПС. Май 1947 г. Л. 8, 10.
[120] См.: История профдвижения в СССР. М., 1961. С. 389.
[121] ЦА ВЦСПС. Ф. «ПМ». Материалы к отчету ВЦСПС. Май 1947 г. Л. 40.
[122] Центр хранения документов молодежных организаций (далее — ЦХДМО). Материалы к отчету ЦК ВЛКСМ XI съезду комсомола. Л. 84.
[123] ЦХДМО. Л. 86–87.
[124] Там же. Л. 187–188.
[125] Там же. Л. 94.
[126] Там же. Л. 96–97.

[127] ЦХДМО. Л. 155.
[128] Там же.
[129] Там же. Отчет о работе организации юных пионеров. Л. 11.
[130] Там же.
[131] См.: 40 лет советской потребительской кооперации. М., 1957. С. 83.
[132] Там же. С. 95.
[133] С 1951 г. Осоавиахим получило название «Добровольное общество содействия армии, авиации и флоту» (ДОСААФ).
[134] К середине 1930-х гг. Автодор, Общество друзей радио прекратили свое существование, а подготовка специалистов, обучавшихся в них, была возложена на Осоавиахим. В связи с этим роль последнего в военном обучении населения еще более возросла.
[135] ЦХДМО. Материалы к отчету ЦК ВЛКСМ XI съезду комсомола. Л. 42.
[136] ЦА ДОСААФ. Ф. «Осоавиахим». Оп. 16. Арх. 41. Л. 80, 82.
[137] Там же. Оп. 1. Арх. 1. Л. 151.
[138] ЦХДМО. Материалы к отчету ЦК ВЛКСМ XI съезду комсомола. Л. 87.
[139] 40 лет советского Красного Креста. 1918–1958. М., 1959. С. 38.
[140] Там же.
[141] Война и общество в XX веке. Кн. 2. С. 213.
[142] Там же. Л. 53, 191.
[143] ЦА ВЦСПС. Ф. 447. Д. 84. Л. 23.
[144] Там же. Л. 24.
[145] Там же. Л. 56–57.
[146] Там же. Ф. «ПМ». Материалы к отчету ВЦСПС. Май 1947 г. Л. 139.
[147] С. А. Лозовский после войны был арестован как враг народа и расстрелян в 1952 г. вместе с двенадцатью другими активными деятелями Еврейского антифашистского комитета.
[148] См.: История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945: в 6 т. М., 1965. Т. 6. С. 120.
[149] РГАСПИ. Оп. 121. Д. 84. Л. 82–94; Д. 94. Л. 92–98, 143–152; Оп. 125. Д. 106. Л. 1–6; Д. 317. Л. 1–3.
[150] В то же время инициативы общественности по созданию добровольных организаций ветеранов войны, помощи детям, пострадавшим от войны, не были поддержаны.
[151] Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 4. С. 22.
[152] Антирелигиозник. 1937. № 11. С. 2.
[153] *Фончиков В. В.* Выступление на встрече историков, философов, деятелей культуры // 30-е годы: взгляд из сегодня. М., 1990. С. 158.
[154] Там же.
[155] Там же. С. 15.
[156] Всероссийская Книга Памяти. 1941–1945. Обзорный том. С. 328.
[157] *Мединский В. Р.* Указ. соч. С. 364.
[158] Всероссийская Книга Памяти. 1941–1945. Обзорный том. С. 328.
[159] Там же.
[160] *Цыпин В.* История Русской православной церкви. 1917–1990 // Московская епархия. 1994. С. 117.
[161] Отечественная история. 1995. № 3. С. 78–79.
[162] Всероссийская Книга Памяти. 1941–1945. Обзорный том. С. 301.
[163] Там же. С. 302.
[164] Там же. С. 303.
[165] Там же.
[166] Там же. С. 305.